

ЖЕВИКА
ВДОЛИНЕ

— ◆ —
КРОЛЬ
под
ГОРОЙ

МАРИЯ
ГУРОВА

Annotation

Дебютный роман Марии Гуровой «Ежевика в долине. Король под горой» из цикла о Спящем короле.

Первая часть трилогии, каждая часть из которой состоит из повести-приквела и основного романа.

Война – это традиция.

В суровую эпоху в королевстве Эскалот взрослеют двое подростков.

Тристан Трувер, послушник рыцарского Ордена пальеров, встречает в лесу фею, впервые влюбляется и становится перед выбором между чувствами и долгом.

Илия Гавел, сын министра иностранных дел, узнает, что ему предназначено стать проводником древнего короля и преемником нынешнего.

Победа достанется государствам, которые возродят национальных героев прошлого в век, когда танки и самолеты сменили мечи и щиты.

Вместе Илия и Тристан отправятся на фронт и поиски легендарной усыпальницы.

Смогут ли юноши, выросшие в мире без волшебства, разбудить короля под горой?

Цикл о Спящем короле – это серия произведений с классическими сюжетами европейской литературы, помещенными в декорации вселенной, напоминающей наш мир в 1920–1940 гг.

-
- [Мария Гурова](#)
    -
    - [Вступительное слово](#)
    - [Книга I](#)
      - [Пролог](#)
      - [Глава I](#)
      - [Глава II](#)
      - [Глава III](#)
      - [Глава IV](#)
      - [Глава V](#)

- [Глава VI](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Книга II](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Антракт](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Мария Гурова
Ежевика в долине
Король под горой

© Гурова М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вступительное слово

Важной частью в восприятии искусства являются ассоциации. Заглавие романа «Король под горой» в первое мгновение отсылает меня в книжную вселенную Дж. Р. Р. Толкина, а затем, по наитию, я вспоминаю пласты древнее: «Артуриана», цикл о святом Граале, романы о Тристане и Изольде и, уходя все глубже, германский и галльский фольклор.

Западноевропейское Средневековье привлекает внимание писателей уже много веков, поэтому идея деконструкции формы рыцарского романа накладывает на писателя большую ответственность и обязательство филигранно играть всеми знакомыми сюжетами. Рассказать известный мотив по-новому, сместить акценты на актуальные повестки, сохранить уважительное отношение к традиции и найти собственный голос в хоре предшественников сложнее, чем кажется.

Каждое произведение из Цикла о Спящем короле структурно соответствует избранной форме: «Ежевика в долине» воссоздает куртуазный роман, а «Король под горой» – рыцарский в декорациях фэнтезийного мира. Повесть и роман, как и все книги Цикла, связаны между собой временными рамками: правлением одного государя и войной, терзающей этот уникальный мир, в котором неразделимо переплелись рыцари-пальеры и агнологи, носители верности традиции против идеологов прогрессивной гуманитарной мысли. Обе стороны воплощают две ветви науки и вечную борьбу противоположных идей, сплетая, казалось бы, несочетаемые концепты.

В Цикле очевидны аллюзии на период начала XX века: Великая война, эпоха жестких и внезапных перемен, которые неузнаваемо меняют мир перед глазами читателя. Мы наблюдаем за его преобразованием глазами двух подростков, взрослеющих в этих условиях. Они становятся свидетелями и участниками столкновений различных идеологий, на своем примере проживая, как вера людей перекраивает саму реальность, в результате открывая путь средневековым легендам и историческим событиям в мир, который для этого не предназначен. Законы истории и пророчества подчиняют

«идее» поступки людей, стирая их индивидуальную волю и приводя к трансформации мироустройства.

Удивительно, но «избранные» сохраняют индивидуальность, служа проводниками изменений. Их исторические и литературные источники не затмевают яркой личности юных персонажей. Например, Спящий король, популярный у разных народов мифологический троп, пальеры, как рыцари Круглого стола, самобытно существуют в обстоятельствах Новейшего времени. Герои наследуют образы, но не имитируют их, отражая тенденции современной фэнтези-литературы.

Особенный трепет вызывают женские персонажи: Ронсенваль, чье имя в переводе с французского означает «ежевика в долине» и отсылает нас к истории о Роланде. Ронсенваль – одновременно и холодная Прекрасная Дама из скрытого от человеческих глаз замка, и чувственная Изольда. Гислен напоминает леди Альду, невесту рыцаря Роланда, своим тихим смирением и покорностью окружающим, которая в мире достигнутой женской эмансипации вызывает только упреки и неприятие в обществе.

Герои не повторяют в точности судьбу исторических или легендарных прообразов, проживая свою литературную жизнь на страницах романа «Король под горой». Однако всегда присутствует легкий мотив, скрытая ностальгия по бродячим сюжетам мировой литературы. Подобная тонкая работа позволяет одновременно взглянуть на знакомых персонажей в современных реалиях и привести нетипичных персонажей в новую литературу.

Цикл о Спящем короле наполнен аллюзиями к нашим любимым сюжетам. Это чтение о благородных героях, сошедших со страниц мирового фольклора, в декорациях «потерянного поколения». «Король под горой» отражает легкость и насыщенность событиями классического фэнтези, деконструируя «вечные сюжеты» в традициях литературы постмодерна. Подобное стилевое решение позволяет равно ответить и на запросы читателей классического фэнтези и современной литературы, и на главные вопросы – «Кем мы стали?» и «К чему пришли?» – на данном этапе цивилизации.

Вероника Черняховская,
писательница

Книга I

Ежевика в долине

Пролог

Погасла керосиновая лампа, уступив комнату лунному свету. А он протянулся тусклыми прожекторами из застекленных бойниц. Один луч высвечивал сопящие носы, другой – подергивающиеся пальцы ног, высунутые из-под одеяла, третий – ссутулившуюся на койке мальчишескую фигуру, угловатую, сторбившуюся под шерстью наброшенного на голову пледа.

Спальни послушников были похожи на казармы. Ночью пустота пространства не так давила, как днем озаренная солнечными лучами аскеза. Тогда-то все было явно наперечет: семь кроватей, семь табуретов возле них, один шкаф на всех. В нем ровно восемь полок; на семи из них лежали аккуратно сложенные короткие брюки, рубашка, гетры, свитер, галстук и портупья, а восьмая всегда пустовала. Ее ни за что нельзя было занимать: у членов Ордена и школяров должно быть всего поровну, даже если это было вот так нелогично. Семь серых кителей висели на штанге в платяном шкафу. Личных вещей у каждого послушника мало, даже мыло и полотенца общие.

Посреди спальни стоял чугунный очаг – единственный источник тепла, не считая семерых ребят. Изо ртов шел пар, когда кто-то из них шумно выдыхал во сне. Они привыкли терпеть, выучились объяснять необходимость добровольных лишений, некоторые даже могли воспевать свои тяготы и жертвы. Каждый в этой комнате был младше тринадцати лет, потому никто из них еще не научился запрокинуть храпеть, как это делали старшие ребята. Избалованные беззвучными ночами, мальчишки спали чутко и ворочались, заслышав шорох. Стылый неуютный покой царил в любой из таких комнат. А еще кричащая нехватка того самого важного, в чем так нуждался каждый юноша: тишины внутри задернутого полога, любимых безделушек и непринужденного беспорядка.

Ничего подобного здесь не находилось. Каждому послушнику Ордена разрешалось хранить одну книгу и одну личную вещь. Вот и Тристан имел такую – Ситцевого рыцаря, тряпичную куклу. Игрушку еще в раннем детстве смастерил для него сэр Мерсигер, почитаемый и обожаемый школярами наставник. До того он

проникался судьбой каждого ученика, что не смог обделить заботой осиротевшего Тристана. Учитель тогда взял зеленую ткань – кривой обрез ситца, что хранился у маленького Тристана, и сшил ему куклу, а вместо копья вложил в игрушечную руку обструганную и разукрашенную веточку терна. Сэр Мерсигер рассказал, что кричащего годовалого Тристана привезли завернутым в этот самый ситец и что кусок ткани походил на наспех разрезанную юбку или платье. И Тристан всю жизнь верил, что эта юбка или платье когда-то принадлежали его матери. Оттого он так крепко любил своего Ситцевого рыцаря. Тристан говорил:

– Вы, сэр, служите прекраснейшей из дам – моей матушке, раз носите на себе часть ее платья!

А Ситцевый рыцарь отвечал:

– Конечно, Тристан! Большая честь служить такой леди! Вот сами и поймете, как станете рыцарем.

– Вам следует быть идеальным, чтобы не посрамить ее имени, – поучал его Тристан.

– Для того и стараюсь! Я бы не посмел запятнать ее честь своими недостатками.

– А разве они у вас есть, сэр? – удивился Тристан.

– Всего один: я неживой, – ответил Ситцевый рыцарь, сотрясаемый рукой мальчика.

– Так не пойдет. Ее бы это очень оскорбило и, я уверен, расстроило.

Ситцевый рыцарь браво взмахнул копьем и закивал, подталкиваемый указательным пальцем Тристана.

– Вот и я думаю, что не пойдет. Нам должно это исправить!

В хрупкий мир под пледом ворвался голос извне.

– Тристан, что ты там делаешь? Ложись спать!

Нехотя и выждав, Тристан ответил:

– Не мешай, Гаро, я на военном совете.

Послышался вздох, полный возмущения. Военные советы длятся долго, как говорят.

– Какой еще совет за полночь? Спи давай! – шикнул Гаро.

Но в шатре из старого пледа решались судьбы. Спать было нельзя.

– Как же, сэр, мы можем это исправить? – резонно спросил Тристан. Он совсем не представлял, как можно кого-нибудь оживить.

– Проще, чем кажется. Но для начала скажите, вы меня любите?

– Люблю как самого верного из товарищей! – заявил Тристан. И ему показалось, что Ситцевый рыцарь выгнул набитую грудь колесом.

– Тогда нет никаких препятствий для нашей церемонии, – уверил его Ситцевый рыцарь. – Просто пожелайте, чтобы я был живым, и я буду.

Тристан бы и рад был остановиться, но игра его увлекла. Ну и поругали бы его наставники, узнай они, что он играет в магические ритуалы.

– Но я и так желаю. Не сомневайтесь, сэра, я бы хотел... – он не знал, как произнести это желание. Чтобы Ситцевый рыцарь ожил? Чтобы говорил сам? Чтобы превратился в человека?

– Так подарите мне душу, господин, – объяснил он.

– Как?

– Дайте мне имя, если вам его не жалко.

Тристан задумался. На ум ничего не шло.

– А что же вам Ситцевый рыцарь не по душе?

– Хорошее прозвище, зовите меня так, коли угодно, – сказал он. – Но вы всегда обращаетесь ко мне «сэр». Как рыцарю жить без имени?

Тристан улыбнулся, он вдруг все понял.

– Что ж, так имени мне для вас совсем не жаль. Вы будете сэра Трувер, Ситцевый рыцарь! – воскликнул он, отчего соседи по комнате заскрипели кроватями.

– Вы... Вы даете мне свое имя? – растерянно спросил Ситцевый рыцарь, и Тристан вдруг услышал совершенно чужой, мужской голос, совсем не похожий на свой, ребяческий.

– Вы живы! – прошептал ошарашенный Тристан. Он вдруг заметил, что тканевая фигура двигалась сама, совсем без усилий его пальцев. Он бережно положил куклу на подушку. И Ситцевый рыцарь закивал.

– Все так, господин мой, вашим усердием я жив. И благодарен вам за имя ваше и вашей матушки, чьи одежды я на себе ношу. Я бы не смел мечтать о большем, чем вы одарили! – Тристану показалось, что Ситцевый рыцарь всхлипнул. Или шмыгнул носом, если бы его нос не был таким же набитым соломой и опилками, как он сам.

– Чудо какое, – определил происходящее Тристан.

– Я в благодарность теперь буду служить вам вечно. Примите мою присягу, господин!

– Чем же ты можешь мне послужить? – спросил Тристан. Неожиданно игра для него закончилась. Но он был даже удивлен, как спокойно воспринял случившееся под пледом. Другой бы завопил, отбросил куклу, а может, и с кровати спрыгнул.

– Что ни спросите, на все получите ответ. Вы не смотрите, что я так невелик, что набит соломой и вооружен только терном. Я ведаю больше любого из ваших наставников. И теперь мои знания – ваши.

На беду, проснулся Оркелуз, самый вредный и коварный из школяров, каких встречал Тристан. Как подобает добру и злу, они яростно друг другу противостояли. Оркелуз не то хрюкнул, не то хихикнул, а потом скрипуче позвал:

– Эй, Гаро.

Гаро решительно его игнорировал, но Оркелуз не унимался:

– Эй, Гаро.

– Да ты-то чего не спишь? – возмутился бедняга, которому со всех сторон мешали уснуть.

– Гаро, а ты знал ли, что Тристан играет в куклы? – Оркелуз снова хохотнул.

– Молчи, дурак! – одернул его Тристан. В комнате было так пусто, что нечем было и швырнуть в наглеца. Разве что ботинком, но и тот мог улететь в окно.

– Я сейчас вас обоих к щелбанам приставлю! – пригрозил Гаро.

Оркелуз еще гоготал, но измученный Гаро, расположенный с ним по соседству, все же не выдержал. Оркелуз получил заслуженный щелчок по лбу, огрызнулся и замолк. И если бы послушники не дулись друг на друга, драматично ворочаясь в койках, они бы услышали победное «ха!» из-под одеяла Тристана. Но произнес его вовсе не он.

Глава I

Ягоды и коренья

Орден пальеров был древнейшим на континенте. Его рыцари всегда служили самому сильному из монархов. А когда технический прогресс принес в мир череду революций, изменивших уклады во многих государствах, осталось одно королевство – Эскалот. Его нынешний король был человеком почитаемым и мудрым, но больным. К старости разные хвори, среди прочих подагра, приковали его к столице. Больше всего монарха мучила боль потери: он пережил трех своих наследников и влачил остаток века, изводимый горем и неопределенностью. Норманн II Удильщик был последним в своем роде. Он получил прозвище за любовь к рыбалке, часами мог сидеть у пруда с удочкой. В народе шутили, сколько, должно быть, законов и решений было принято на том берегу. Пальеры сохранили присягу последнему из королей. Однако их тоже терзала неизвестность. Новый мир несся на них бушующей техногенной и бунтующей человеческой стихией. И никто не знал, как люди, которые лучше умеют пользоваться мечами, нежели винтовками, выживут здесь и останутся себе верны. В Ордене состояли воины и ученые, вернее было бы сказать, что каждый рыцарь-пальер являлся и воином, и ученым. Большинство из них собралось в стенах их альма-матер – в замке Пальер-де-Клев. Здесь расположилась и их резиденция, и библиотека (крупнейшая на континенте), и пансионат для ветеранов и инвалидов, неспособных больше нести военную службу, и школа, где обучали юных послушников. В школяры принимали только мальчиков из благородных семей, но далеко не каждые родители желали детям такой участи. Пальеры несли присягу и аскезу, намеренно отказываясь и от брака, и от карьерных амбиций вне Ордена. Они были не так успешны, как офицеры регулярных армий, не так алчны, как наемники, не так коррумпированы, как агнологи. Последние тоже были учеными, но скорее мировой корпорацией, занимающейся изучением явлений на стыке официальной и квазинауки – агнологии, «науки неизвестного». Пальеры презрительно о них отзывались и нарекли «новыми колдунами». Вопросы магии и этой науки в Пальер-де-Клев были

табуированы. Незачем рыцарям терзать душу суевериями. Мир слишком богат искушениями, чтобы желать еще и чего-то поистине сомнительного.

Тристан знал и про запреты, и про желание запретного. Когда послушнику исполняется шестнадцать, наставники начинают говорить с ним более душевно и одновременно строго. Так, по словам учителей, более тяжкое бремя то, что гнетет ум и совесть, а не тело. Тристан кивал и понимал, как ему не повезло. Покуда ровесники нет-нет да сбегали в деревню к девушкам, он донимал расспросами Ситцевого рыцаря и засыпал над кипой книг. Почему природа такова? Почему он таков? Какие обыкновенные вопросы для юноши шестнадцати лет и как по-разному можно искать на них ответы. Может, и правда было бы лучше отправиться за ними на ярмарку, а не в библиотеку. Конечно, за самовольные отлучки и наказание было соответствующим, в то время как за ученое усердие полагалась похвала. Но Тристана не покидало чувство, будто он готовится к какому-то ужасному преступлению и что за него дают даже не розги, а высшую меру. Позорная казнь недостойного рыцаря – расстрел. словно демонстрация бессилия слабого человека, предавшего традицию, перед оружием нового мира, которым в былые времена пользовались только трусы. Очень патетичная философия, так думал Тристан и все равно страшился. Ситцевый рыцарь был свидетелем, уликой и соучастником в деле, о котором Тристан не мог никому рассказать. Он четыре года носил секрет в себе, а своего болтливового товарища – в планшете из овчины, который для куклы был удобнее вещмешка. Эта трогательная привязанность к игрушке, сшитой из материнской юбки, не добавляла ему мужества в глазах прочих послушников. Но Тристану было почти все равно. Почти.

Тристан стоял во дворе замка. Над его головой реял темно-зеленый штандарт с серой эмблемой Ордена: симметричным деревом, прорастающим вверх и вниз, роняющим плоды к корням. Девиз под ними гласил «На смену друг другу». Первые солнечные лучи едва окрасили шпили на башнях в медовый цвет. Ясное небо слепило опухшие от сна глаза. Утренние зарядки нравились многим ребятам. Тристану же было тяжело пробуждаться в то время, когда все вокруг единогласно, словно по сигналу, начинало бурную жизнь. Солнечный свет раздражал. Тело было непослушным. Птицы пели громко, не

говоря уже о тренере, выкрикивающим команды и свистящем то и дело. Звук свистка был утренним испытанием. Тристан постоянно наклонялся и морщился.

– Трувер, соберись и беги быстрее! – торопил его тренер. – Ты всех задерживаешь!

Тристан не был крепким и спортивным юношей, как большинство послушников в Пальер-де-Клев. Кормили их хорошо, не вкусно, но плотно. Тристан не имел недостатка в аппетите. Но мощи ему это не прибавляло. Он был быстрым, жилистым, выносливым и упорным, а еще очень ловким. Но все эти качества просыпались в нем под вечер. Жаль, что зарядку проводят не ночью. Вот сейчас он приседал тридцать четвертый раз и хотел упасть ничком.

– Закончили! – прогремел тренер. – Сейчас марш в душ, всем вымыть волосы, и поторопитесь. Цирюльник уже приехал. Налево! Бегом!

Когда Тристан скрылся с глаз тренера, перешел на шаг. Торопиться не имело смысла, он все равно придет к душевым последним. А еще он оттягивал момент, когда придется расстаться со своими волосами. Он любил темные локоны, хотя они то и дело свисали со лба и пружинили перед глазами. Тристан был уверен, что у его родителей, хотя бы у одного из них, были такие кудри. Он смотрел на себя в зеркало и представлял, какие черты достались от матери, а какие связывали его с отцом. О Труверах ему не рассказывали ничего, кроме того, что они происходили из мелкого дворянства и что погибли в пожаре. Тристана же спасло то, что у его матери не было молока и в тот роковой час его как раз забрала кормилица вместе с платьем, которое пообещала заштопать. Мальчику не досталось даже семейных фотографий. Поэтому Тристан не разлучался с Ситцевым рыцарем, берег свои волосы и вечерами смотрел в зеркало вовсе не из самолюбования. Черты его лица были единственным наследством, неброским фамильным серебром. Какой успокаивающей, баюкающей его тоску была эта мысль.

И все же Тристан в очередной раз лишился своих волос. Теперь все послушники были стрижены под горшок и узнавать друг друга издалека стало труднее. Сегодня на уроке сэр Мерсигер рассказывал о целебных травах и корнях, которые могут спасти жизнь, если рыцарь оказался вдали от цивилизации. Так Тристан узнал, что стебли

громового лука помогают очистить зубы и снять любое воспаление во рту, а пыльцу семия можно нюхать, чтобы быстрее уснуть.

– Не хочешь подышать пыльцой, а, Тристан? – ткнул его под локоть Гаро.

– Меня в детстве ею натирали, не иначе, – мрачно ответил он. Гаро ведь знал, что Тристан переносит утро, как сезонную болезнь.

– Чудесными свойствами обладает корень струпки, – увлеченно повествовал сэр Мерсигер. – Он выглядит странно: с середины раздваивается, словно у него есть ножки. Пучок, видный над землей такого, видите, иссиня... хвойного цвета. Растет в долине при Гормовых холмах, кстати, одно из четырех мест на земле, где можно эти корни найти. Но они очень редкие, потому очень ценные. Один этот корень может исцелить до полусотни известных болезней, я уж не говорю, что он снимает практически любой болевой или воспалительный синдром. Его чудотворные свойства заключаются и в том, что, очистив его от кожуры, вы можете заткнуть им глубокое ранение (а он достаточно длинный), и этим полностью остановите кровотечение в ране. Внешнее и внутреннее! Превосходное средство! Современная аптека держалась бы только на одном этом корне, если бы не его редкость... Да. Сейчас мы подходим к самому главному.

Сэр Мерсигер расправил карту на доске и ткнул указкой.

– Вот места, где он может произрастать. Одно из них, видите, совсем близко. Буквально в полудне пути от замка! Говорят, его завезли сюда и высадили в холмах первые рыцари-пальеры. И я даю вам такое испытание: мы отправимся на его поиски.

Послушники поддержали идею одобрительными возгласами. Все любили пешие прогулки и походы в лес. Сэр Мерсигер улыбался, глядя на их радость. Но жестом попросил тишины.

– Приз за находку не менее ценен, чем струпка: нашедший корень первым получит наречение!

Школяры зашумели громче прежнего, некоторые застучали кулаками по партам. Большая честь быть первым, кого произведут в рыцари, и большая возможность. Легенда гласила, что всякого такого рыцаря охотнее принимают на службу, что это высокое признание его способностей, что все послушники надеются заслужить право первого прикосновения Аграля – церемониального меча – к своим плечам. И в Тристане разыграло тщеславие, но он знал, это только надежда. На

деле струпку можно искать неделями и не найти ничего. Когда книги заменяют и подушку, и вечерних собеседников, теряешь много чайний, основанных на вере.

– Отправляемся после обеда, едем верхом. Разбиваем лагерь и, по моим планам, останемся в холмах на ночь, – каждая фраза раззадоривала ребят. – Вечером я дам старт, и вы отправитесь на поиски парами. От напарника не удаляться, обозначенную местность не покидать.

– Сэр, а почему вечером? Не легче ли искать струпку при свете дня? – спросил Оркелуз.

– Нет, увя, днем эти вершки корня мимикрируют и умудряются прикидываться заурядной травой или кустом, – с сожалением ответил сэр Мерсигер. – Что ж, господа, если нет еще вопросов, жду вас после обеда у главного входа.

Позже в коридоре Гаро спросил:

– Думаешь, мы его найдем?

Тристан помотал головой.

– Думаю, что не найдем. Мерсигер просто хочет, чтобы эта вылазка имела какой-то смысл и мы были заняты поисками, а не тыкали на спор ядовитых жаб палками на болотах.

После обеда у подъемного моста собрались сэр Мерсигер и послушники, все верхом. В классе Тристана учились двенадцать мальчиков от тринадцати до семнадцати лет. Гаро был самым старшим в их компании, высоким и крепким. Оркелуз был ровесником Тристана, все прочие одноклассники были младше. Несмотря на разницу в возрасте, акколаду, церемонию посвящения в рыцари, класс проходил вместе. Считалось дурным тоном, если школяра оставляли послушником в чужом классе. Поэтому младшим ребятам приходилось сложнее. Для молодых людей, не отмеченных военными заслугами и фронтовым опытом, было звание рыцаря-сквайра.

– Я, кстати, вот этого не понимаю, – сказал Тибо, самый юный в их классе. – Это ведь просто звание внутри Ордена. Так-то мы все рыцари, верно?

Гаро с Тристаном усмехнулись.

– Верно, – ответил Гаро. – Только никому на службе не нужен рыцарь, который войну в глаза не видел.

– Есть ли пальеры, которые стали учеными? Ну, в смысле, остались учителями в школе после присяги?

– Ты что, боишься ехать на фронт? – вмешался Оркелуз.

– Вовсе и не боюсь! – бойко заявил Тибо. – Я просто интересуюсь. Мне интересно!

– Не задирай его, – одернул Гаро Оркелуза. – Не волнуйся, Тибо, тебя все равно никто не отправит на военную службу, пока не станешь совершеннолетним.

До места доехали быстро, разбили лагерь, а когда запалили костер, в лесу уже стемнело. Сэр Мерсигер велел всем зажечь фонари, разделил класс на пары по принципу «старший с младшим» и велел расходиться. Это был не первый поход и даже не такой изнурительный, как в стужу. Едва подоспевшая к долине весна растопила снег, превратив в болота даже лесные тропы. Послушников приучали к тяжелым испытаниям зимними переходами через холмы и двухнедельным отшельничеством в лесной хижине. Для одних парней это была пытка, для других – блаженные дни тишины и безмятежности. После испытаний им всегда задавали писать эссе на тему их приключений и переживаний. Наставники говорили, что Тристан не самый храбрый из послушников, но самый смиренный. А еще они говорили, что он мог бы стать поэтом – так необыкновенно цветист был его язык и так искренне мысли ложились на бумагу, будто плелись лозой. Тристан даже осознал, как у него это получается: он вообще ничего не записывал в походе, только осмыслял события, находил названия своим чувствам и давал всему этому оценку. Наверно, только так и поступают поэты, а не ученые.

В напарники Тристану достался Тибо. Он был не то чтобы пугливым, скорее, очень мнительным. И его болтовня сбивала Тристана с мыслей. Он щебетал своим еще не сломавшимся голосом всю дорогу.

– Давай договоримся: ты молчишь, а я рассказываю Мерсигеру, что ты все делал верно, вел себя храбро и вообще спас меня, вытащив из норы? – предложил Тристан.

– Тут есть такие норы, в которые можно упасть? – Тибо округлил глаза, Тристан же свои закатил.

Тибо все же принес ему охапку хлопот. Спустя четыре часа ходьбы по вязкой скользкой земле он набрал и воды, и грязи, и даже

веток в сапоги, чем и стер ноги в кровь в семи разных местах. А теперь канючил.

– Вот ты бедолага, – устало выдохнул Тристан. – И бедолага, и дуралей. Ты зачем гетры надел, когда надо было портянки?

– Они у меня всегда сползают! – стенал Тибо.

– Что мне с тобой делать?

Тристан сжалился и не стал отправлять напарника обратно к сэру Мерсигеру. Вместо этого он нарубил хвойных веток и соорудил ему небольшое гнездо, в которое велел улечься и спать.

– Смотри мне, Тибо, – пригрозил Тристан. – Не найдется той силы, что спасет твои уши от меня, если по возвращении я тебя здесь не найду. Или если ты еще натворишь глупостей.

Тибо виновато кивал. Не то понимал свою ошибку, не то понимал даже больше и умело юлил. В одиночку Тристан шел быстрее. Он свернул с тропы и направился к Гормовым холмам, прорубая себе дорогу через кустарник в густом лесу. Но прошел он недолго, из полевой сумки донесся голос Ситцевого рыцаря.

– Не туда идете, господин, если только вам надо за корнем струпки, – проворчал он.

Тристан остановился, огляделся. Убедившись, что никого поблизости нет, достал куклу.

– Знаете, куда идти?

– О да. Струпка не любит солнце и ему всегда мало питья.

– Значит, надо идти к озеру? – спросил Тристан.

– Именно, господин, именно к Ворклому озеру! Милее места не придумаешь для этих кореньев, – закивал Ситцевый рыцарь.

– Как же его тогда среди холмов находили?

– Должно быть, старая плантация фей, – предположил он. – Но если ее всю перекопали, то новых струпок в холмах не появилось, будьте спокойны.

Тристан вспомнил карту и повернулся в сторону Ворклого озера. Он никогда не был в глубокой чаще леса. И пока он шел, кроны деревьев, убранные прошлогодней померзшей листвой, становились все гуще, а дорога – все темнее. Тристан напряг слух. Было странно, что безлюдный лес с его непугаными жителями такой тихий. Тристан слышал только свои шаги. Шлеп, шлеп. Время от времени он переговаривался с Ситцевым рыцарем. Тому повезло: воцеленная кожа

планшета укрывала его от сырости внешнего мира. Тристану же досталось худшее. Было душно и влажно в лесу, от быстрого шага выступала испарина, и влага его тела встречалась с капелью и моросью, пропитавшей одежду. Но Тристан знал, что ничем это не исправит, и просто шел. Шлеп, шлеп, шлеп. И Ситцевый рыцарь запел. Он редко позволял себе подобное – обычно рядом с Тристаном могли оказаться незваные слушатели. Но во время походов и отшельничества Тристан узнал, что Ситцевый рыцарь имеет богатый репертуар: баллады, гимны, серенады и даже колыбельная.

– Кабы леди сжалилась и меня пригласила в дом, когда муж ее рогатый спит глубоким сном, – мурлыкал на кабацкий мотив Ситцевый рыцарь.

– Дурные песни поете, сэра, – осуждающе сказал Тристан.

– А это хорошо, господин, что вы в них дурость разглядели, – весело отозвались из планшета.

В воздухе запахло застоявшейся водой и холодом сильнее прежнего. Озеро было близко. Тристан начал спускаться вниз по некрутому склону. Гладь воды мягко отсвечивала, и Тристан не знал, откуда она берет свет, если не из своей глубины. А потом взглянул вверх. Сквозь ветви виднелась мозаика предрассветного неба.

– Светает, – прошептал он.

– Как и должно, – подтвердил Ситцевый рыцарь.

Тристан присел у дерева. Вдоль ветвистых корней пролегала трава – куцая, кучковатая, цвета горной хвои. Он достал топорик и взрыхлил землю.

– Вы были правы. Тут повсюду клубни.

– Чему совсем не стоит удивляться: ни струпке у озера, ни моей правоте, – недовольно заметил Ситцевый рыцарь. – А вам не следует быть жадным до чудес и наград. Выкопайте каждый седьмой, и этого будет достаточно.

Тристан никогда с ним не спорил. Был тому причиной его зрелый сиплый голос или отеческие интонации, но Тристан соглашался с любым советом соломенной головы. Провозившись час, он выкопал пять кореньев струпки, аккуратно отряхнул и, обернув в бинт, сложил трофеи в вещмешок. Он уже почувствовал, как одновременно заныли и запекли его колени. Сон подступал к нему, собирая на веках соль глаз,

как утреннюю росу. Если он так просидит хоть минуту, точно уснет прямо на могучих ивовых корнях.

Тристан уже собирался встать, но взглянул на берег озера. И не поверил глазам: фигура в чернильных одеждах стояла у края воды. Поверх шерстяного платья была наброшена накидка, словно бы из медвежьего меха. Он трижды сморгнул проступившие от усталости и бессонной ночи слезы, ожидая, что с ними по щеке скатится и видение. Но она стояла там. Тристан притих. Статная девичья фигура склонилась над озером. То, что Тристан поначалу принял за шаль, оказалось копной каштановых волос. Только передние локоны были собраны на затылке странной заколкой: не то из червленной меди, не то из высушенных трав. Пытливый взгляд Тристана добрался до истины: «Ежевика. Ягоды и листья ежевики». Прибрежная сыть скрывала ее ноги до колена, но Тристан был уверен, что девушка ходит босой. Она выпрямилась и откинула пряди волос за спину. Они конским хвостом пролетели вокруг ее талии и соскользнули вдоль юбки. Тристан задержал дыхание, так боялся выдать себя, но из-за этого только шумнее выдыхал и неравномерно втягивал носом холодный воздух. В груди все билось, стучало и металось, не отпущенное, не высказанное, перепуганное. Она что-то стирала в озере, а потом зачерпнула горсть и плеснула в лицо, растерев остатки воды по шее под высоким воротом платья, зачерпнула вторую – прополоскала рот. Тристан видел ее крупные красивые черты лица с высоким лбом, подчеркнутым черными бровями взлет над большими глазами с такими же пушистыми ресницами. Кожа ее была белая, а губы – цвета разбавленного вина, и верхняя губа была более пухлой. Он смотрел на ее рот, потому что она что-то читала или пела, но так тихо, что Тристан этого не слышал.

– Беспечная затея – спать на берегу в такую погоду! – голос из планшета прервал самый лучший момент в жизни Тристана так беспардонно, что тот дернулся и почти подскочил, но от неожиданности присел обратно на одно колено. Однако было поздно, девушка его заметила и резко взглянула на Тристана. Жизнь пронеслась перед глазами выпущенной пулей, такой же настоящей, какие, вероятно, летают на войне. Он так и смотрел на нее снизу вверх, они оба решали, что с этим делать. И она решилась первой: девушка резво сорвалась с места и побежала в лес. Тристан, сам не свой,

оттолкнулся от мокрой земли и сделал несколько широких, неловких шагов. Заметив его неуклюжее преследование, она развернулась и крикнула «Стой!», вскинув перед ним руку.

– Нет, пожалуйста! Я ничего тебе не сделаю, – Тристан боязливо поднял обе руки, словно на него смотрела не белая ладонь, а дуло винтовки.

– Смотри на свои сапоги, – отрезала она. И Тристан опустил глаза. Ее голос был не по годам низким, но звонким. Он был рад услышать его. Прикажи она Тристану утопиться в Ворклом озере, он бы пошел и утопился. Но она велела смотреть на сапоги. Судя по безмолвию Гормова леса вокруг, девушка уже убежала. А Тристан не сводил глаз с обуви. Тишину спугнул Ситцевый рыцарь:

– Занимательная сцена, но солнце уже...

– Молчите, – впервые перебил его Тристан. – Я запоминаю.

Глава II

О том, где искать сокровища

Возвращаясь к Тибо, Тристан обогнул его с запада и подошел со стороны холмов. Но в этой путанице не было никакой нужды. Мальчишка, узнав о найденном сокровище, воодушевился не на шутку, однако так же быстро и поник.

– Ты же не поделишь со мной славу, Тристан. Расскажешь сэру Мерсигеру, что я остался в лесу, а ты пошел в холмы.

– Я не сдам тебя, но и незаслуженных лавров ты не получишь, – ответил Тристан. – Я скажу, что ты шел рядом и что мы устроили стоянку в холмах. А пока ты стряпал еду, я ходил за хворостом. Там струпку и нашел.

Тибо закивал. Такой расклад его устраивал. Все же сэр Мерсигер, выслушав Тристана, был так горд и рад за воспитанников, что отметил Тибо. Всю дорогу ребята чувствовали Тристана. В замок они вернулись после полудня, поэтому к ужину новость успела разлететься по школе. В трапезной Тристана встречали как героя. Пять кореньев струпки – это истинный подвиг для последних рыцарей, которые служили и королю, и науке. Тристан был умен и больше молчал, слушая других, а только после заговорил сам. Так, узнав, где искали остальные ребята, он исключил эти места и выбрал такое, в котором раньше бывал сам и которое мог описать. Списав молчание на усталость после похода, Тристан ушел спать, и его, конечно, освободили от всякой службы перед отбоем. В спальне он лежал один в вечерней тиши, разбавленной пеньем птиц и редкими возгласами, доносящимися со двора Пальер-де-Клев. Но сон не шел. Тристан только сейчас понял, что его гложет невысказанная история. Если бы он рассказал, всем-всем рассказал про девушку на озере, возможно, кто-нибудь ему бы ответил, кто она. Может, ее видели в деревне. Может, она приносила молоко или масло в замок. Хотя она не была похожа на сельских женщин. Кем же она могла быть? Тристан рассуждал так: стоит искать самому, а не выдавать место. Явись туда целая делегация в поисках струпки, они точно ее спугнут, и Тристан больше никогда с ней не увидится. Этого никак нельзя было допустить.

– Понятно мне, о чем вы там думаете, – сказал Ситцевый рыцарь, которого он так и не достал из сумки.

– Я буду ее искать, – произнес Тристан. – Она же не явится к озеру на днях?

– Очевидно, не явится, – подтвердил Ситцевый рыцарь.

– Она не выглядит уставшей, растрепанной или крепкой, как девицы из деревни. И платье у нее такое... И это украшение в волосах... И сами волосы.

– Вот это вы, господин, простите, но из сумки я не разглядел.

Тристан пропустил колкость.

– Может быть и так, что она приехала с родней в эти места. Но где бы они тогда могли остановиться? Опять же или деревня, или пансионат, – рассуждал Тристан.

– В Пальер-де-Клев? С семьей? Вы что же, полагаете, она благородная дама? – заинтересовался Ситцевый рыцарь.

Тристан пожал плечами.

– Может быть, и дама. Только я ведь видел их на картинах.

– А, так эти прошлых лет.

– Ну, – неуверенно начал Тристан. – Вообще она на них похожа.

Он вспомнил все черты ее лица, все изгибы фигуры, все жесты и несколько сказанных ею слов. Он так напряг память, что нахмурился. А потом резко сел на кровати и достал письменные принадлежности. Стоит записать все подробности.

– Да, поговаривают, леди отличаются белизной кожи, синевой вен, изяществом пальцев и миндалевидностью ногтей, – перечислял Ситцевый рыцарь. – Присущи ли вашей даме эти качества?

– Да, да, – писал Тристан. – Белизна, и вены, и пальцы вроде. Но ногти я не разглядел.

– Печально, господин. Ногти бы все решили.

Тристан впервые улыбнулся, покраснел и легонько шлепнул планшет самодельным блокнотом.

– Не ерничайте, – потребовал он, хотя и сквозь улыбку.

– Похоже, вы все решили, – прокрихтел Рыцарь. – И насколько же серьезны ваши намерения как послушника пальеров?

Улыбка слетела с лица Тристана, как маска уличного жонглера. Действительно, стоит ему найти девушку с ежевикой в волосах, что он будет делать? Что он ей скажет? Зачем все эти усилия?

– Я просто хочу отыскать ее и узнать имя, – тихо ответил Тристан.

– А! Так все это ради знаний. Тогда хвалю вас и одобряю!

Тристан дописал слово «сапоги», поставил точку и убрал блокнот. Завтра ему положен выходной, и он начнет поиски в деревне. С этой надеждой он уснул быстрее, чем успел укрыться.

Утром он собрался быстро, окрыленный скорой возможностью начать поиски. В коридоре его нашел сэр Мерсигер. Наставник вручил ему конверт, советовал отдохнуть сегодня и похлопал по плечу. Тристан не сразу сообразил, а потому окликнул его, когда тот отошел.

– Простите, сэр, но здесь то, что я думаю? Здесь деньги? – спросил Тристан, нагнав его. Он не решался раскрыть конверт при учителе.

– Да, ты заслужил купить себе в деревне то, что пожелаешь.

Тристан кивнул. Послушникам никогда в качестве поощрения не выдавали деньги, приучая к тому, что рыцарь не продает свою службу. Очевидно, инициатива принадлежала сэру Мерсигеру лично. Школяры могли скопить у себя несколько монет, когда их отправляли за покупками для аптеки и кухни. Сдачу наставники обратно не требовали и всегда давали немного больше предполагаемой стоимости. Уже по дороге в деревню Тристан заглянул в конверт: там было несколько ассигнаций. Пересчитав их, Тристан прикинул, что награды хватило бы на целый вечер в таверне с друзьями или на мед, булочки и яблоки впрок. О покупке вещей он и не помышлял, не имело смысла приобретать то, что нельзя хранить.

Деревня шумела и манила рыночной кутерьмой, как в любой из выходных дней. Ряды прилавков в это время, особенно с приходом весны, всегда превращались в небольшую импровизированную ярмарку. Тристан зашел в самую известную в округе таверну, единственную с постоянным двором, под вывеской «Лисий хвост». Хозяйка – худая рыжеволосая женщина – стояла у барной стойки. Ее помощник тащил заказы из кухни. Столики были забиты под завязку. Прикинув шансы на успех, Тристан решил обратиться к хозяйке. Все же она заведовала гостиницей.

– Простите, мадам, – Тристан подошел к бару и замялся. Он никогда не посещал таверны без старших. – Здравствуйте!

Женщина оглядела его. При виде школьной формы она скусающе отвернулась. Не без причины полагала, что послушники ничего не

заказывают.

– Я бы хотел кое-что у вас спросить, – начал Тристан и засмутился еще больше, когда к пустой стойке приблизился подвыпивший мужичок и попросил повторить.

– Не отвлекай меня, парень. Сегодня много заказов, – бросила хозяйка и потянулась за бутылкой рома, чтобы плеснуть в стакан мужичка.

Тристан кивнул и полез за деньгами.

– Я понимаю, мадам, и не хочу занимать ваше время. Но не могли бы вы мне налить... – он принялся лихорадочно читать меню, чтобы озвучить заказ, который ему позволительно выпить, и при этом не выглядеть нелепо. – Сидр с грушей... В смысле грушевый сидр.

Он впопыхах протянул ей ассигнацию с наименьшим номиналом. И все же она заметно удивилась, что школяр расплачивается не мелочью. Хозяйка отсыпала ему сдачу монетами и поставила кружку сидра на стойку. Тристан сел. Предположив, что молчание может затянуться и привести к неуместному любопытству его соседа, который уже почти осушил рюмку, Тристан обратился к женщине:

– Простите, мадам...

– Если перестанешь просить прощения, возможно, мы перейдем к сути твоего дела, – сказала она, деловито взясь с посудой.

– Да, я хотел спросить. У вас на днях не останавливалась семья с девушкой с такими длинными темными волосами, – он провел ребром ладони по своему колену. А потом заметил улыбку хозяйки таверны и услышал смешки мужичка. – Нет, не подумайте, она моя родственница.

– Да? И как ее зовут? – спросила хозяйка. Тристан почувствовал жар на щеках. – Раз она родственница, ты же знаешь ее имя.

– Она дальняя... Кузина. Очень далекая кузина, – Тристан пожалел, что не придумал вопросы заранее.

– Ну фамилию-то семьи ты знаешь? – женщина оставила чашки в покое. Мужичок рядом не то кашлял, не то хохотал. Тристан смотрел на дно бокала и мечтал утопиться в сидре, чтобы перестать испытывать позор. Он мычал несколько секунд.

– Мадам, они могут не назваться своей фамилией, – он сам не поверил, что нашел оправдание своему невежеству. – Чтобы избежать огласки.

– Аристократы в моей гостинице? Я бы заметила. Скорее всего, они у вас в замке и остановились. Почему сразу там не спросил? – казалось, она даже поверила в байку Тристана.

– Я решил сначала спросить у вас, – ответил он и постарался выпить сидр очень быстро. – А вообще вы ее... их тут не встречали, в деревне?

– С такими длинными волосами? Не думаю.

– Ясно, – Тристан одним глотком допил сидр. – Благодарю! Всего доброго!

– Бывай, школяр, – посмеиваясь, сказала хозяйка.

Уже у выхода Тристан услышал беспардонные насмешки мужичка. Решив позориться до конца, он спросил о девушке у портного и трех продавцов на рынке. Только в эти разы он представлял ее кузиной одноклассника, которого сегодня не отпустили в увольнение. Никто не видел ни одной леди, тем более такой приглядной, какой описывал ее Тристан. У прилавка с выпечкой он встретил того, кого меньше всех хотел видеть.

– Кого принесло в нашу деревню! Сэр Тристан Пять Корешков! – Оркелуз театрально склонился.

– И тебе привет, сэр Оркелуз Зеленая Зависть, – парировал он.

– Отбрехиваешься, как ребенок.

Тристан молча прошел дальше по рядам, но Оркелуз не отставал. Если он его не прогонит, точно не сможет расспросить продавца в ювелирной лавке. Он был последней надеждой. Может, он продал эту заколку с ежевикой.

– Знаешь, в походе я обшарил все те места, о которых ты говорил. Там не было ни пучка струпки, если я пришел раньше тебя. И не было ни одной ямы, если пришел позже.

– Чего ты хочешь, Оркелуз?

– А что будет, если я выскажу свои сомнения учителю?

– Скажу, что будет, – предупреждающе начал Тристан. – Может, учитель пойдет туда и проверит. Может, поверит тебе и накажет меня. Но тебе влетит за стукачество. Давно не стоял на горохе или колени уже зажали? А потом еще мы с Гаро тебе поддадим, чтобы отучился уже язык распускать.

– «Мы с Гаро», – передразнил Оркелуз. – Достал прятаться за него! Возносишь товарищество...

– Потому что Гаро – лучший из друзей, а такого товарища, как ты, я бы не пожелал и врагу! – прервал его Тристан.

– Тебе повезло, что учителя в эти дни заняты приемом, иначе бы тобой занялись! – прошипел Оркелуз.

Тристан вмиг забыл о перепалке.

– Каким приемом?

– Всезнайке не доложили? Ожидаются высокие гости на нашем экзамене. Им предстоит увидеть, как я тебе наваляю...

– Да, наваляешь, – без интереса согласился Тристан. – А кто уже приехал?

– А чего ты так переполошился? Кого может ждать круглый сирота?

– Какой же ты гнилой, – разочарованно сказал Тристан.

– Только не расплячься посреди рынка, – сказал Оркелуз и, довольный тем, что довел соперника, оставил Тристана одного. Из сумки тихо послышалось: «Он напрашивается на дуэль». Но Тристан мотнул головой и прошептал: «Забудь». Высокие гости в Пальер-де-Клев. Тристан задумался, как бы выведать, нет ли среди них дамы. Но от изначального плана не отошел и спросил продавца украшений о странной заколке. Тот подобной никогда не держал. Тристан вздохнул и оглядел прилавки, надеясь найти подсказку. Вместо этого ему на глаза попало жемчужное ожерелье, что странно, по очень низкой цене. Жемчуг был пожелтевшим и неровным, но даже для него это было неприлично дешево.

– Простите, а почему этот жемчуг так мало стоит? – спросил Тристан.

– А! – махнул продавец. – Там застежка сломана и две бусины надколоты. Может, кому пригодится, платье расшить или в браслет переделать.

– Я его возьму! – воскликнул Тристан. Ему в голову пришла отличная идея.

Он опоздал на ужин и дождался сэра Мерсигера у выхода из трапезной. Из залы вкусно пахло, а Тристан успел перехватить одну сырную лепешку и пару слив. Он старался не думать о еде, а перебирал шарики жемчуга у себя в кармане. Наконец наставник закончил ужинать.

– Сэр Мерсигер, можно вас на пару слов?

– Конечно, Тристан, говори! Как прогулка в деревне? – он был по-прежнему доволен и расположен к Тристану. Это было кстати.

– Что? А, прогулка прошла прекрасно, благодаря вам. Спасибо! Только я хотел спросить, не знаете ли вы, в Пальере на днях останавливалась какая-нибудь леди? – Тристан старался говорить непринужденно. – В пансионате?

– Леди? Да не должна была. А что? – наставник был озадачен. – Ты кого-то ждешь разве?

– Нет, сэр, кого бы я мог ждать, – Тристан полез в карман за ожерельем. – Сегодня у входа в замок я нашел это украшение. Вряд ли его носила одна из селянок, которые приходят с продуктами. Вот я и решил, что какая-то дама его обронила.

Сэр Мерсигер улыбнулся, кивнул и забрал ожерелье.

– Ты очень внимателен, Тристан, ничего не скроется от твоего взора. Это хорошо, – сказал он, разглядывая жемчуг. – Но уже давно в замок не приезжала ни одна леди. Последний визит дамы был больше полугода назад, и это была мать одного из младших школяров. Она и дня здесь не пробыла. Даже не знаю... Но я спрошу, может, кто-то из послушников или рыцарей обронил. Оно старое, поломанное, возможно, его хранили как память.

Тристан разочарованно кивнул. Хотя ожерелье продавалось уцененным, он отдал за него почти все свои деньги. Но Тристан нисколько о них не жалел. Всего за один день он многое узнал: его дама остановилась не в деревне и не в замке. Но тогда где?

Тристан пробрался в самое пустынное крыло и обратился к Ситцевому рыцарю.

– Сэр, мне вновь нужна ваша помощь, – позвал он куклу, до того неподвижную и словно бы вовсе не живую.

Ситцевый рыцарь театрально вздохнул, раздув складки на груди, и заговорил:

– Рад служить, господин!

– Вы были со мной весь день и знаете, я не нашел того, кого искал, – печально сообщил Тристан. Он ждал, что Ситцевый рыцарь ответит, но тот молчал. Очевидно, ждал конкретного вопроса. – Помогите мне найти ее. Прошу вас. Я не отчаялся, но не понимаю, где можно еще искать молодую девушку. Проездом она там быть не могла, трасса так далеко от леса, а тем более от Ворклого озера. До

ближайшего города три дня пути на машине, а верхом – и представить страшно.

– Хм, – протянул Ситцевый рыцарь. – Полагаю, что эта задача логическая: вот ежели она не живет в деревне и не остановилась в замке, может случиться так, что она живет в самом лесу.

Тристан разочарованно покачал головой и потер лоб. Ситцевый рыцарь обыкновенно не выдавал глупых мыслей.

– Исключено, уверен в этом. Она не была похожа на женщину, вынужденную жить в лесу. И платье, и волосы, и кожа были чище, чем у жителей деревни.

– А кто, вы полагаете, может жить в глубокой чаще? – Ситцевый рыцарь говорил туманно, подталкивая Тристана к решению его задачи.

Тристан закатил глаза. Своды алькова не подкидывали ему идей.

– Отшельники обычно одиночки. Не знаю... лесник. Хотя не так глубоко в лесу. Да и не похожа она на дочь лесника.

– Думайте, – настаивал Ситцевый рыцарь.

Тристан улыбнулся.

– Ну... Ха! Феи, – ему было весело от этого предположения.

– Феи, – спокойно повторил Ситцевый рыцарь.

И улыбка замерла на губах Тристана. Он восторженно посмотрел на тряпичную куклу. Неуместный скепсис второй день водил Тристана за нос. Будь он любым другим послушником, он бы отмахнулся от суеверия, но у него на коленях сидела оживленная им игрушка и говорила самые мудрые в мире вещи.

– Она... фея? Она – фея! – воскликнул Тристан так по-мальчишески звонко, что голос его взлетел под своды замка и разлетелся пестрым эхом.

– Прошу вас, господин, говорите тише, – призвал к порядку Ситцевый рыцарь. Хотя Тристан слышал, что и его старик улыбается, что и он рад.

– Да, да, вы правы. Как чудесно, что вы всегда правы! – ликовал Тристан. От избытка чувств он закрыл ладонью глаза, а второй рукой аккуратно, но крепко схватился за набитую соломой перчатку Ситцевого рыцаря. Он так ее пожимал. – Вы теперь обязаны рассказать мне, как ее найти. Вы знаете, я не сомневаюсь!

И безудержный восторг Тристана, и смысл его слов тешили самолюбие старой куклы. Ситцевый рыцарь подбоченился и начал

рассказ:

– С давних пор известно, феи – что благородные люди, изведавшие магии. Живут под покровом природного наследия и высших сил, скрываясь от простых смертных. Ни дать ни взять элита общества! Оттого очень недоверчивы и пугливы. Сказки придали им облик маленьких демонов, но это ложь, что у фей есть иной, нечеловеческий, облик. Впрочем, легенды родились не на пустом месте. Большинство их слуг вправду выглядят весьма и весьма причудливо. Их лепят из глины, вытесывают из камня, вырезают из дерева, да мало ли способов создать существо по своему подобию? А живут феи общинами. Самое большое и известное из таких поселений – в Гормовых холмах, там, где начинаются болота. Но найти его обычному человеку, которого феи к себе не приглашали, невозможно.

– Как же тогда мне найти мою даму? – спросил Тристан.

– Девы фей все до единой сладкоежки – чуют запах меда и ягод за версту. Им сложно пройти мимо. Однако страх быть пойманными или раскрытыми в них живет веками, потому даже самую лучшую сладость нужно заговорить, чтобы они осмелились приблизиться, – и тут Ситцевый рыцарь разразился хохотом. – А то велик шанс просидеть в засаде несколько дней, а она так и будет вокруг ходить, пока вы не уснете так крепко, что и медведь не разбудит!

– Я все сделаю! Только скажите, что нужно! – требовал Тристан.

– Ваша решительность принесла бы вам славу, но грозит принести только выговор или отчисление, чего доброго... – но Ситцевый рыцарь все же сжалился. – Вам потребуется собрать эдакий алтарь с подношением. Камень или пень в лесу нужно пометить знаками, которым я вас обучу. Сверху набросить ткань того цвета, что нравится вашей фее...

– Чернильная! Как ежевика и ее платье, – объяснил Тристан.

– Вот. Такую ткань и возьмите. Сверху же стоит поставить горшочек или котелок с медом или вареньем. Не скупитесь ни на количество, ни на изысканность угощения. И важно: феи как огня боятся всего современного и неизвестных им человеческих изобретений. Не вздумайте наливать сладость в армейский котелок. Чем более естественного происхождения материал или древнее сосуд, тем меньше подозрений она вызовет. И не ставьте угощение холодным.

Его нужно разогреть перед подачей, а над огнем нужно прочесть слова. Им я вас тоже обучу.

– Котелок, мед, ткань, – повторил Тристан. – Я все сделаю.

– Большинство фей любят ночь, – продолжал Ситцевый рыцарь. – Но иные, как ваша дама, предпочитают гулять на рассвете.

В голове Тристана носились мысли, пряткие и не укрощенные. Он все пытался их изловить.

– Так мне идти к холмам или к озеру? – спросил он.

– Я бы утверждал, что живет она в холмах. Но как бы с ней еще компания не вышла. Не думаю, что вы хотите знакомиться с ее компаньонкой, – весело предположил Ситцевый рыцарь.

– Феям нужны компаньонки? – удивился Тристан.

– Кто же их знает? Может, и нужны, – серьезно ответил он. – А потому лучше идите к озеру.

Тристан кивнул. Колокол из часовни требовательно звал ко сну. Тристан поторопился в спальни. Быть пойманным после отбоя и потерять расположение наставников он сейчас никак не мог. Он знал, что отпросится у сэра Мерсигера в лес на шесть дней отшельничества. Каждый послушник мог просить о таком уединении, если чувствовал, что оно необходимо для его души. Тристан уже придумывал речь, как якобы его смущает отношение окружающих после похода за стружкой, что он чувствует, будто возгордился и хочет претерпеть аскезу вдали ото всех. Скромность почетна в Ордене, ему не откажут. А до того Тристан успеет подготовиться.

Собрался он через три дня. Выходил на рассвете, чтобы прибыть на место, все подготовить, выспаться и притом не проспять долгожданную встречу. На оставшиеся деньги он купил каштановый мед. За музеем пальеров имелась небольшая комнатка, скорее каморка, в которой хранились старые вещи, что и выбросить жалко, и выставить стыдно. Там Тристан отыскал посеребренную чашу и парчовую ткань – бывшую гардину холодного винного цвета с неброским набивным узором. Он аккуратно сложил добычу в вещмешок, парчу замотал внутрь плащ-палатки, а в скрутку положил деревянный меч.

– Ба, господин! Это-то вам зачем в таком деле? – спросил Ситцевый Рыцарь, которого он еще не уложил в планшет.

Тристан смутился и промолчал. У него была одна восторгающая мысль, которую он даже думать боялся, не то чтобы озвучивать. У послушников не было личных мечей. Тренировались они на деревянном оружии. Тристан часто использовал дубовый клевец, и за оружием нужного образца пришлось пробираться в спортивный зал к арсеналу. Были еще турнирные стальные, но не заточенные клинки. Только вот их достать, тем более вынести из Пальеры, было невозможно. Полностью облачившись, Тристан пробежался в душевые к зеркалу. Оно было миниатюрным, со следами окислившейся амальгамы. На какое расстояние ни отойди, а себя разглядеть, да еще в полный рост, было невозможно. Тристан наспех постарался отрететировать выражение лица, с которым предполагалось предстать перед дамой. А потом втянул ноздрями воздух, и в этот момент сам себе показался взрослым мужчиной. Ему подумалось, впервые за эти дни, что все происходящее с ним действительно странно, слишком сложно, даже неправильно. Но ни одна эта мысль не отвернула его от задуманного плана. Напротив, раззадорила. Тристан впервые находил себя особенным.

Он вышел из Пальер-де-Клев до того, как школяры закончили завтрак и начали разбредаться по аудиториям. До Ворклого озера он шел молча, слушая песни Ситцевого рыцаря, довольного, что в безлюдном лесу ему позволено петь во все горло. И он уж расстарался. Тристан добрался до берега, когда уже стемнело и прохладный вечер превратился в стылую ночь. Он не сделал ни единого привала. Сам не знал, куда торопится. У берега озера он сложил себе небольшое спальное место и костер возле него. Отужинав, принялся сооружать алтарь: подкатил к воде массивный валун, начертил на нем знак по научению Ситцевого рыцаря, постелил скатерть, так же бережно пригладив края, легшие на землю, как каждое утро разравнивал постель. Поверх убранства поставил чашу. В котелке разогрел мед и оставил томиться у огня. Взглянул на небо. Среди ярких звезд сложно было не заметить большой желтый диск луны. Возможно, еще даже не полночь. Тристан прилег, попросив Ситцевого рыцаря разбудить его через три часа.

– Знаете ли, я-то разбужу, – недовольно ворчал он. – Но я, прошу заметить, не будильник. И не часы с кукушкой.

– Я это учитываю, – согласился Тристан. – И потому буду вдвойне благодарен, если вы не забудете меня разбудить до первых жаворонков.

Тристан засыпал с небывалым теплом в груди. В нем росла мечта, какой он ранее никогда не имел. Он был окрылен и счастлив настолько, что не мог решить, хочет он спать или ему не терпится приступить к ритуалу. Но долгая дорога измотала его, и Тристан уснул быстрее, чем принял решение. Сон опустился на веки мягко, словно перетек из реальности в воображение Тристана. Он все еще брел по лесу, преследовал кого-то, кто оставлял следы от двух пар маленьких копытцев, как у козы. К ним присоединились и другие следы – олени, медвежьи, собачьи, беличьи. Но Тристан искал человеческие следы. Их не было. Тогда он оглянулся назад. Он искал свои следы. Их не было. Или же они были, но, страшно подумать, звериными. Испуганный Тристан побежал. Но ноги увязли в болоте. Ему было страшно, он утопал. «Хватайся!» – позади на берегу стоял Гаро, он протягивал ему ветку. Ухватись за нее Тристан, и друг его вытянет. На помощь подоспели и остальные ребята, с ними пришел наставник. Они участливо звали Тристана, но был зов намного требовательнее. Зов, звучащий с болот. Тристан повернулся, но голос мгновенно ему приказал: «Смотри на свои сапоги». Тристан уже погряз в болоте по грудь, а потому ответил: «Простите, моя леди, я не могу». Тогда он поднял взгляд. Тристан не мог разглядеть девушку перед ним, но знал, что там стоит фея с ежевикой в волосах. Тристан чувствовал, что его плечи погрузились в вязкую топь. Больно было вздохнуть. А девушка, ради которой он пришел сюда утонуть, притянула Тристана за голову и поцеловала. Он задыхался, но нисколько не жалел о такой смерти.

Сон оборвался сбивчивым мычанием Тристана и резким рывком, с которым он сел на плащ-палатке. Он проснулся быстро и ощущал себя растерянным. А еще в нем всколыхнулось неуместное и постыдное чувство. Внезапное замечание Ситцевого рыцаря только прибавило неловкости.

– Рано проснулись, – сообщил он.

– Пожалуйста, дайте мне подумать, – сказал Тристан, вытирая холодный пот со лба и век.

– О чем? Вы вольны думать вслух, если вам это поможет.

Тристан подтянул колени к груди. Так, сидя, молчал какое-то время. Вокруг было тихо по меркам того, кто вырос в Пальер-де-Клев в общих спальнях. И все же легко плескалось озеро, изредка ухали совы, ветер скрипел деревьями.

– Не знаю, – наконец произнес он. – Я думал, что испытываю одно чувство, а оказалось... Оказалось, оно обычное. Наверно.

Речь Тристана сочилась растерянностью, а потому Ситцевый рыцарь не стал над ним подшучивать.

– Обычное – это верно, но что же в нем плохого, в таком чувстве? – спросила кукла. – Пусть фея, пусть и дама, но живая женщина, не статуя ведь. Было бы странно любить ее иначе.

– Странно, – повторил Тристан. – Я и не говорил вам ни разу, что люблю ее.

– А я и не дурак, чтобы мне такое разьяснить, – подытожил он.

Тристан посмотрел на котелок с медом. Угли тлели в кострище. Очевидно, мед был еще теплым. Тристан мотал головой. Он чувствовал влагу на выбритом затылке.

– Стоит ли мне уйти? Это ведь неправильно.

– Уходите, коль жалеть не будете, – Ситцевый рыцарь был недоволен сомнениями.

Не размышляя над ответом, Тристан сказал:

– Буду. Я уже жалею, что даже думаю о бегстве.

И Тристан склонился над котелком, прошептал заученное заклятие и отнес его к алтарю. Он вылил мед в чашу, а потом вернулся на место. Ситцевый рыцарь коротко, но одобряюще кивнул.

– Вся эта кампания принесет нам одни беды, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Но клянусь именем вашей матушки, я бы запросто перестал вас уважать, если бы вы сейчас сбежали, – уверенно заявил он.

Мир становился светлее. Дело было не только в определенности, к которой пришел бедный Тристан. Светало. Ситцевый рыцарь облокотился на корень ивы неподалеку от хозяина. Тристан закусил губу. Он то и дело одергивал и отряхивал одежду, приглаживал волосы. Может быть так, что сегодня она не пойдет к озеру? Или придет не одна, напуганная им в прошлый раз? Или вообще придет другая фея? В высоте ив запели жаворонки. Предрассветное небо осветило берег. Из леса вышла она в сиреновом платье с шелковыми рукавами-

фонариками и фетровой шляпе-таблетке, к борту которой была приколотта та самая ежевика. Подол заканчивался выше щиколотки, и Тристан увидел коричневые лодочки на миниатюрных ногах. Она, пригнувшись и опасливо оглядываясь, приближалась к алтарю. Тристан поверить не мог, что у него получилось.

Глава III

Прекрасные традиции прошлого

Было страшно настолько, словно по берегу шла не девушка, которой Тристан грезил последнюю неделю, а сама смерть. Его юношеское сердце так громко стучало, что она могла его слышать. Но фея продолжала подкрадываться к чаше с медом. И вдруг Тристана охватил ужас: он осознал, что блестяще продумал план ровно до этого момента. Еще мгновение, и она окажется у алтаря. А что делать ему, Тристану? Помощь подоспела, как всегда, от верного Ситцевого рыцаря. «Ждите». Он сказал это тихо, чтобы слышал только Тристан. Девушка подошла к алтарю и обошла его. Заглянула в чашу. «Ждите». Тристан сидел совсем недалеко, но она его не замечала. Может, дело было в зеленом кителе и таких же полевых коротких штанах. Но Тристану нравилось находить ее невнимательности мистическое оправдание. «Наверняка действие чар», – думал Тристан. Девушка замерла над алтарем и оглянулась. Каждый жест выражал желание испить мед из чаши, но и страх. Она сминала руками подол платья и нервно озиралась. Тристан гадал, знает ли она о чарах, которыми он ее приманил, или неестественное чувство пугает ее так же, как чувство естественное мучило самого Тристана. «Ждите». Наконец она протянула руку и коснулась меда. Немного зависнув на подушечке пальца, капля меда все же сорвалась золотой слезой обратно в чашу. Она поднесла ладонь к лицу, вдохнула запах и осторожно слизала остатки меда. «Пора». Тристан набрал воздуха в грудь и поднялся. Она и не заметила. Тристан сделал шаг навстречу.

– Здравствуй... те, – приветствие ему самому показалось нелепым. Но вряд ли здесь был кто-то, способный рекомендовать Тристана незнакомке по всем правилам. Да и потом, Тристан знал этикет только в теории. Практику пришлось познавать таким жестоким образом.

Она взглянула на него. «Наконец-то» и «только не это» – Тристана раздирали противоречия. А она смотрела так, словно взмахом ресниц могла дать ему пощечину.

– Простите, миледи, – Тристан заговорил. Он надеялся, что она точно не убежит, пока они беседуют. – Я не знал, как отыскать вас иначе.

А она смотрела. Вся ее пугливость и кротость улетучились. Тристан натыкался на ее непоколебимый взгляд и сам был вынужден от него прятаться. «Смотри на сапоги», – повторял он себе с горькой усмешкой.

– Наверно, мне стоит представиться...

– Зачем? – спросила она. Фея все еще держала руку у подбородка. Поза была элегантной, словно для студийной фотографии, а валун с чашей меда заменил ей резную банкетку с цветочной вазой.

Вопрос резонный. Тристан замялся.

– Я надеялся представиться вам и узнать ваше имя, – он со стороны слышал свое сбившееся дыхание.

– То есть это знакомство? – она кокетливо махнула рукой от Тристана к алтарю.

– Выходит, что так, миледи, – он решил, что терять ему нечего. Пусть насмехается, только не уходит прочь. Она здесь, и они разговаривают. Тристан даже не рассчитывал всерьез на такой исход.

– Понятно, – процедила она и медленно пошла вокруг алтаря.

Тристан следил за ней. Она молчала.

– Меня зовут Тристан Трувер. Я послушник Ордена пальеров, – он неглубоко поклонился.

Она, поджав губы, заинтересованно оглядела его.

– А что это? – она легонько пнула камень, покрытый парчой.

– Я полагал, повод для встречи, – ответил он и зачем-то вновь поклонился. – Миледи.

– Ты так и будешь кланяться? – спросила она.

– Вероятно, да. До тех пор, пока вы не скажете, как я могу вас называть.

Тристан был окрылен своей настойчивостью, но фею она нисколько не впечатлила.

– Ты – пальер. И ты – охотник. Верно? – девушка наклонила голову набок.

– Что? Нет, я не охотник! – Тристан не понимал, о каких именно охотниках она говорит: о тех, что промышляют в лесу, или тех, что

разыскивают фей. Вероятно, существуют и такие. – Вы можете быть уверены.

– Разве? А кто тебя тогда научил этим фокусам? – она хлопнула ладонью по скатерти. И тут Тристан понял, что девушка все же боится. И что не может уйти. Ему стало стыдно за уловку.

– Простите, – он зажмурился на мгновение. – Если вам это неприятно, я могу его разрушить. Только прошу вас, дайте мне договорить. Не уходите.

– Посмотрим, – сказала она уже спокойнее. – Кто тебя научил?

– Вы мне не поверите, – произнес он и засунул руки в карманы. Глупее ситуации не придумаешь: он с помощью ритуала принудил фею встретиться с ним, а сейчас ему предстоит рассказать ей о своей говорящей кукле. Он ощутил предстоящий разговор, как неминуемую катастрофу и сказал об этом вслух. – Абсурд какой-то.

А она выжидающе смотрела.

– У меня есть слуга, он мне также побратим, в общем, он... ну, кукла. Тряпичная кукла, которую я оживил.

Фея широко распахнула глаза. Она вопросительно смотрела то на Тристана, то на алтарь, прикидывая в уме долю правды в услышанном. И согласилась:

– Хорошо, Тристан Трувер. Я поговорю с тобой по доброй воле. Но сначала ты снимешь чары. А потом ты меня познакомишь со своим слугой.

Пролетели часы, а казалось, что мгновение, с момента как Тристан разрушил алтарь. Он осторожно подал фее чашу меда, стянул ткань и ею же стер знак, начерченный на камне золой из костра. Они уселись на плащ-палатке: фея, грациозно поджав под себя ноги, и послушник пальеров, не знавший, куда деть глаза, когда она смотрела ему в лицо. Она изучила тряпичную куклу, отнюдь не согласную с таким беспардонным осмотром и пренебрежением всеми правилами этикета. Сначала она вертела фигурку в руках, морщила лоб так, что меж бровей залегала морщинка. Тристану хотелось разгладить ее большим пальцем, но он, конечно, не посмел и близко поднести руку к ее лицу. Через пару минут ее тщательных изысканий Ситцевый рыцарь воскликнул: «Мадам, осторожно! Нос – мое больное место, я столько раз его ломал!» Надо отдать должное или ее смелости, или ее воспитанию, но она не вскрикнула от неожиданности, не выронила

куклу, даже не дернулась. Только вскинула брови, попыталась сдержать улыбку, а потом звонко расхохоталась. Тристану показалось, что она была чем-то довольна. Фея и Ситцевый рыцарь обменялись любезностями. Тристан отметил, каким галантным вышло знакомство у его болтливового друга, который, надо сказать, встретил второго в его жизни собеседника. Раскланявшись, Ситцевый рыцарь умолк. Но фее было достаточно того, что она услышала. Тристан был рад тому, что теперь свое внимание она отдавала ему. Он даже не мог сказать, о чем они так долго беседовали, – то о школе, то о первой встрече, то о каштановом меде, в который фея обмакивала предложенные Тристаном галеты, а потом медленно жевала. Это была первая девушка, с которой Тристан делил еду. Ему подумалось, что дамы, должно быть, все до одной едят иначе, чем мужчины: более сдержанно и аккуратно. Так, она все могла делать одной рукой. Зажав галету между большим и указательным пальцами, фея протирала нижнюю губу кончиком безымянного пальца, а тыльной стороной ладони легко смахивала крошки с подола. Второй рукой она сжимала щиколотку там, где начинался ремешок лодочки. Тристан запоминал все детали так усердно, что жалел о невозможности достать блокнот и записать происходящее.

– Почему ежевика? – внезапно для себя спросил он.

Девушка смущенно поправила шляпку и пожала плечами.

– У всех фей есть растение, которое они носят на себе. Образ растения и его цвета. Это как... – она задумалась, – личный герб.

– То есть ты фея? – спросил Тристан прямо. Их светская беседа оборвалась, они впервые заговорили о ее природе. И он незаметно перешел на «ты». Девушка смутилась. Было неясно, нарушение субординации или прямой вопрос выбил ее из колен.

– А то ты не знал, когда тащил в лес кубок и кусок шторы, – теперь уже она избегала его взгляда.

Тристан, конечно, знал. Но на ее причастности к волшебному роду его осведомленность заканчивалась.

– Прости, – тихо сказал он.

– За что ты просишь прощения?

– За то, что принудил тебя встретиться, – ему действительно было стыдно. Тристан ссутулился, понуро опустил нос и перебирал пальцами пучок сорванной сыти. – Рыцари так не поступают.

– Рыцари поступают иной раз еще хуже, – хмыкнула она. – Но ты ведь и не рыцарь. У тебя даже меч деревянный. Зачем ты его взял?

Фея спросила абсолютно серьезно, он видел, что ей не смешно. Хотя вид у него был, наверно, несуразный с этим почти игрушечным мечом, тряпичной куклой в спутниках да в коротких школярских штанах. Он понял, что не имеет права быть нерешительным, и сказал:

– Я хотел принести тебе клятву верности.

Девушка улыбнулась уголком рта, но не скрыла своего удивления.

– Для этого требуется оружие. Пальеры клянутся на мечях, – пояснил он. А она самодовольно смотрела на его попытки объясниться.

– Я знаю, как приносят клятвы. И что же, ты передумал?

– Нет, не передумал, – ответил Тристан. – Но для присяги нужно знать имя леди, а ты своего еще не назвала.

– И это все, что тебя останавливает?

– Да.

– А разве пальеры верны кому-то, кроме своего Ордена? – спросила она.

– Еще королю. Но это допускается: хранить верность и служить Ордену, сюзерену и даме, если каждый из них будет чтить клятвы рыцаря и не будет заставлять нарушать их.

– А если я потребую то, что будет неудобно королю или другим пальерам? – она кокетливо вздернула подбородок. Тристану казалось, что это какое-то испытание.

– Тогда ты поставишь меня перед тяжелым выбором, – он был тих и серьезен. И он промолчал о том, что верность пальера имеет нерушимую иерархию: сначала интересы Ордена, потом королевский приказ и только после, если рыцаря угораздило принести клятву даме, сердечные дела. Может, она знала об этой традиции, а может, им в жизни не придется к ней прибегать.

– Что ж, Тристан Трувер, я назову тебе свое имя и приму твою клятву, если ты выполнишь мое задание, – она доела галету и отряхнула руки. – Мне вовсе не нужен бесполезный рыцарь в услужении. И тебе придется доказать, что ты не такой.

Она встала и с удовольствием потянулась. Они засиделись так долго, что солнце успело пройти зенит и теперь неспешно клонилось к верхушкам деревьев.

– Я готов, – Тристан встал следом. Условие вовсе его не напугало. Напротив, добавило ей и их встрече очарования. Он представил себя в действительности одним из рыцарей минувшего, которым предстояло преодолевать препятствия ради своих дам. В подтверждение своих слов Тристан одернул португею и встал по стойке «вольно», сцепив руки за спиной. Он ждал ее слов с таким хмурым и решительным видом, что она не выдержала и засмеялась.

– Ты такой солдафон! – воскликнула она, весело хлопнув в ладоши. – Это даже забавно. Ладно. Задание.

Она повторила его позу – так же завела руки за спину – и стала обходить неподвижного Тристана по кругу. А он ждал.

– Я придумала, – задумчиво проговорила она. – Иди-ка ты до развилки на Гормовы холмы и дальше вглубь леса. Там среди дубовой колонии найдешь истукана: он будет выше тебя на голову, возможно, поросший мхом. Это памятник древнему герою по имени Рошан. Он изображен со своим щитом. И ходит легенда, будто в центре щита находится железный умбон, который изъяли из настоящего щита Рошана. Запомни его имя – Рошан.

– Запомню, – Тристан был уверен, что с этим проблем не будет. – Что такое умбон?

– Круг в центре щита, – просто ответила фея.

– А.

Она продолжала ходить вокруг него.

– Тебе нужно оживить его.

Тристану показалось, что она вынесла приговор. Он вдруг подумал, что фея хочет спровадить его подальше. И из приличия выдумала ему невыполнимое задание.

– Как можно оживить истукана? – спросил ошарашенный Тристан.

– Точно так же, как ты оживил свою куклу.

Она, не размыкая рук, развернулась и ушла в сторону леса, откуда и пришла утром. Тристан запрокинул голову. А потом крикнул вслед.

– А как я снова тебя найду?

– Если ты пройдешь испытание, истукан приведет тебя ко мне, – ответила она, обернувшись через плечо. И на минуту Тристану показалось, что задание выполнимо. Потому что, предположил он, фея тоже хотела снова встретиться. А значит, истукан стоит в лесу. И в него

можно каким-то чудом вдохнуть жизнь. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась. Ситцевый рыцарь, сидящий у ивы, сказал: «Я все слышал». Даже ветви заскрипели из солидарности, опустив перед Тристаном зеленый занавес.

Он сделал все, как велела ему фея. Дубовая колония – древняя высадка могучих деревьев – встретила Тристана праздничным убранством деревьев, облаченных в весеннюю листву. В закатном свете она смотрелась немногим ярче цветов Ордена пальеров. А под ногами шуршала прошлогодняя сброшенная форма. «На смену друг другу», – улыбнулся Тристан. Он многое читал об этой колонии, но посетил ее впервые. Возраст самых старших исполинов насчитывал четыре века. Мифы гласили, что дубовую колонию создали феи. Так они якобы пытались защитить портал, через который уходили в иной мир. Историки утверждали, что дубы высадили поселенцы, обжившиеся близ Пальер-де-Клев, для того, чтобы в будущем производить древесину на продажу. Но до строительства лесопилки дело не доходило, и тому всякий раз находились причины: экономические, географические и мистические. Тристан однажды набрел на ту заброшенную деревню. Казалось, ее обитатели оставили свои дома лет сто назад. Ни следов войн и насилия, ни искусственных разрушений в постройках он не нашел. Только обветшание и запустение безлюдного места, вновь отданного природе.

Дубы объяли Тристана несокрушимым спокойствием. Листва шумела, а по ветвям скакали птицы и белки. Самый высокий и старый дуб навесил над землей такую густую крону, что почва у его корней не просыхала от росы. Суровый покровитель колонии приютил столько лесной живности, что Тристану представилось, будто это вовсе и не дуб, а живой оплот. Последние лучи солнца сверкнули рыжим всполохом в ветвях и оставили это место для ночи. «Для ночи и магии», – подумал Тристан. Дубы выжидающе замолкли, усыпив зверей в ветвях, уняв ветер в вышине. Можно было поверить в волшебное происхождение колонии. Тристан обошел широкий ствол и увидел высокого деревянного идола, такого, каким его описала фея. Истукан имел длинную бороду и конусовидный шлем. В одной руке он держал одноручный меч, в другой – круглый щит с металлическим умбоном. Тристан подошел ближе. Идол был выше его на голову. Из вежливости Тристан сказал: «Здравствуйте, Рошан!» Он подумал, что

если истукан его слышит, ему будет приятно, что к нему, еще не ожившему, мальчик проявил почтение. Тристан достал Ситцевого рыцаря и посадил себе на плечо.

– Как думаете, что делать? – спросил он своего тряпичного спутника.

– Хм, неплохо было бы услышать его историю. Но если подумать, все необходимое для ритуала у вас имеется: элемент на щите принадлежал его прототипу, как и имя. Сам процесс вы знаете.

– В прошлый раз вы мне подсказывали, – напомнил Тристан.

– Отнюдь, – поправил его Ситцевый рыцарь. – В прошлый раз вы сами нашли нужные слова. Как всякий ребенок, вы легко находили в мире волшебство. Особенные дети могут отыскать его толику и внутри себя.

– Насколько я помню, я посвятил вас в рыцари и дал свою фамилию. Но я не представляю, что должен сделать и сказать сейчас, – он рассматривал истукана со всех сторон в поисках подсказки. Тристан надеялся найти надписи или узоры, но их не было.

– Магия, дающая жизнь, должна происходить из любви. Вы ведь любили меня всей душой, пусть я был всего лишь детской самодельной игрушкой. Вам нужно отыскать в себе любовь, она и подскажет нужные слова, – объяснил Ситцевый рыцарь.

Тристан схватился за голову. Задача усложнилась. Он присел на корточки и почесал затылок, издав скребущийся звук, когда провел ногтями по щетине. Все шорохи в тихой дубовой роще слышались громче.

– Не представляю, как мне полюбить древнего героя, о котором я ничего не знаю. Кто вообще такой этот Рошан?

– Я мало о нем знаю, господин. Говорят, это рыцарь, рожденный феей и подброшенный ею в замок не то герцога, не то самого короля. Говорят, мать оставила его прямо у ворот, а чтобы дитя не перегрелось на солнце, накрыла его старинным круглым щитом. Правитель вырастил мальчика как одного из своих сыновей и посвятил в рыцари. В отчаянный момент Рошан пришел на помощь великому волшебнику, за что тот раскрыл ему его происхождение. Но истина навлекла кару сюзерена на несчастного Рошана. Его предали собратья и казнили. А феи выкрали остатки его расколотого щита и возвели этого истукана, – Ситцевый рыцарь говорил тоном сказителя. Тристан любил слушать

его вечерами, но сейчас он искал больше фактов, чем романтических образов в его повествовании.

– Судьба у него воистину печальная. Но разве феи не могли сами оживить его за столько-то лет?

– А вот этого я, увы, не знаю, господин.

Испытание затягивалось. Тристан отрешенно смотрел на простого в исполнении идола и тяжело вздыхал. Ни вязи, ни элементов одежды на фигуре вырезано не было. Тристан даже не мог представить, как идол будет ходить без ног. Ситцевый рыцарь сам передвигался с трудом на коротких соломенных подушках, прикрытых длинным зеленым котт-д'армом.

– Ладно, – смиренно сказал Тристан. – Из любви... А из чего рождается любовь?

– Вы задаете философские вопросы, – заметил Ситцевый рыцарь. – Из чувства сопричастности и сопереживания, из дружбы и духовной близости, но чаще всего – из восхищения.

– Это безнадежно.

– Сдаетесь? – бойко спросил Ситцевый рыцарь.

Вопрос хлестнул Тристана по рукам учительской линейкой. Едва подступившие пораженческие мысли отстали.

– Нет. Я не могу ее подвести. И я не хочу ее терять, – прошептал Тристан. – Из любви.

Он вспомнил лицо феи, обернувшейся к нему напоследок. Идеальное. словно он пришел к художнику, описал ему свои фантазии, и тот нарисовал для него девушку с ежевикой в волосах. Тристан нашел в ней все, что ему нравилось в лучших из женских образов. Тяжелые косы, какие сохранили мраморные статуи королев. Профиль, похожий на лица дам с картин в золоченых рамах. Руки и ноги, как у балерин на старых фотографиях. И очаровательная улыбка с едва заметными ямочками под высокими скулами, как у главных героинь в синема, которые крутили в пансионате. Они с ребятами могли попроситься на сеанс, когда навещали ветеранов. Тристан смотрел на монохромные лица актрис, на их безупречные прически, на роскошные струящиеся платья и горящие камни в украшениях и думал, что им чего-то не хватает. Легкого росчерка, последнего штриха, чтобы в безупречный лик современности внести долю

дикости далекого прошлого. Как это все сошлось в его прекрасной даме. Как бы он посмел от этого отказаться?

– Из любви... Нет! Нет, как же вы правы – из любви! – внезапно воскликнул он. – Я здесь стою перед истуканом, решая, как его оживить, именно из-за любви! Как вы правы оказались, сэра, как правы!

– А я уж думал, сами не догадаетесь, – умилился Ситцевый рыцарь. – Ну, полно, полно, вы его еще не зачаровали. Рано ликуете.

– Скажите, что мне теперь делать? – радостно спросил он. Тристан светился. От счастья бессонные глаза запекло слезами.

– Думайте о своей леди, пока не почувствуете в себе такие силы, что будете готовы перевернуть мир с ног на голову. А вот тогда-то нужные слова сами придут на ум. Магия фей... она ведь от природы. Она из нутра должна идти.

Тристан кивнул и попробовал успокоиться. Для этого он опустился на одно колено, представив, что уже стоит перед феей и клянется ей в верности. Легкий шелковый подол ее многослойного платья, тонкая щиколотка, туфли, которые были не больше руки Тристана, – а он не мог похвастаться широкой костью. Он все это живо представил так, что даже почувствовал аромат ежевики, принесенный ветром. И померещилось ли, в этот момент ветер поднялся. Тристан поднял лицо, и, глядя прямо в прореху деревянного забрала, произнес:

– Я призываю вас, сэра Рошан, преданный рыцарь, чтобы вверить вам защиту моей дамы. Она фея и примет вас таким, каков вы есть. Отныне можете вернуться к своему народу.

Ветер засвистел. Накренились стволы молодых дубов, заскрипели ветви старых деревьев. Истукан вздохнул полной грудью, и послышался треск. Полы его туники распахнулись, и он сделал первый шаг. Рошан широко раскинул руки, потянулся, похрустев дубовыми суставами, и взглянул на Тристана.

– Привет тебе, юноша! – пробасил оживший идол, и его зычный командирский голос разлетелся громовым эхом по округе.

– Тристан Трувер, сэра Рошан, – он поклонился истукану.

– Прими мою благодарность, Тристан.

– Охотно, сэра. Как вы ощущаете себя живым? – участливо спросил Тристан. Истукан был старым, могло случиться так, что ему было тяжело идти.

– Изрядно отдохнувшим, – весело ответил Рошан. – Ты разбудил меня, чтобы я служил феям, моему роду по крови?

Дубы радостно шелестели и качались. Тристан заметил, что ночной лес ожил, приветствуя новую жизнь. Даже ветер одобряюще трепал волосы Тристана.

– Все верно. И я надеюсь, вы знаете дорогу и сможете отвести меня к одной даме. Это она рассказала мне о вас и велела вас оживить.

Старый Рошан задумался.

– Что ж, я обязан отблагодарить эту девушку. И я провожу тебя к ней, Тристан. Готов ли ты выступить?

Лучше бы он не задавал этот вопрос. Едва Тристан задумался об обратной дороге, как сон придавил его веки и потянул плечи к земле. За последние двое суток он спал от силы пару часов. И все же он мужественно сказал:

– Я готов, сэра.

Ситцевый рыцарь на его плече не согласился:

– Прошу вас, господин, поберегите себя! С ног валитесь. Ваша дама не состарится за несколько часов, что вы поспите.

Рошан наклонился, и его забрало поравнялось с лицом Тристана.

– Кто здесь? – спросил он, разглядывая Ситцевого рыцаря.

– Вы уж простите, но мой господин изрядно вымотался, чтобы помнить о правилах приличия. Я сам представляюсь, – произнес Ситцевый рыцарь, встал во весь рост и откашлялся, отчего из ткани вылетела струйка пыли. – Сэр Трувер по прозвищу Ситцевый рыцарь, нахожусь в услужении этого достопочтенного юноши.

Ситцевый рыцарь поклонился. Тристан подумал, что будь он менее сонным, чувствовал бы себя неловко, наблюдая это знакомство двух рукотворных фигур, оживленных его силой.

– Премного рад, сэра Трувер, Ситцевый рыцарь. Я – сэра Рошан Эскалотский, рыцарь королевского двора, им же и преданный.

– Наслышан о вас, сэра, – сказал Ситцевый рыцарь и уселся обратно на погон Тристана. – Я думаю, вы долго ждали, и время, отведенное на сон моего господина, не сильно нарушит ваши планы.

– Хм, – Рошан выпрямился. – Времени у меня много, но стоит ли его бездарно тратить человеку? Мое предложение таково: пусть ваш господин залезет мне на спину. Мне не составит труда идти с ним

подобно тому, как он носит вас на себе. Так и дойдем до Гормовых холмов к завтрашнему вечеру, а ваш Тристан отоспится.

Тристан, уже не в силах отвечать, просто кивнул и провалился в сон прямо к подолу Рошана. И спал он так крепко, что ни тряска при ходьбе, ни ночная морось, ни болтовня двух спевшихся рыцарей не смогли ему помешать видеть сны. Проснулся он, когда солнечные лучи были рыжими, как лисий хвост. Тристан безмятежно проспал почти сутки, и разбудила его залихватская песня, которую в два голоса – сиплый тенор Ситцевого рыцаря и глухой бас Рошана – горланили эти двое. Тристан почувствовал мох под щекой: спина Рошана была покрыта им, словно малахитовым пледом. Он огляделся: очевидно, Рошан по совету Ситцевого рыцаря привязал Тристана к корпусу его же плащ-палаткой. И теперь тащил его на себе, как деревенские женщины носят грудничков, опоясав себя пеленкой.

– А... М-м. А? – Тристан не знал, как заявить о своем пробуждении. – Эм. Джентльмены...

Но они не слышали его попыток привлечь внимание. Только душевнее запевали.

– Хм, ясно, – пробубнил Тристан. А потом прочистил горло и сказал уже громче: – Добрый вечер!

Они разом замолкли. Ситцевый рыцарь взобрался по руке Рошана и встал на его плече, нависнув над Тристаном.

– Проснулись-таки! Как вы себя чувствуете?

– Благодарю, отдохнувшим, – ответил Тристан и попытался выпрямиться в своем коконе. Мышцы неприятно отозвались тянущей болью, какая бывает после долгого пешего похода и сна на сырой земле. – Но я бы предпочел слезть и дальше идти пешком.

Рошан остановился, некоторое время копошился с узлом на груди, а потом предупредил:

– Отпускаю.

Тристан спрыгнул на землю. Вместе с ним из плащ-палатки выпали его деревянный меч, планшет и фляга с водой. Он принялся это торопливо собирать и вешать на себя.

– Идти осталось всего ничего, – сообщил Рошан, наблюдая, как суетится Тристан.

– Что мне стоит знать, когда я приду к феям? – спросил Тристан, засовывая меч между ремнем и подсумком.

– Что вас туда, конечно, никто не пустит, – ответил истукан. – Феи живут общиной и не приемлют чужаков. Скорее всего, ваша дама выйдет к вам сама.

До холмов они дошли быстро, как и обещал Рошан. В лесу было уже сумрачно, но на открытой долине солнце все еще освещало молодую траву под ногами. Они пришли. Тристан понял это по тому, как внезапно зеленый покров сменился пестрой палитрой полевых цветов, кустов и ягод. Издали к ним приближались три фигуры. Тристан и не заметил, откуда они взялись. Но он легко узнал фею в фиолетовом платье и ускорил шаг. Он сам не заметил, как сорвался на бег, и был так счастлив, что и она бежала навстречу. А потом они оба резко остановились на расстоянии протянутой руки. Она была рада его видеть. Тристан не сомневался в этом. Фея только пару раз бросила заинтересованный взгляд на истукана. Она восхищенно смотрела на Тристана, и он бы остался так стоять под ее взором, но вперед вышел Рошан.

– Здравствуй, девушка! Я – Рошан Эскалотский, которого ты велела призвать. И этот Тристан перед тобой выполнил приказ. Я рад вернуться к феям и служить моему роду, – торжественно заявил он, в поклоне распахнув руки – одну с мечом, другую с щитом.

– Приветствую, великий Рошан! – она кивнула ему в знак признательности. – Народ фей заждался тебя.

Девушка показала рукой за свою спину, приглашая его следовать к двум женским фигурам, оставшимся стоять вдалеке. Рошан поклонился Тристану, сказав на прощание: «Будь счастлив, юноша! Ты знаешь, где меня искать», – и направился к женщинам. Когда все трое превратились в точки на горизонте, а потом словно бы растворились в воздухе, фея заговорила с Тристаном:

– Это была Джорна, старшая леди Гормовой долины. Она провидица. И моя бабушка.

Тристан пожалел, что не разглядел ее. Ему хотелось больше знать о его даме. Фея смущенно добавила:

– Она захотела посмотреть на тебя. На того, кто смог пробудить идола Рошана.

– Я сам до последнего не верил, что у меня получится.

– Но у тебя получилось, – сказала она тихо, с теплой улыбкой. – Мое имя Мэб. Мэб Ронсенваль.

Время замерло над Тристаном, над всей долиной. Чистый прохладный ветер холмов робким дуновением касался их волос и кожи. Сдержанное тепло последних лучей, их огненные блики на ее тугих косах, запах множества трав и цветов, трепетное жужжание радужных стрекоз, кружащих парами.

– Но все зовут меня Ронсенваль. Мэб – это наследное имя, – добавила она и провела пальцами по ежевике на шляпке, отогнав пчелу.

Стрекозы, цветы, косы, лучи, Ронсенваль. Тристан потянулся к поясу, достал меч и опустился на одно колено.

– Послушай, я не уверен, что все делаю правильно. Я еще не прошел акколаду. Я ведь еще не рыцарь, – Тристан собрался с духом. – Я – Тристан Трувер, послушник Ордена пальеров, здесь и сейчас вверяю свое тело, знания, умения и меч, что имею, в услужение тебе, Мэб Ронсенваль. Клянусь, что...

Он не знал, как послушнику следует приносить клятву верности леди. Строго говоря, это было совсем не по правилам. Сначала полагалась присяга Ордену, после – королю, и, если к этому шло, в конце концов – даме. И клятва звучала так, что рыцарь обещал не давать более обетов. Но Тристану предстояла еще акколада и, скорее всего, присяга монарху. Сейчас он жонглировал в уме словами, выстраивая их в клятву, которую до него никто не давал.

– Клянусь, что не найдётся другой женщины, которой я вручу свою бесконечную верность. Если слова мои не оскорбили тебя, если принимаешь ты мою службу, назови сейчас меня своим рыцарем.

Тристан подумал, что странно было бы сказать «своим послушником», и протянул ей меч. Но Ронсенваль осторожным жестом отодвинула меч от себя и покачала головой. На миг сердце Тристана сжалось от испуга, но он знал, что это часть ритуала.

– Я – Тристан Трувер, послушник-пальер, вверяю тебе свои тело, знания и умения, и меч, что имею, в услужение, Мэб Ронсенваль. Примешь ли ты мою службу?

Она снова оттолкнула меч. Так дама проверяла искренность намерений рыцаря и его умение держать себя в руках. Тристан набрал полную грудь воздуха и уверенно, громогласно, так, чтобы слышали все свидетели в долине – Ситцевый рыцарь, стрекозы и пчелы, – произнес:

– Я, Тристан Трувер, послушник Ордена пальеров, здесь, сейчас, вверяю тебе, Мэб Ронсенваль, свои тело, знания, умения и этот меч. Клянусь, что не будет другой женщины, которой я вручу свою верность. Если принимаешь мою службу, назови сейчас меня своим рыцарем.

И Ронсенваль взяла из его рук деревянный меч.

– Я принимаю твою службу, Тристан Трувер, – она слегка наклонилась, невесомо поцеловала меч, и вернула его Тристану. – Обещаю не использовать твои знания и оружие в дурном деле. Теперь ты мой рыцарь. Поднимись!

Тристан встал и быстро сунул меч за пояс. Только теперь он позволил своему дыханию сбиться. Ронсенваль протянула ему ладонь, и он взял ее обеими руками. Он поцеловал белые пальцы, но не отстранился, так и замерев губами над ее кожей. Тристан едва сдерживал чувства, подкатившие слезами к опущенным векам. Одна капля все же сорвалась и покатила по их сплетенным рукам. «Ронсенваль», – тихо повторил он имя, за которым так долго охотился. И если бы Тристан поднял взгляд на нее, он бы увидел, что и глаза Ронсенваль блестят невысказанной радостью. Но солнце закатилось за холмы, слизав с травы их длинные тени, а они еще долго стояли так, словно старались прорасти ногами в поле и больше не уходить отсюда никогда.

Глава IV

Чего боятся феи

Дни пролетали так быстро, что даже природа расцвела и начала готовиться к лету. Тристана отпустили в отшельничество на неделю, но сэр Мерсигер сказал, что если ему требуется больше времени побыть в одиночестве, никто его не осудит. Тристан отвел себе десять счастливых весенних дней. Он бы взял больше, он бы остался в лесу до экзаменов, но он не без причины полагал, что затяни он с возвращением, на его поиски могут отправиться. Он построил себе шалаш неподалеку от Ворклого озера, и Ронсенваль каждый день приходила к нему с угощениями и беседами. Всякий раз она говорила, что сегодня обещала Джорне вернуться рано, и всякий раз он провожал ее после заката к холмам. Они говорили часами, внимательно слушая друг друга. Она рассказывала о быте и обычаях фей. Он – о жизни в Ордене. Оба этих мира для каждого из них были покрыты тайнами, старыми сказками, переписанными мифами. Тристан узнал, что феи живут небольшим поселением в старом замке Трините в Гормовых холмах, который чудесным образом был скрыт с карт. Он был удивлен тому, как магия незаметно, практично и ненавязчиво вплеталась в их жизнь, заменяя технические новшества, например автомобили, телефоны, граммофоны. Но пальеры немногим отличались от фей в этих вопросах: и те и другие были ретроградами во взглядах и в быту. Трините и Пальер-де-Клев походили друг на друга.

Тристан мог взять Ронсенваль за руку, она – поправить ему волосы. Им доводилось лежать на лугу, и Ронсенваль могла припасть щекой к его плечу. Когда она сделала так впервые, Тристан затаил дыхание, испугавшись, что она отстранится, если он пошевелится. Вчера они, взявшись за руки, бежали по долине, потому что Джорна обещала больше не отпускать внучку, если она еще хоть раз придет после заката. И, попрощавшись, Ронсенваль дернулась, едва не порвав рукав платья, зацепившегося за пуговицу на его манжете. Она пошутила, что их одежда тоже не хочет расставаться. А пока Тристан скрупулезно выпутывал латунь из цепкого кружева, Ронсенваль

поцеловала его в щеку на прощание и убежала. А он потом гладил это место, чуть выше подбородка, перед тем как уснуть.

Так прошли три дня. Тристан помнил, что потратил на поиски и поход за Рошаном трое суток. Он с грустью осознал, что большая часть времени, положенного ему на отшельничество, прошла. Однажды он проснулся с этой печальной мыслью и умылся водой из котелка. Ситцевый рыцарь вскарабкался на крышу его шалаша и грелся на солнце. За ночь он успевал отсыреть, как и все тканевые изделия в шалаше. Тристан снял китель и рубашку, набросив все это на ветки просушиться. Он уже было направился, куда планировал, но развернулся и робко попросил Ситцевого рыцаря пойти с ним. Тристан хотел искупаться в озере и, очевидно, поговорить. Однако же слова не шли. Его спутник тоже не торопился начинать разговор. Наконец, мокрый Тристан вышел на берег, резво натянул брюки и нательную майку, и присел на камень. Он долго сидел, созерцая свои босые ноги.

– Как мне сохранить это? – он нарушил молчание тихим вопросом. – Я вернусь, она ведь не пойдет со мной. Да и куда? И зачем? В смысле она ведь...

– Я понимаю, можете мне не объяснять, – недовольно сказал Ситцевый рыцарь, усаживаясь рядом. – Это очевидные вопросы, о которых вы в силу вашей неопытности не подумали заранее.

– Что мне делать? – простонал Тристан в руку и размазал капли по лицу.

– Поговорить с ней, – просто ответил рыцарь. – Порядочно было бы для начала узнать, насколько ваша Ронсенваль осведомлена об обычаях Ордена. В частности, о том, что все ваши отношения ограничатся только вашей рыцарской службой этой даме.

– И как она сможет меня призвать, если ей потребуется помощь? – он все пытался найти способ связи с ней, если после акколады его распределят вне Пальеры, если ему придется ехать на службу в Эскалот, например. Он был больше ученым, чем военным. Скорее всего, его отправят в университет в столице. Вряд ли он понадобится кому-то из опытных рыцарей на службе. Но Тристан допускал любой вариант распределения. Итог один – он покинет Пальер-де-Клев и Ронсенваль.

– Об этом вы тоже ей скажите, – настаивал Ситцевый рыцарь. – У фей немало способов человека из-под земли достать. Уж и для вас

средство найдется. В конце концов, пусть в самом Трините нет ни почты, ни телеграфа, но в деревне при Пальере они есть. Она всегда сможет отправить вам весточку.

Тристан согласно кивнул. И все же ему было больно думать о разлуке, такой страшной и скорой.

Он поторопился на встречу с Ронсенваль. Но она не пришла к назначенному времени. Тристан прождал около часа на уговоренном месте, но фея не появилась. Тогда Тристан оставил Ситцевого рыцаря на пне, на случай, если Ронсенваль все же опоздает, и направился к холмам. Но и в долине ее не было. Он начал волноваться. Шли минуты ожидания, и Тристан метался по полю. Сложив руки рупором, он выкрикивал ее имя в пустоту, звал Ронсенваль, но она не являлась. Тристана трясло от страха. Он побежал обратно, но Ситцевый рыцарь так и сидел на краю пенька, болтая ногами, в полном одиночестве: «Ее нет». Ее нигде нет. Ситцевый рыцарь старался успокоить Тристана. Он говорил, что она могла простудиться (феи ведь тоже болеют), что Джорна могла из приличия наказать Ронсенваль, оставив ее дома. Но Тристан лихорадочно мотал головой: «Я должен ее найти. Так нельзя. Ее надо найти».

Дорога была долгой, а Тристан, измотанный бегом, запыхался. Но он вернулся в холмы с увязавшимся Ситцевым рыцарем, буквально запрыгнувшим ему на ногу. Они пришли на тот луг, где феи, Рошан и Ронсенваль исчезали из вида прямо в воздухе. Тристан звал ее: просил, кричал, постоянно оглядывался в поисках подсказок. Не выдержав, он уронил голову в свои ладони, понял, что рыдает, и обессиленно опустился на колени. Ситцевый рыцарь не трогал мальчика. На его памяти Тристан плакал так пару раз в детстве, когда тосковал по матери, которую даже не помнил. Они оба знали, что Тристан может лить слезы только из чувства глубокого одиночества. Но все же соломенное сердце, если оно было у Рыцаря, разрывалось при виде плачущего Тристана. Он плакал так горько – сотрясался всем телом, то и дело старался вытереть слезы кулаком с искаженного лица, покрывшегося красными пятнами, глубоко дышал, чтобы успокоиться, но всякий раз сдавался перед новой волной боли.

Ситцевый рыцарь покачал головой и отвернулся. Старый слуга не мог смотреть на мучения Тристана. Его беззвучные рыдания, шепот «пожалуйста» и «Ронсенваль» терзали Ситцевого рыцаря несколько

часов. Он изредка поглядывал на долговязую фигуру, распластавшуюся в траве – мальчик уже повалился на землю без сил. И тогда из пустоты, измучившей Тристана, возникла Ронсенваль. Она была одета словно бы по-домашнему: в легкую длинную сорочку с наброшенным поверх кардиганом. Она осторожно оглянулась, словно за ее спиной было что-то помимо огромного неба над долиной, и подбежала к Тристану. Он удивленно сморгнул остатки слез, сиюсь разлепить опухшие веки. Тристан жалобно протянул руки ей навстречу, как ребенок тянется к родителю. Он недоверчиво бормотал: «Ронсенваль, это ты? Ты правда пришла?» Фея ухватила за его рукава и попыталась поднять на ноги, но он повис на ней так, что Ронсенваль опустилась рядом. Тристан уткнулся лбом ей в живот и шептал благодарности за то, что она все же отозвалась. Ронсенваль, заключив темную голову в объятия, жалела его, гладила по спине и волосам, но постоянно озиралась.

– Прощу тебя, Тристан, встань, – попросила она, взяв его лицо в руки. – Нам нужно уходить.

– Ронсенваль, ты пришла, – повторял он. – Я не верил, что придешь.

– Да, Тристан, я пришла, но нам надо срочно уходить отсюда.

Они оба поднялись, Ронсенваль поддерживала его, словно Тристан был ранен. Ситцевый рыцарь доковылял до них, без вопросов забрался по ноге Тристана и зацепился за кожаный пояс. Они оставили долину, не размыкая рук. Тристан боялся отпускать ее всю дорогу. В лесу он спросил, куда они идут. «К Ворклому озеру», – ответила Ронсенваль. Весь оставшийся путь они молчали, словно растения и птицы могли шпионить.

И только у озера Ронсенваль усадила Тристана точно на тот камень, где он сидел несколько часов назад. Какие же долгие это были часы для Тристана! Сама Ронсенваль присела рядом на траву, подстелив под себя кардиган. Тристан спросил, холодно ли ей, в ответ Ронсенваль только покачала головой, но трепет молчания оставил их наедине с назревшим разговором. Она оглядела Тристана и заметила запекшуюся кровь, засохшую землю и луговую зелень на его колене. Прохладная ладонь Ронсенваль вспорхнула вверх, и она ногтем соскребла грязь. Потом достала платок и приложила к закровившей ранке. Растерянный Тристан остановил ее руки.

– Почему ты не пришла сегодня?

– Я не знала, что ты будешь так переживать, – она продолжала смотреть на его колено.

– Я думал, что больше не увижу тебя, – жаловался Тристан. – Ты даже не предупредила, что можешь пропасть вот так. Не оставила ни одного способа связаться с тобой.

Фея подняла на него глаза. Вид у Тристана был бледный, изможденный бегом, ее поисками и долгим плачем. На миг ей показалось, что он болен.

– Я испугался, Ронсенваль, – объяснил он. – Я очень испугался. Так нельзя.

Она поспешно обняла Тристана. Какое-то время Ронсенваль баюкала его, приговаривая: «Успокойся, успокойся». Но Тристан отстранился и пообещал:

– Я больше не буду плакать. Мне жаль.

– О чем ты сожалеешь? – спросила Ронсенваль и примостилась вплотную к нему на камне.

– Что день бездарно потрачен. У нас их так мало осталось.

– Ты это говорил, – печально напомнила она. – Потому я и не пришла.

Тристан повернулся к ней. А потом, ошарашенный, вскочил.

– Ты не пришла, потому что я должен буду вернуться? – воскликнул он. – Я ничего не понимаю!

– Это все Джорна, – ответила Ронсенваль. – Она сказала, что это обернется трагедией! А все из-за озера! И из-за войны!

Ситцевый рыцарь спрыгнул на землю и потопал от них подальше. По дороге проворчал что-то про затеянные споры и про то, что не хочет слушать, как они бранятся. Тристан окончательно оказался сбит с толку.

– Из-за какой войны? При чем тут озеро?

– И из-за того, что мы такие! – повысила голос Ронсенваль.

Он не мог вспомнить, чтобы она кричала на него с первой встречи.

– Ронсенваль, прошу, объясни. Я правда не понимаю.

Теперь плакала уже она. Но более сдержанно, только изредка шмыгая носом и смахивая едва скатывающиеся редкие слезинки.

Ситцевый рыцарь вдалеке пробубнил под нос про какой-то мокрый день.

– Когда мы первый раз встретились, я умывалась. Воды Ворклого озера обладают разными волшебными свойствами, среди прочих – способностью соединять судьбы. Сюда приходят те, кто хочет скрепить союз. Они пьют воду из озера. Если выпить хоть несколько капель, то полюбишь первого человека, на которого помотришь, – она глубоко дышала и говорила немного дрожащим голосом. Тристан понимающе кивал. – А ты был первым, кого я увидела после того, как прополоскала рот.

– Так ты же выплюнула воду, а не проглотила, – заметил Тристан.

– Это неважно. И нескольких капель хватит, сказала Джорна. Поэтому все происходящее неестественно. А еще я теперь, выходит, привяжусь к тебе. А ты ко мне – нет! – и тут она все же сорвалась.

– Но мне и не нужно никакое озеро, я и так тебя люблю, – сказал Тристан и понял, что наконец объяснился с ней прямо, хотя и не так себе представлял первое признание. – Ронсенваль, ты боишься, что я уйду и забуду тебя?

– Я не боюсь... Да, боюсь. Я ведь буду заколдована, и мне будет от того плохо. А ты сможешь забыть меня и жить дальше! Что ты?..

Пока она говорила, Тристан начал расстегивать ремень и пуговицы на кителе. Потом стянул сапог.

– Тристан, ты что делаешь? – от неожиданности она даже перестала рыдать.

Но он спокойно снял второй сапог. Затем сбросил китель, рубашку и обмотки. Потом он взглянул на свои штаны, мотнул головой, развернулся и пошел в сторону озера.

– Тристан! – Ронсенваль поднялась, но останавливать его не стала.

Он рассек гладь озера ладонью и нырнул. Под водой было тепло и тихо, крики Ронсенваль остались на поверхности. Вынырнув, он набрал в руки горсть воды и хлебнул. А когда проглотил, взглянул на недоумевающую Ронсенваль. Она стояла на берегу и комкала в руках платок с капельками его крови. Тристан зачерпнул еще воды и плеснул в рот. Он шел обратно к ней, ощущая разницу между уютными водами озера и промозглым ночным воздухом. Мокрая майка на нем заметно остывала.

– Я не хочу, чтобы ты волновалась. Но должен отметить, что разницы в чувствах я не наблюдаю, – серьезно заявил он. А потом улыбнулся. – Кроме того, что теперь мне очень холодно.

Ветер обдал его лицо бодрящей пощечиной, а вслед за ним в объятия Тристана упала Ронсенваль. Она прилетела к нему запахом лесной ежевики, теплыми мягкими губами, первым поцелуем. Локоны ее распущенных кос прилипли к мокрым щекам и шее Тристана. И у него закружилась голова. Он чувствовал себя ответственным за равновесие их обоих, поэтому пошатывался, но не падал, топчась на месте. Напротив, он прижал Ронсенваль к себе, чтобы и она устояла. Ему больше не было холодно. Когда Ронсенваль отстранилась и припала носом к его шее, Тристан почувствовал, что ее кожа горит так же, как и его. Он терся щекой о ее пушистые волосы. Тристан ощущал растоптанный папоротник под босыми ногами и был благодарен, что шершавые листья возвращали его из пропасти, в которую он падал, стоило ему отвлечься от реального мира. А еще каждый из них слышал бешеный ритм сердца другого: они гремели, как варварские барабаны на языческом празднике. И как только бой их замедлился, Тристан сказал: «Ты больше не боишься, что я тебя разлюблю?» Ронсенваль подняла счастливое румяное лицо и помотала головой. Тристан поцеловал ее еще раз. А после она прошептала: «Тебе надо одеться. Иначе ты заболеешь».

Китель был застегнут ее руками на все пуговицы. Через каждые две Тристан целовал ее: в висок, в лоб, в волосы, в запястье. На последней петлице она сказала: «Дело не только в озере». И он засмеялся: «Звучит страшно. Что еще я должен делать?» Но ее серьезное выражение лица поумерило его задор.

– Тристан, Джорна многое рассказала мне. И она была недовольна.

– Я могу ее понять, – смиренно сказал Тристан. – Я ничего не могу тебе предложить.

– Об этом я и хотела рассказать, – ее ладонь лежала на нагрудном кармане его кителя.

– Ронсенваль! – властный женский голос неподалеку заставил Тристана и Ронсенваль отшатнуться друг от друга.

Перед ними стояла Джорна. Тристан впервые видел ее так близко. Это была самая высокая женщина, какую он встречал. Ее острое лицо,

испещренное морщинами, было напряжено, губы плотно сомкнуты. Длинные седые волосы уложены в сетку. Она была облачена в длинный драповый плащ. Джорна переводила взгляд с Тристана на Ронсенваль, и последняя стыдливо запахнула кардиган. Жест еще больше рассердил Джорну, и она дернула головой, кивком приказав Ронсенваль приблизиться.

– Нас всех ждет долгий разговор. И я бы сделала все, чтобы он не состоялся, но, боюсь, наши пути привели нас туда, откуда не возвращаются, – процедила старая фея.

– Прости, – робко сказала Ронсенваль и отошла в сторону, на равное расстояние от возлюбленного и от бабушки.

Джорна не могла не заметить ее позицию и только хмыкнула. Тристан решил, что невежливо молчать и произнес:

– Мадам, я бы хотел представиться...

– Бабушка, это Тристан, – пришла ему на помощь Ронсенваль.

– Да опоздали вы оба с приличиями, – кивнула она. – Я пришла настолько раньше, что увидела достаточно.

Тристан почувствовал жар на щеках и ушах. Ворот кителя вдруг сделался непривычно колким. Он собирался объяснить свое поведение, но Джорна подняла ладонь, предотвращая его речь. Этот жест напомнил ему манеру Ронсенваль.

– Говорить буду я, – начала она. – Все что здесь происходит, для меня ужасно. Я предвижу столько боли, что ее не вынести и целому народу. Это все касается тебя напрямую, мальчик. А теперь касается и моей Ронсенваль. Мы, феи, ушли в Трините больше ста лет назад. Все феи – это старейшие благородные семьи континента. Несколько веков назад короли смертных истребили почти всех фей. И многие из них надели маски и скрыли свое происхождение. Каждому из нас от природы дан талант к магии. И эти дары возвысили фей в мире людей. Но пришла новая эпоха, в которой ни нашим умениям, ни происхождению не было места. Нам претило то, что люди называли прогрессом. Мы знали, чем это обернется, потому что среди нас всегда были провидцы. Тот прогресс был техническим и научным. Ученые пытались исследовать нас так, словно мы больные. Только наш исход привел к развитию науки неизведанного, иначе нас бы погребли в лабораториях, и изучать было бы некого.

Тристан взглянул на Ронсенваль, она куталась в кардиган и так же поглядывала на него в ответ.

– На смену нам в общество пришли нувориши, и брешь в иерархии восполнилась. Феи ушли в леса не только из страха перед современной наукой, но и перед войной. Оружие людей ужасно. Оно не для честного сражения воина с воином, оно для истребления, – продолжала Джорна. – Я, Мэб Джорна, я помню ту войну, что люди назвали Последней. Это ложное наименование. Грядет такое побоище, что все народы утонут в крови. Восстанут древние короли для Великой войны, и ты, Тристан, будешь служить одному из таких королей.

– Но позвольте, – вмешался Тристан. Он был взволнован, не хотел верить в слова Джорны, но верил. – Последняя война была той ужасной, кровопролитной войной из пророчеств. Она истребила много людей на континенте. Пали королевские династии и исчезли целые народы. Как в том пророчестве... Подписан пакт, соглашение, о том, что все конфликты будут решаться в позиционных войнах. Битвы не перетекают в города и не уносят жизни мирных граждан. Фронт далеко, и он не сдвигается с места уже несколько лет.

– Ты слушаешь невнимательно. Или не хочешь слышать, – недовольно ответила Джорна. – Будет сражение намного страшнее. И твой дар в ней пригодится.

– Вы об оживлении кукол? – удивился Тристан. Он посмотрел на Ронсенваль, и она подтвердила его догадку.

– Мальчик, ты не представляешь, насколько он будет ценен, – заверила его Джорна. – И приведет к большим победам и большим жертвам. Но мы бы могли спрятать тебя. Это следовало сделать твоим родителям. Но Труверы оба были любознательными. Твой отец связался с агнологами, помогал им в экспериментах. А твоя семья могла остаться в Трините.

– Вы знали моих родителей?.. Потому что они тоже жили в Трините? Потому что они тоже были... Нет!

– Тристан, поверь, это многое объясняет, – Ронсенваль бросилась к нему.

Она вцепилась в его рукав, и царапала нашивку на нем. А Тристан качал головой.

– Конечно, объясняет, – отрешенно говорил он. – Ужасно. Бедный Рошан, как я теперь его понимаю!

– Если уйдешь сейчас с нами в Трините, будешь жить той судьбой, что тебе написана на роду, – предложила Джорна.

А Ронсенваль взяла его лицо в руки и повернула к себе.

– Послушай, Тристан. Мы будем вместе, – она гладила пальцами его скулы и волосы, нашептывая обещания, от которых было мучительно отказываться. – Мы останемся навсегда в Трините. Никакой войны, никакой разлуки, никаких тайн.

– Какая хорошая жизнь, – прошептал Тристан и положил свои руки поверх ее ладоней. – Помнишь, я сказал, что если ты заставишь меня выбирать между службой тебе и Ордену, это будет сложный выбор?

– Да, но ты поклялся мне. А Ордену ты не присягал, – уговаривала она.

– Не присягал. И все же это дезертирство. Особенно теперь, когда я знаю, что грядет такое...

– Ты что же, хочешь отправиться на войну?

– Вовсе не хочу. Но я всю жизнь делал то, что должно, а не то, что мне хочется, – а потом подумал и добавил: – Кроме последней недели.

Джорна обошла их и сказала:

– Подумай, Тристан. Я не позволю погубить свою внучку. Пусть без тебя ей придется тяжело, но она не умрет от ужасного оружия, разрывающего человека на части. Подумай ночь, а завтра приходи в холмы. Я буду ждать ответ. Ронсенваль!

Девушка обняла Тристана на прощание. Они пожелали друг другу спокойной ночи под цепким взглядом Джорны. И как бы Тристану ни хотелось поцеловать Ронсенваль, он не решился злить ее бабушку. А потому он едва не скулил от одиночества, когда они вдвоем уходили в лес. Ситцевый рыцарь молча волочился за Тристаном до самого шалаша и лег у него под боком, не проронив ни слова.

Прошедший день растоптал Тристана настолько, что он не успел ни о чем подумать, как провалился в сон без сновидений. А наутро вышел из шалаша, полный решимости.

– И что вы ей скажете? Джорне? – спросил его вместо приветствия Ситцевый рыцарь, привалившийся к пню.

Тристан присел у кострища и чиркнул огнивом. Пламя разгорелось, он повесил обмотки и рубашку на треногу из веток. За эти дни он весь пропах дымом, сыростью и лесом. Раньше ему нравились

эти запахи. А потом он взял охапку хвороста и принялся ломать прутья, подбрасывая их в костер.

– Я очень люблю легенды, – сказал он Ситцевому рыцарю. – Я читал несколько таких, где прекрасные феи заманивали рыцарей в лес, очаровывали, а потом бросали, заблудших, в одиночестве. И рыцари погибали от тоски. Были и те, кто отказывали волшебницам и возвращались домой.

– Эти легенды писали люди, – заметил Ситцевый рыцарь.

– Эти легенды писали люди, – повторил Тристан. – А что же вы думаете?

– А что я думаю?

– Что вы думаете о моей природе и моем предназначении? Почему, по словам Джорны, они расходятся?

– По-моему, в ее версии они как раз сходятся, господин, – поправил Ситцевый рыцарь. – Ваша природа пригодится какому-то древнему королю, который пробудится для Великой войны.

– Звучит жутко, – скептически произнес Тристан.

– Безусловно. Но я с вами столько лет, а новые знакомства завел только на этой неделе. А в чем причина? Не в том ли, что до сей недели ваш талант везде был не к месту? Это к слову о природе. А если хотите знать мое мнение, то я вас поддержу в мирной семейной жизни. Совсем не буду вас осуждать, напротив! Детишек ваших еще буду обучать. Ах, какие детишки у вас бы получились! Розовощекие, кудрявые, а если с ее норовом, так...

– Что вы несете, сэр? – обернулся к нему Тристан.

– И правда же, размечтался старик... – Ситцевый рыцарь подошел к костру и расправил руки, чтобы ткань его и одежд лучше просохла. – Но если решите идти путем героическим, то я завсегда с вами.

– Я не хочу выбирать.

– Это как же так? – удивился Ситцевый рыцарь.

– Пусть Мэб Джорна думает себе, что хочет. Но я не собираюсь сбегать от службы и такой судьбы, что она предсказала. Я сделаю все, что должен сделать. А после вернусь к Ронсенваль.

– А как же ваша клятва? Пальеру не должно иметь семью и иные тесные связи вне Ордена.

– Я думаю, что после Великой войны, которую мы переживем, я попрошу того великого короля, которому буду служить, отпустить

меня к моей даме. Джорна сказала, что мой дар необходим. Я заслужу себе спокойную мирную жизнь, а не украду ее так позорно, как предлагает провидица.

Тристан слышал, как шумит лес, трещит костер и солома внутри Ситцевого рыцаря скрипит не то оттого, что сохнет, не то от избытка кукольных чувств.

– Вы меня приятно удивили, – заявил он. – Пусть вам достанет сил все это исполнить, а я вам подсоблю всем, чем могу.

– Пусть так и будет.

В холмах Тристан дошел до места, где в прошлый раз к нему подошла Ронсваль. Он ждал смиренно, нисколько не суетясь. И спустя время к нему вышла Ронсваль вместе с бабушкой и еще одной феей, которая шла за Джорной и несла корзинку. Ронсваль ускорила шаг и первой подошла к Тристану. Он оглядел ее и словно бы успокоился, когда нашел брошь с ежевикой. Она скрепляла складки пледа, наброшенного на девичьи плечи. «Здравствуй!» – «Я рад тебе видеть». А потом приблизились другие две феи, и Тристан скрыл все свои чувства, написанные у него на лице.

– Здравствуйте, Джорна!

– Здравствуй, Тристан! Что ты решил? – старая фея не церемонилась с юношескими сантиментами. Возможно, в другой ситуации это было бы даже неприлично.

– Я принял решение, которое выходит за рамки предложенных вами условий, – Тристан откашлялся. Он бы хотел, чтобы все, что он произнесет, звучало не так торжественно, как получалось. Он бы хотел подобрать слова более искренние, чтобы сберечь сердце Ронсваль. – Я не пойду в Трините и приму ту судьбу, что вы предсказали, мадам. Ронсваль, прошу, дослушай, дай мне сказать. Но я исполню все, что должен, а после вернусь к тебе.

Ронсваль закрыла рот обеими руками, чтобы рвущийся из нее плач не оглушил долину. Тристан стоял смирно, почти по-солдатски, и смотрел на возлюбленную.

– Нет, так не пойдет, – отрезала Джорна. – Собираешься мучить мою девочку всю жизнь? Мало проклятья, что ее настигло у озера, ты решил добавить к нему груз обещаний, который ты, конечно, не сможешь сдержать. Молчи, Ронсваль! Я говорила, что он тебя не выберет.

Ее крик все же вырвался, и все внутри Тристана сжалось. Даже его лицо перекосило от боли. Ронсенваль развернулась и побежала в сторону Трините, но Джорна ее остановила.

– Да уж нет, ты его дослушай. Лучше тебе выслушать сейчас, чем потом придумывать ему оправдания и слова, которые он для тебя не нашел, – Джорна держала ее за трясущиеся плечи.

– Я собираюсь сдержать все свои обещания, – заверил Тристан.

– Конечно. А войны, ты полагаешь, длятся пару месяцев? И пальеры могут в двадцать лет уйти на пенсию к любовнице-фее?

– Пожалуйста, перестаньте, – Тристан не мог наблюдать, как убивается Ронсенваль. Вероятно, вчера он выглядел таким же отчаявшимся. – Я постараюсь избежать акколады. Я никогда не был силен, и боец из меня сомнительный, поверьте. Наш экзамен – это турнир. Если я плохо себя проявлю, меня не допустят до церемонии. Может статься так, что на фронт я поеду как обычный солдат.

Пока он говорил, Ронсенваль успокаивалась, прислушиваясь к его словам.

– Мадам, вы же провидица, вы видели меня в Великой войне. Значит, мой статус и звание никак не повлияют на мою роль в истории этой войны, – Тристан говорил все тише. Он почти умолял поверить ему.

Джорна недовольно отпустила Ронсенваль и вытерла ей слезы.

– Несчастная, что за жизнь он тебе приготовил? – протянула она.

Большой палец иссохшей руки растирал первое разочарование первой любви. Оно блестело под глазами Ронсенваль. Тристан поверить не мог, что способен сотворить столько дурного самому близкому человеку. Он вдруг заметил, что на лугу больше нет стрекоз.

– Пожалуйста, Ронсенваль, не верь сомнениям. Я сделаю все, чтобы вернуться к тебе.

Она повернулась к нему, заплаканная, и кивнула. Этого было достаточно, чтобы Тристан возликовал внутри. «Спасибо», – прошептал он одними губами.

– Замечательно, – скупно оценила их выбор Джорна. – Раз вы оба все решили, то терпения и сил вам обоим. Я не буду препятствовать. Но пока вы не натворили глупостей, ты, Тристан, сегодня же вернешься в свой Пальер-де-Клев. И в следующий раз я хочу увидеть

тебя в холмах в худшем случае перед отправкой на фронт, а в лучшем – по возвращении с него. Вам все ясно?

Нехотя Тристан согласился. Он пообещал, что сегодня же покинет лес. Ронсенваль совсем забыла обиду и то, что собиралась убежать. Она вырвалась из рук бабушки и повисла на Тристане.

– Ронсенваль, а ты возвращаешься со мной, – приказала Джорна.

Девушка попыталась протестовать, но старая фея ей не позволила.

– Прошу вас, дайте попрощаться, – обратился к ней Тристан.

Джорна недовольно скривила губы, но молча отошла. Вторая фея поспешила за ней. Тристан взял руки Ронсенваль в свои.

– Слушай меня, Ронсенваль. Может быть так, что тебе будут говорить, будто я передумаю, обману или просто не осилю исполнить задуманное. Не верь, не позволяй себя мучить. В деревне есть почта и телеграф. Едва я узнаю, куда поеду после выпуска, я оставлю тебе письма с адресом или номером части. Ты будешь знать, куда писать. Ладно? Хорошо, – Тристан договорил, убедился, что она все поняла, и поспешно ее поцеловал. Он не знал, видит ли их Джорна, но сейчас это было совсем неважно.

– Когда будет турнир? – спросила Ронсенваль, едва они отстранились. – Ты знаешь день?

– Совсем скоро, – Тристан посчитал в уме. – Семнадцатого дня. Ты хочешь прийти?

– Очень хочу. Я постараюсь, – пообещала она.

Казалось, все вернулось в лучшие дни. Возможно, даже этот день был самым лучшим из таких. Казалось, за ними не присматривают две недовольные феи. Казалось, над долиной снова летают стрекозы. Тристан не знал, что целовать первым: глаза, руки, висок, губы. «Пусть она придет, пусть, пожалуйста, придет», – просил Тристан в своих мыслях и очень надеялся, что она умеет их читать».

– Ронсенваль! – окликнула ее фея с корзинкой.

Тристан и Ронсенваль еле отпустили друг друга. Ронсенваль уже собралась уходить, как Тристан спросил:

– А какой у тебя дар?

– Это прозвучит странно, но я всему придаю смысл, – она сказала это неловко, словно стеснялась своего умения. – Замечаю незаметное. Джорна видит будущее, а я вижу тайное.

Она улыбнулась ему напоследок и послала воздушный поцелуй, только слегка откинув ладонь от губ. Запах ежевики еще порхал вокруг Тристана. И да, на луг действительно вернулись стрекозы.

Глава V

Знаки судьбы и знаки отличия

Тристан вернулся в конце недели отшельничества, как и обещал. Пальер-де-Клев встретил его предтурнирной суетой. Школяров было не так много, как могло показаться: около шести курсов. Больше всего ребят училось в младших классах. Далеко не все родители позволяли своим сыновьям встать на путь пальера. Орден не заставлял юношей обязательно вступать в него. Желание служить должно быть добровольным. И потом, все, кроме сирот, учились в Пальере платно, и эти деньги шли на содержание школы. Поэтому учеников было намного больше, чем прошедших инициацию. Не каждый школяр становился послушником, и не каждый послушник возносился до рыцаря. Выпуск происходил примерно раз в три года. Для всего замка это событие знаменовалось большим праздником: в деревне проходила крупная ярмарка, двор Пальеры украшали гирляндами, пансионат обставляли цветами и приглашали гостей. У каждого входа вывешивали знамена и штандарты. В эти дни Орден чествовал свой девиз «На смену друг другу».

Тристан жил в замке, сколько себя помнил, и застал три выпуска. То, каким Пальер-де-Клев был сегодня, он наблюдал впервые. Огромные трибуны уже возводились во дворе вокруг ристалища. Все доспехи, выставленные в коридорах, были начищены так, что в кирасы можно было смотреться, как в зеркала. Даже младшие ребята не носились по лестницам, а маршировали всем классом от кабинета к кабинету. «Ожидаются высокие гости», – вспомнил Тристан слова Оркелуза. Поэтому его возвращение почти никто не заметил.

Две недели послушники тренировались до седьмого пота. Каждый пятый бой проходил в полном доспехе на турнирном оружии. Тристан не понимал, откуда в нем взялись силы, но теперь физические упражнения были для него не так мучительны. В один из вечеров Ситцевый рыцарь объяснил причину: «Кровь фей, укрепленная ворклыми водами, бежит быстрее и делает тело крепче и выносливее. Вы выросли, если еще не заметили, господин». Сэр Мерсигер тоже отметил, что уединение идет послушникам на пользу. Вот и Тристан,

говорил учитель, будто бы возмужал и даже заимел здоровый румянец на щеках. Последнее с ним случилось как раз в тот момент, когда он подумал о Ронсенваль и о том, как ее появление все изменило.

С виду Тристан не наблюдал перемен, только бил противника увереннее. Все устные экзамены и эссе школяры сдали за несколько дней до турнира, чтобы длинные списки вопросов не отвлекали их от тренировок. В турнире традиционно было три отделения: конные сражения, бои на мечах и стрелковые соревнования. В последних несколько лет назад изменили многовековой традиции, и вместо лучного турнира послушникам предстояла стрельба по команде из винтовок. Так в турнире побеждали девять чемпионов: по три призовых места в каждой номинации. Только в конном состязании принимали участие рыцари – чаще всего молодые пальеры, прошедшие акколаду недавно. Послушники бились пешими.

В спальнях сейчас было пусто. Ко всем одноклассникам Тристана приехали родители, и школяры все свободное время проводили с ними в пансионате. И без того смиренный, армейский покой башни сейчас был поистине умиротворяющим. Но тихо было только извне, внутри Тристана жужжали мысли, то назойливыми мухами, то опасными осами, то прекрасными стрекозами. От одних он отбивался, других ловил за крылья и старался не отпускать. Тристан знал, что ему предстоит проиграть, потому что он обещал Ронсенваль свое поражение и потому что Оркелуз с Гаро все равно каждый раз валили его с ног. Даже если он выиграет один бой с кем-то из других ребят, размышлял Тристан, остальные соперники у него все равно будут старшими из класса. Но Тристан не хотел уж совсем упасть в грязь лицом в любом из смыслов этого выражения: хотя бы потому, что надеялся, так наивно и отчаянно, что Ронсенваль придет на него посмотреть. Тристан стыдливо умолчал о том, что его все же не лишат возможности стать рыцарем: у него были пристойные оценки и он нашел корни струпки. Ох, эта струпка, думал Тристан, большая удача, что свела его с возлюбленной, и злосчастные корни, которые приведут его в Орден. Последнее точно расстроит Ронсенваль, подставит ее под хлесткие замечания бабушки в Трините то время, что ей придется его ждать.

Была еще одна причина, по которой Тристан стыдился своих желаний: он хотел получить все. И рыцарство, ради которого трудился

всю жизнь, и удивительную героическую судьбу, обещанную ему провидицей, и жизнь с Ронсенваль. Раньше он никогда не наблюдал за собой такой жадности. Сейчас амбиции переполняли его, и отказ от любой из них представлялся огромной потерей. Почти что поражением. Неужели, спрашивал себя Тристан, война для него началась со знакомства с Джорной?

В его размышления то и дело врывается реальность. Он все боялся, что его мечтательная улыбка привлечет внимание. В один из вечеров всех послушников позвали в пансионат на благотворительный концерт, устроенный попечительским советом. Члены семей школяров, гостившие в Пальер-де-Клев, подготовили творческие номера: кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то читал стихи, давали два театральные отрывка из классических трагедий. Одна маленькая леди исполнила традиционную эскалотскую песню. Во втором куплете напутала слова, засмуцалась и поспешно спряталась за юбку матери, которая аккомпанировала ей на рояле. Зал наполнился добрым смехом и поддерживающими аплодисментами. Происходящее было умильным и теплым событием, редким в этом замке. Тристан подумал, что все дело в женщинах – в любых: в маленьких девочках с большими бантами, в молодых девицах, вздергивающих носы и сдерживающих улыбки, в элегантных матерях, поглаживающих руками в белых перчатках своих выросших сыновей по макушкам и погонам, в чопорных старушках, делающих замечания юношам. Они все посещали Пальеру так редко, что любой увидевший это прекрасное собрание удивлялся тому, как можно было жить здесь без каждой из них. Возможно, пробудь они в пансионате немногим дольше, весь Пальер-де-Клев превратился бы в рассадник интриг, ссор и разврата. По крайней мере, так всегда говорят местные учителя. Но сейчас присутствие дам было естественным и правильным, и оно приводило это вышколенное место в подвижный порядок с милыми хлопотами и уютной суетой. Тристан наслаждался им особенно жадно: он не знал такого никогда.

Гаро потащил Тристана знакомиться с родителями и младшей сестрой. Его матушка очаровательно улыбалась, говорила, что Гаро много писал о товарище. Она жеманно скрывала свое расстройство: сегодня сын сообщил им, что твердо решил стать рыцарем-пальером, а не просто окончить школу. Очевидно, мать надеялась изменить его

решение. Тристан знал об их спорах в переписке, и все же эту женщину ему было по-своему жаль. Поблизости стояла семья Оркелуза. Тот, закатив глаза, вынужденно представил их родне Гаро.

– Очень приятно! – обе леди, их матери, пожали друг другу кончики пальцев. – А этот юноша?..

Она указала на Тристана. Гаро вежливо представил:

– Это Тристан Трувер, наш одноклассник.

Тристан пожал всем руки и представился повторно каждому взрослому.

– Какой приятный молодой человек, – похвалил его отец Оркелуза. – А где ваши родители?

Гаро с семьей поникли и растерялись, осознав неловкость вопроса. Едва Тристан успел открыть рот, как Оркелуз сказал:

– А этого никто не знает. Он сирота.

– Примите мои соболезнования, я не знал, – мужчина принял скорбный вид. Тристан отметил, что Оркелуз мало похож на него, впрочем, как и на мать. Рядом с ними стоял еще один человек – невысокий худой паренек, имевший большее сходство с семейством.

– Ничего страшного, сэр, – ответил Тристан. – А это должно быть, старший брат Оркелуза? Он однажды проговорился, что у него есть брат.

– Младший, – парень протянул руку Тристану. – Я – Нино, Тристан, очень приятно! Оркелуз никогда обо мне не рассказывает.

Как только все отвлеклись на праздные разговоры, Тристан и Гаро переглянулись и ехидно покачали головами. Гаро едва слышно присвистнул. Оркелуз же, напротив, помрачнел и огрызнулся.

– Вообще не понимаю, чего ты притащился! – прошипел он. – Тебя здесь никто не ждал.

– Почему же? Очевидно, меня ждал твой братец, с которым ты так не хотел нас знакомить. Оно и немудрено... Знаешь, это так странно, отправить в Орден старшего сына, – протянул Тристан.

– Вот и я считаю, подозрительно, – поддержал его Гаро. – Не потому ли, что младшего посчитали более достойным наследником?

– Я вам обоим вырву языки, – Оркелуза даже перекосило от злобы.

Но парни только отмахнулись.

– Лучше вырви свой, – сказал Тристан. – Из-за него все твои беды.

Под конец вечера приехали гости, которых, очевидно, многие ждали. Мужчина почтенных лет шел под руку с ослепительной белокурой дамой, лет на пятнадцать младше его. Она шагала сквозь толпу в белом вечернем платье и таком же кипенном меховом мантио. Безупречная белизна в сердце безупречного общества. В ушах блестели бриллиантовые капли. Люди перед ними расступились. «Министр Гавел» и «Господин министр» – слышал Тристан. Совет наставников выстроился в ряд, приветствуя пару. Через несколько минут, положенных на церемонии, министр поднялся на сцену и поприветствовал всех присутствующих.

– Леди и джентльмены, я рад видеть каждого из вас. Ничто бы не помешало мне быть на этом чудесном благотворительном вечере. Ваши аплодисменты герцогине Лоретт, которая выступила с инициативой провести концерт. Восхитительно! Чудесно, дамы! Благодарю. Конечно, я бы не посмел пропустить такое редкое и счастливое событие, как турнир и акколада молодых пальеров. Для начала выражу благодарность вашим семьям и наставникам. Их стараниями я вижу перед собой будущих героев и выдающихся ученых. Господа послушники, я верю в ваши силы и надеюсь увидеть блистательное выступление каждого из вас послезавтра. В такие тяжелые времена Эскалоту нужны храбрые воины, каких всегда приносила нам ваша альма-матер. За прекрасный Пальер-де-Клев и его рыцарей!

Министру подали бокал шампанского, а гости подняли свои фужеры, поддержав тост за Пальер-де-Клев. Дальнейший вечер продлился для послушников еще полчаса, а после сэра Мерсигерскомандовал отбой. Тристан дождался, пока Гаро попрощается с близкими, и спросил:

– О каких тяжелых временах он говорил?

– Ну... – Гаро озадачился его вопросом. Было заметно, что он не придавал значения словам министра. – Вероятно, он имел в виду фронт.

– Но бои на позициях идут уже лет семь. Почему вдруг он так сказал?

– Может, он для пафоса. Он же «великий оратор времени», – пожал плечами Гаро. – Никто и не заметил, я думаю. Один ты, как всегда, буквоед нудный...

Гаро потрепал друга по волосам. Тристан увильнул, и они вдвоем побежали по лестнице в спальню, пока кто-нибудь из учителей не поймал их после отбоя.

В день турнира Тристан забрал из кузницы начищенные доспехи: тяжелый полный комплект, который весил немногим меньше его самого. Из оружия он взял меч, так как по правилам первый раунд каждый послушник должен пройти со щитом и одноручным мечом, и клевец, потому что это оружие было для него самым сподручным. Все послушники надевали одинаковые поддоспешники – в цвет знамени Ордена. Чтобы зрители могли отличить бойцов друг от друга, каждому из послушников велели взять ткани и сшить бурлет ^[1] для каждого своих цветов. Тристан, ни минуты не сомневаясь, схватил черную шерсть и фиолетовый шелк, хотя на них никто и не претендовал. Всю экипировку школяры отнесли в шатер. Тристан знал, что не может надеть на себя никакую сумку, поэтому заранее запихнул недовольного Ситцевого рыцаря между шлемом и подшлемником. Возмущался тот знатно, Тристан даже боялся, что их кто-нибудь услышит.

Первое состязание – стрелковое – все послушники проходили в форме. Поэтому Тристан надел португую поверх вычищенного кителя и поспешно спустился во двор. Он надеялся поискать Ронсенваль. Но уже на выходе потерял всякую надежду. Внутренний двор был забит людьми – наставниками, ветеранами и гостями на трибунах и посетителями из деревни внизу, вокруг ристалища.

Загремели трубы, вступил оркестр. Выпускники строем вышли на ристалище и выстроились в линию. Сэр Мерсигер представил свой класс и поприветствовал министра Гавела. Класс вымуштрованным хором повторил приветствие. Заиграл гимн, все сидящие встали со своих мест. Тристан пел и искал глазами фею в ежевичном платье. Ее не было. Сэр Мерсигер взял рупор и громко объяснил присутствующим правила турнира.

– Судьями турнира являются почтенные ветераны и наставники Ордена пальеров, а возглавляет судейство министр иностранных дел Эскалота, лорд Гавел, – заявил он. – Также по традиции сегодня на турнире присутствует суд дам. Его голосом является герцогиня Лоретт. Мы хотим, чтобы вы отметили не только силу и храбрость наших воспитанников, но и их безупречные манеры.

На ристалище вышел один из рыцарей, исполняющий роль глашатая. Он объявил о состязании стрелков. Тристан пошел за своей винтовкой. По команде класс выстроился в шеренгу напротив мишеней. Послушники приняли упор на одно колено. Зарядили винтовки. Несколько ребят так волновались, что замешкались с патронами в подсумках. Тибо повредил плечо после первого выстрела, но, зажав губу, расстрелял все пули. Когда он встал, Тристан заметил, что винтовка почти на две головы выше его и что Тибо не плачет, хотя глаза его неестественно блестят и из нижней губы сочится кровь. В конце концов Тристан окинул взглядом чужие мишени и подсчитал, что скорее всего займет третье место. Когда они пришли в шатер, то каждый стал переодеваться в полном молчании. Им запретили шуметь и вести себя вызывающе. Тристан сначала помог Гаро надеть доспехи, а после Гаро облачал Тристана. Он поспешил надеть шлем и опустить забрало, так Тристан мог тихо и незаметно обратиться к Ситцевому рыцарю. Тристан утолил его любопытство, рассказав итоги первого состязания. А потом взял меч и вышел на ристалище. Глашатай представил каждого бойца судьям, чтобы они знали, кто под какими цветами бьется. Сквозь прорезь шлема он смотрел на трибуны и, о чудо, увидел свою Ронсенваль. Она сидела в нижнем ряду трибун вместе с той феей, что была с ней и Джорной в их последнюю встречу. Сердце Тристана, очевидно, собиралось пробить и его грудь, и доспехи, так бешено стучало. Он смотрел на Ронсенваль и боялся упускать ее из виду. Словно отвернись он, и фея исчезнет. Но кто-то размашисто толкнул его в бок. «Шевелись! Оглох, что ли?!» Это был Оркелуз. Тристан отошел к шатру вместе с классом. Он все прослушал.

– Гаро, какой я по счету и с кем первым бьюсь? – спросил он.

Тот повернулся к нему вытянутой мордой шлема, сначала поднял свое забрало, а потом и Тристана, предварительно постучав в его шлем, как в закрытую дверь.

– Ты нормальный? Ты чем слушал?

– Прости, я отвлекся.

– Стой, тебе дурно, что ли? – заволновался он.

– Нет, я в порядке. Просто скажи очередность.

– Сначала со мной, потом с Оркелузом, – ответил Гаро. – Мы почти в самом конце, сначала мелкие.

Тристан кивнул и быстро развернулся к трибунам. Ронсенваль не сводила с него глаз. Он понимал, что странно звать ее сюда, к шатру. Она ему не родственница, их уединение выглядеть будет сомнительно. Тристан еще раз обернулся на горстку одоспешенных школяров. Одни уже присели на скамейку или землю, другие разминались, Оркелуз снял шлем. Тристан быстро оценил ситуацию. А потом снова повернулся – быстрее смотреть на Ронсенваль. Понимая, что будет выглядеть странно, он снова опустил забрало.

– Сэр, она здесь, – шепотом ликовал он. – Ронсенваль пришла!

– Я вас поздравляю!

– Что мне делать?

– А что делать?

– Я не помню, могу ли я к ней сам подойти.

– В смысле не помните?

– В смысле по этикету. Не хочу ее опозорить.

– А! А она одна пришла?

– С сопровождением.

– Нам повезло! Тогда пройдите мимо по краю ристалища и поклонитесь ей. А она потом к вам отправит компаньонку.

– Поклониться... Отправит... Я...

И тут Тристану что-то тяжелое прилетело прямо в шлем. Даже Ситцевый рыцарь ухнул от неожиданности. Тристан в спешке поднял забрало. Рядом стоял Оркелуз и, судя по его пустым рукам, он огрел его латной рукавицей.

– Ты с ума сошел? – возмутился Тристан.

– Я-то? Ха! Да это ты тронулся, раз говоришь сам с собой, – громко сказал он.

– Я повторяю правила вслух! Думаешь, я не понимаю, что ты специально меня выводишь? Хочешь подраться, подожди! И часа не пройдет.

Оркелуз, заметив сэра Мерсигера рядом, поднял руки в примирительном жесте и ушел в шатер.

– Если вы ему проиграете... – послышался голос у его уха.

– Плевать на него. Нам действительно не стоит болтать, – сказал себе под нос Тристан.

Он сначала подумал оставить Ситцевого рыцаря в шатре, но с его советами было спокойнее. И потом, кто знает, что еще мог выкинуть

Оркелуз? Тристан дождался конца первого боя и пошел вдоль края ристалища. Он остановился напротив Ронсенваль и, выждав, поклонился. Она, улыбаясь, кивнула в ответ. Тристан вспоминал все, что знал о правилах поведения в таких случаях: большинство из них изживали себя и менялись на протяжении эпох. Как назло, над ними грозной орлицей нависала герцогиня Лоретт со всем насестом дам, уже заметивших мизансцену ниже. И Тристан решил быть смелым.

– Миледи, я сегодня в ваших цветах, – сквозь улыбку отметил он.

Ронсенваль провела рукой вдоль своего жакета и ответила:

– Мне это лестно. А я, как видите, в ваших.

Она действительно надела зеленый жакет, приталенный, с длинными рукавами. Он больше напоминал часть народного костюма – дублета, хранившего свой фасон уже четыре века. На груди расположилась ее ежевика. Но под жакетом было платье насыщенного лавандового цвета, почти что фиолетовое. Струющаяся шифоновая юбка доставала до деревянного настила трибун. На голове примостилась аккуратная фетровая шляпка. Свои длинные волосы она уложила в локоны, которые ниспадали по плечам и ложились на скамью.

– Оба наших цвета вам к лицу. Если вам угодно, носите их вместе всегда, – он продолжал ее разглядывать, хотя сзади завязался бой.

– Хотите сказать, это сочетание сделает вас счастливым? – кокетничала она.

– Безусловно, миледи! Каждый раз, как я буду его наблюдать, – он снова поклонился ей.

Над их головами хоралом щебечущих сплетниц проносились вздохи, смешки и комментарии. Тристан к ним не прислушивался.

– Вы что-то еще хотели, кроме как выразить мне свое почтение? – намекнула ему Ронсенваль.

– Да, миледи. Я решил, что мое счастье может быть безграничным, и пришел просить вашего благословения.

– Я подумаю об этом. А в какой же форме вы хотели его получить?

– В любой, какая может быть прикреплена к моему доспеху.

– Вам не повезло, я сегодня без платка и даже без перчаток, – пожала она плечами.

Тристан не знал, откуда в его невинной до того голове взялась такая непристойная шутка. Он ее, конечно, не озвучил, но тайком взглянул на губы Ронсенваль, полагая, что и ее поцелуй носил бы на себе с большой гордостью.

– Вы так и будете стоять и смотреть? – спросила она, наклонив голову набок.

– Если вы позволите.

– Думаю, вам стоит вернуться в шатер и готовиться.

– Как прикажете, – смиренно согласился Тристан и вновь склонился в поклоне, прежде чем последовать ее совету.

Спину Тристана окатила волна пересудов. Он не знал, хорошо это или плохо – то, что они сейчас разыграли с Ронсенваль, – но единственная дама, чей вердикт был ему важен, надела жакет в цветах Ордена и платья его матери. В шатре он уселся в углу, сложил руки на груди, вытянул ноги и припал боком к дубовой скамье. Тристан надеялся подремать, раз уж больше он ничего не может поделать. Его веки трепетали какое-то время под гнетом сонливости, вызванной духотой и волнением. А потом он все же уснул. В его грезы ворвался Гаро, тормозивший друга за плечо.

– Эй, повеса, вставай! – он приглушенно посмеивался. – Там к тебе какая-то дама.

Слова разбудили Тристана мгновенно, и он резво подскочил с земли. Гаро отпустил вслед какую-то шутку, но Тристан его фиглярство проигнорировал. У входа в шатер стояла фея, сопровождавшая Ронсенваль.

– Привет, Тристан! Она просила тебе передать, – девушка протянула сверток лавандового шифона.

Тристан с благодарностью принял его и развернул ткань. Он быстро догадался, что это был рукав ее платья, расшитый вдоль неброским черным узором, с жемчужной пуговицей на манжете. Он немного оторопел от неожиданности, но еще раз поблагодарил фею и вернулся в шатер. Тристан силился самостоятельно привязать рукав к ронделю [2] на руке. Гаро, хохоча, присел рядом с ним и помог с узлом. Закончив возиться, он хлопнул Тристана по предплечью.

– Что ты гогочешь? – спросил Тристан, хотя и сам, краснея, улыбался. – На себя посмотри.

Он кивнул на желтую ленту на горжете [3] Гаро. Тот лишь отмахнулся.

– Так то сестра повязала. Ты почему *мне* не рассказал? Кто эта девушка? – допытывал он.

– Я расскажу тебе после турнира, – ответил Тристан, хотя только сейчас понял, что не знает, как объяснить окружающим свое поведение и обстоятельства их знакомства.

Как ее представить? Ронсенваль рассказывала, что все дома в Трините или сохранили свои дворянские фамилии, или назывались ими при встрече с людьми. И потому большинство, если и вспоминают о существовании таких семей, думают, что это обнищавшие дворяне, перебравшиеся в захолустье. Ронсенваль говорила: «Если не лгать, а преподносить правду умеренно, то люди сами за тебя придумают самую логичную версию».

Бои младших ребят проходили быстро. На ристалище вышли Гаро с Оркелузом. Тристан сел у шатра, чтобы посмотреть на их сражение. Как и всегда на тренировках, Гаро бил размашисто. Таранил кромкой щита шлем Оркелуза. Тот подныривал и старался бить прицельно в слабые и незащищенные места, например по ногам. Наконец, Гаро зажал его между собой и деревянным барьером и просто наседавал сверху, изредка стуча по его шлему и спине навершием рукояти. Оркелуз сопротивлялся недолго, выронил оружие, поднял руки и присел на одно колено. Капитулировать было не зазорно, особенно если учесть, что бой был не последним. Они с Гаро тренировались вместе часто, и оба знали, чем это закончится. Гаро отошел к барьеру и повис на нем, приподняв забрало. Тристан увидел, что его лицо все покраснело и пышет жаром. Оркелуз сбросил щит, латную перчатку и меч под ноги, затем стянул шлем. Он был тоже красный и мокрый от пота. А еще было заметно, что Гаро знатно ему наступал по голове.

Тристан поднялся, взял меч и щит. Гаро сменил оружие на двуручный меч. Тристан покачал головой и крикнул ему: «Совсем ты меня не любишь». И услышал в ответ: «Люблю, потому это не алебарда». Маршал турнира подал знак начинать бой. Они сошлись и по очереди мягко стукнули друг друга мечами: Тристан – по плечу, Гаро – по зеленому щиту. Так начинались дружеские дуэли, противники показывали друг другу свое оружие и примерные возможности удара. Гаро кивнул. Тристан обходил его по кругу, пока

тот только поворачивался следом и выставлял здоровый меч перед собой.

– Ты тут до вечера танцевать собрался? – громко спросил Гаро.

– Сам начинай. Встал тут со своей оглоблей, – весело подзадоривал его Тристан.

Первый бой давался ему легко. Он смирился с поражением и имел цель только проявить себя достойно в сражении. Когда он обсуждал свою тактику с сэром Мерсигером, наставник заверил его, что в таких мыслях нет ничего постыдного. Напротив, это смело – идти на заведомо проигрышный бой с целью сохранить достоинство. Тристан не стремился нападать первым. Он ждал, когда Гаро раскроется и замешкается со своим тяжелым мечом. Он был силен, но неповоротлив. И Гаро нанес первый удар. Тристан отскочил, и лезвие соскользнуло со щита. А следом он юркнул за спину Гаро и нанес ему целых два удара: в плечо и в бедро. Собственный промах раздражил Гаро, и он ринулся на Тристана, размахивая оружием с большим энтузиазмом. Двуручный меч приземлился на черно-фиолетовый бурлет. Тристану показалось, будто он стоял внутри чугунного колокола, в который ударили что есть мочи. В глазах потемнело, но возмущенный голос Ситцевого рыцаря привел Тристана в чувство: «Господин, мы проигрываем! Прошу вас, защищайте голову!» Но Гаро вошел в раж и бил наотмашь. Щит Тристана уже потерял несколько щепок с лицевой стороны – ему доставалось больше всего. Сам же Тристан отступил на пару шагов, пригнулся, побежал на таран и постарался сократить расстояние. Он влетел в Гаро, но тот лишь слегка отшатнулся и зажал Тристана в стальных объятиях. Они били друг друга то шлемами, то локтями, то коленями, то свободными латными перчатками. И все же Гаро давил весом. Тристан даже перестал наносить ему удары, только постарался принять устойчивую позу, чтобы не просесть под ним. Гаро насторожился, затишье показалось подозрительным, и он громко спросил: «Ты там нормально?» Тристан кивнул и пару раз ударил его стальным кулаком в знак подтверждения. Воспользовавшись перерывом, Тристан опустил ниже, уперев ногу так, чтобы дальше не скользила, и обхватил Гаро за бедра. Он вынуждал его согнуть колени и потерять равновесие. И план сработал. Они оба начали топтаться на месте так, словно стояли не на ристалище, а на палубе корабля, угодившего в

шторм. Удары усилились, каждый отчаянно пытался стряхнуть противника и устоять. И едва Тристан решил снова сделать передышку, как почувствовал, что Гаро тянет его в сторону с небывалой силой. Они вдвоем рухнули на землю. Вдалеке над ними прогремел голос маршала: «Ничья!» Парни так и поднялись, держась друг за друга. Пожали руки и направились к шатру. Тристану дали время перевести дух перед боем с Оркелузом. А тот исподлобья смотрел на соперника, играя желваками.

– Погляди-ка на нашу темную лошадку, – протянул он. – Он тебя чуть не завалил, Гаро. Интересно, откуда силы взялись, когда всю жизнь был дохляком?

– Заткнись хоть на минуту, – бросил ему Гаро и уже спокойно обратился к другу: – Все нормально, Тристан. Это был честный бой, и ты молодец.

– Спасибо! А ты, – Тристан ткнул латным пальцем в Оркелуза. – Еще меня позли, и узнаешь, откуда силы берутся.

– Ты еще и осмелел! Думаешь, я поверю...

– Мне плевать, во что ты поверишь, – прервал его Тристан. – Иди на ристалище и жди меня там. Мне с тобой другие разговоры не нужны.

– На ристалище? Отлично. Я не твой дружок, я тебя жалеть и по спинке гладить не буду!

– Свали уже! – рявкнул Гаро.

Оба проследили за уходящим к маршалу Оркелузом. Гаро осмотрел доспехи Тристана. Проверил ремешки. Тибо заботливо принес им воды и пожелал Тристану удачи.

– Не обращай на него внимания. Он тебя сейчас испугался. А страх сил не придает. Держись так же, как держался со мной, ладно? Молодец, держись, главное.

Время на отдых закончилось. Тристан поднялся и взглянул на Ронсенваль. Увиденное накрыло его пеленой гнева. «Как он смеет?! Эй!» Оркелуз вальяжно стоял у края трибун и вел светскую беседу с Ронсенваль. Тристан подхватил клевец и двинулся к барьеру. Гаро крикнул вслед: «Остынь, дождись команды маршала!» Но отстраненный вид Ронсенваль успокоил Тристана. Было заметно, что Оркелуз донимает ее расспросами, а она отвечает односложно. Тристан вышел на центр ристалища, опустил забрало и кивнул

маршалу. Рыцарь окликнул Оркелуза и указал рукой на арену перед Тристаном. Оркелуз театрально поклонился Ронсенваль и направился к противнику.

Бой завязался мгновенно. Они били друг друга, как жалили: короткими, беспощадными ударами. В руках Оркелуза был меч и длинный дуэльный кинжал. Спустя серию ударов Оркелуз бросил: «Твоя дама такая общительная. Как, ты говоришь, вы познакомились?» Тристан ответил двумя ударами в забрало и в колено. Он старался не думать о Ронсенваль, только о двух клинках, маячащих перед его глазами. Оркелуз орудовал мечом, а когда соперник приближался, резко выносил вперед руку с кинжалом. Так он пару раз ткнул Тристана в подмышку. Последний удар был болезненным, и боль эта отвлекала. Тристан решил воспользоваться своим наблюдением. Когда в очередной раз Оркелуз отбивал удары мечом, Тристан так же сменил сторону, перехватив его запястье свободной рукой. Он занес клевец над вытянутой по инерции рукой с кинжалом и со всего размаху опустил клюв молота на кисть. Оркелуз взвыл. И едва Тристан успел снова занести оружие, как между ними возник маршал и разнял их. Он спросил, готов ли Оркелуз продолжать бой. Тот кивнул, и они снова сошлись.

Теперь Оркелуз был осторожен и не пользовался левой рукой, прижав ее к нагруднику. Тристан предполагал, что это может быть уловкой, и тоже не спешил атаковать. Они бились уже не так яростно. И все же Тристан пропустил удар под колено, отвлекся на него, а тем временем Оркелуз толкнул его плечом. Тристан устоял и вновь схватил Оркелуза, не давая ему работать мечом. Они так и застыли на месте: Оркелуз без возможности наносить удары и Тристан в своем шатком положении. Он не успел встать в удобную стойку. Оркелуз предпринял попытку боднуть Тристана, но тот отодвинулся, хотя жест только ухудшил его положение. Тогда Тристан нанес удар прямо по ушибленной ладони с кинжалом. Оркелуз согнулся от боли. Тристану всегда казалось подобное нечестным. Такой поступок был для него в новинку, но он решил не оценивать сейчас свои моральные качества.

Оркелуз, хрипя, проревел: «Я все про тебя знаю! У меня просто нет доказательств». Тристан вновь ударил его в ладонь перчаткой. Оркелуз завопил: «Я знаю, что ты – больной! Ты говоришь с куклой!» Снова удар. Кинжал съехал вдоль доспеха и упал под ноги. «А теперь

спутался с подозрительной девкой, которую никто не знает!» Он осыпал Оркелуза ударами: в руку, в шлем, в руку, в бедро, в руку, в руку, в руку. Оркелуз выл и оседал. Наконец он вопреки своей воле опустил на колено и простонал: «Хватит! Я сдался!» Тристан навис над ним и потребовал повторить. Оркелуз заревел: «Сдаюсь!!!»

Маршал добежал до них, когда Тристан сделал шаг в сторону и отпустил противника. На истоптанном ристалище Оркелуз сгорбился и баюкал раненую ладонь. Тристан почувствовал странное сожаление: ему было жаль Оркелуза и его, очевидно, сломанное запястье, ему было жаль, что раньше он, Тристан, так не мог, ему было жаль Ронсенваль, которая все это увидела. Он повернулся к ней. Раньше он не представлял, как выглядят лица людей, испытывающих светлую печаль. Взгляд Ронсенваль был скорбным и понимающим, словно они оба похоронили кого-то близкого, того, кто долго умирал от болезни и наконец отмучился. Не знать ее вердикта было невыносимо, и Тристан ринулся к трибунам.

– Ронсенваль! Ронсенваль, прошу, скажи, что все хорошо! – взмолился он, вцепившись в барьер между ними.

Она дважды склонила голову – не то кивок, не то почтительный поклон, не то тяготение усталости.

– Все хорошо.

– Ты не сердишься на меня?

– Нет. Но, возможно, я буду сердиться позже. Сейчас я тобой горжусь. Ты победил. Это ведь хорошо, – она говорила искренне, без колкой иронии.

– Да, наверно, – безропотно подтвердил Тристан.

– В конце концов, все правильно. Незаметное заметили.

Она подняла взгляд на судейскую скамью. Рыцари и гости хлопали в ладоши, будто свершилось нечто замечательное. Лорд Гавел одобрительно кивал. За спиной Тристана послышалось лошадиное ржание. Тристан обернулся. Два рыцаря кружили над Оркелузом, которого успокаивал подоспевший сэр Мерсигер. Кони нервничали, плохо слушались всадников, то замирали, прислушиваясь, то подымались на дыбы.

– Странно, – сказал Тристан. – Обычно турнирные лошади покладисты и воспитанны.

– У них есть причины, – ответила Ронсенваль.

Она встала и подошла к Тристану, он перемахнул через ограждение. Аромат ежевики оказался сильнее всех прочих запахов: коней, металла, травы и пота. Стоять рядом, ничем не разделенными и не прикасаться получалось через силу. Этикет лег между ними мечом, который для соблюдения нравственности по обычаю клали между мужчиной и женщиной, уснувшими на одном ложе.

– Что ты хочешь в качестве награды за победу? – внезапно спросила она.

– Если мне полагается награда, то твое прощение.

– Ты не должен его просить.

– Я обещал выступить плохо.

Кони позади взбунтовались не на шутку. Ронсенваль пожала плечами.

– Тогда мне не жалко для тебя и прощения, и награды.

– Это не к слову о награде, но я бы очень хотел тебя поцеловать, – прошептал Тристан, глядя в ноги.

– Я была бы не против твоего поцелуя. Но боюсь, хуже всего от него будет тебе. Хотя ты мог бы поцеловать мою руку.

– Но ты же сегодня без перчаток, – возразил Тристан и скользнул взглядом по скамье герцогини. – Я бы мог поцеловать твой манжет.

– Не много ли рукавов для одного турнира? – засмеялась Ронсенваль и развеселила Тристана.

– А что же тогда? – спросил он сквозь улыбку.

– Поцелуй мои волосы.

– Волосы? – удивился Тристан.

– Да. Локон. Это ведь не кожа. Насколько мне известно, правила приличия предписывают избегать обнаженных частей тела, – произнесла она.

Концы ее волос доставали почти до колен. Тристан нащупал пряжку у подбородка, медленно расстегнул ремешок и снял шлем. Не сводя с Ронсенваль глаз, он опустил на одно колено, оставил на земле шлем и бережно взял один из ее локонов, лежащих впереди. Тристан припал губами к темным кудрям и замер так, крепко зажмурившись. Ему совсем не хотелось отстраняться. Он вспомнил, сколько еще лет разлуки их ждет впереди. Он отпустил локон так торжественно, как спускают флаги. Взор вспорхнул к лицу Ронсенваль. Не было сомнения, она простила ему все, что случилось сегодня, и все,

что случится с ними в беспощадном будущем. Тристан поднялся. Хорал чинных дам над их головами затянул ораторию, состоящую из вздохов, возмущений и восхищений. Тристан снова подхватил локон с плеч Ронсенваль и, склонившись к ее шее, поцеловал. Он слышал ее сбившееся от волнения дыхание. Оно вместе со слабым ветром опускалось на его влажную щеку. До этого момента они играли в нормы этикета, как дети. Все, что казалось им важным, было на самом деле несущественным. Взрослые надменные люди, склонившиеся над их откровением, могли и творили вещи более фривольные. Но все это было незначительно по сравнению с грядущими тяготами и искренним желанием двух молодых людей касаться друг друга. Честно было признать, что бить врага в уязвимое место – это единственная возможность пережить войну. Честно было признать, что любой приговор суда дам не стоит и самого кроткого касания. Тристан, любуясь лицом Ронсенваль, отступил на два шага. Глядя друг на друга, они осознали, насколько взрослыми и вызывающими были оба этих поцелуя. И что лучше бы Тристан целовал ее неубранную руку, непринужденно болтал, а она жеманно шлепала его по ладони. Лучше бы они все делали так, а не как у них получалось, когда Тристан, не проронив ни единого слова, ушел, унося на спине ласковый взгляд Ронсенваль.

Глава VI

Рыцари и чудовища

В шатре стоял такой гомон, что Тристан не хотел туда входить. Вопреки его желаниям, все должны были явиться к наставнику на классное собрание, когда пешие бои закончатся. Едва Тристан вошел, как на него почти бросился Оркелуз. Его сдержали Гаро и сэр Мерсигер. Младшие ребята притихли и даже вжали головы в горжеты, подобно речным черепахам.

– Довольно! Недостойно после дуэли устраивать драку, – сказал наставник.

– Считаете, у него есть достоинство? – Оркелуз гневно плюнул под ноги Тристана.

Сэр Мерсигер махнул ему рукой. Тристан подошел к блюду с водой и полил на руки из фляги, умылся. В наступившем молчании было слышно, как каждая капля падает в блюдо. Сэр Мерсигер велел классу присесть и слушать его.

– Когда буду оглашать итоги, постройтесь в ряд, как всегда. Доспехи не снимать. Можно выйти без шлемов, но с мечом в руке. Когда лорд Гавел вас поприветствует, просто поклонитесь, – поучал наставник. – По всем ошибкам я уже прошелся. Что еще сказать? Вы хорошо себя показали. А что же до боя Оркелуза и Тристана, то я скажу одно, и это слово будет последним. В любой бой вы вступаете с одной целью – постараться одолеть противника. Вы можете сойтись с неравным бойцом: слабым, раненым, старым или юным. Или даже с женщиной. Вы не должны никого из них жалеть, покуда враг держит оружие. Только он может проявить к себе жалость, вы же – только милосердие. И оно заключается в том, чтобы быть великодушным к тому, кто сдался или пал. Только безоружный человек может просить пощады и защиты, и вы обязаны ему это дать. Другой бы наставник потребовал от повздоривших дуэлянтов, чтобы они пожали друг другу руки, но я не стану вас заставлять поступать так, как вам претит. На этом все. Отдыхайте, а после турнира у вас будет время на душ. Приведете себя в порядок и в форме...

Снаружи шатра стало слишком шумно. Послышались крики толпы, конское ржание и приближающийся звук. Сэр Мерсигер велел оставаться всем в шатре, а сам отправился узнать, что происходит. Одноклассники переговаривались, некоторые норовили взглянуть из-за учительской спины. Шум усиливался. И в его нарастающий поток ворвался звук сирены воздушной тревоги. Все школяры знали ее – пару раз в год в замке проходили учения. Тристан прорвался сквозь столпившихся ребят и даже сэра Мерсигера, попытавшегося его удержать, и ринулся к трибунам. Вокруг царила паника: люди убегали, кто в замок, кто из него. По двору носились кони. Тристан в ужасе осознал, что не может найти Ронсенваль. Толпа носила его от трибун к мосту и обратно и выплюнула у шатра, провисшего оттого, что часть кольев была напрочь вырвана. Кто-то поймал его за шиворот нагрудника и дернул назад. Один из учителей приказал ему немедленно бежать в замок, но Тристан, конечно, сорвался в обратном направлении. «Куда она могла деться? Где скрылась? В замке? Убежала в лес?»

И началось страшное: первая серия снарядов прилетела в стены и северную башню. Камни полетели вниз и сбили нескольких человек с ног. Общая истерия накалилась, а большинство суетившихся в поисках близких людей бросилось наутек. Следующие удары не заставили себя ждать. Тристан понял, что все еще стоит у шатра, который совсем завалился, и схватился за голову. Он упал на колени и начал шарить руками по грубой вощенной ткани.

– Ситцевый рыцарь! Ситцевый рыцарь, где вы?! – взывал перепуганный Тристан. – Ситцевый! Рыцарь!

Но даже если бы его кукла и могла кричать, зажатая между шлемом и подшлемником, он бы его точно не услышал. Тристан лихорадочно шупал предметы в том месте, где он мог его оставить. Людей во дворе стало значительно меньше, отчего Тристан мог не опасаться, что его затопчут. Что-то похожее на шлем попало Тристану под руки. Он принялся загребать ткань шатра. Добравшись до искомого, он обнаружил шлем, но чужой. Откинул юбку шатра и наконец смог найти, что искал. Бомбардировка продолжалась, и осколки одного снаряда разлетелись совсем близко. Тристан резко присел и закрыл голову руками. Мужчина неподалеку упал замертво. Тристан понял, что вокруг остались только солдаты и рыцари-пальеры.

Он поспешно натянул шлем и побежал в замок. Только у лестницы он присел на пол и отдышался. Коридор был забит людьми. Крики поднимались до самых сводов и, отраженные, падали обратно. Стены замка периодически сотрясались от новых попаданий по ним. Ситцевый рыцарь все это время взывал к Тристану.

– Не снимайте шлем, господин! Спасибо, что вернулись за мной! Спасибо, что не бросили! – причитал он.

– Прости, что оставил тебя. Я хотел найти Ронсенваль. А теперь понятия не имею, куда она убежала.

– Найдите герцогиню Лоретт, – посоветовал он. – Может, феи ушли вместе с другими дамами.

Глубоко вздохнув, Тристан поднялся на ноги и направился вглубь коридора. У первого попавшегося рыцаря он спросил, куда отвели женщин с трибун, в частности герцогиню. Тот указал рукой в сторону подвалов. Недолго думая, Тристан спустился вниз. Большинство леди действительно были здесь. Женщины, растерянные и охваченные страхом, не понимали, как могло произойти то варварство, что сейчас обрушилось на Пальер-де-Клев. Никто не ждал налета, никто к атаке не готовился. Далекая война, заключенная в оговоренных границах, изверглась, как вулкан, и растеклась раскаленной лавиной по миру. И первый плевок лавы прилетел в Пальеру. Возможно, Тристан был бы так же сбит с толку, если бы не встретил несколько недель назад Джорну. Присутствующие окружили герцогиню Лоретт и леди Гавел. Обе они держались спокойно и утешали окружающих, заверяя, что скоро все закончится, что стены Пальеры крепки и что их обязательно защитят. Две стойкие, непоколебимые дамы сумели успокоить даже плачущих детей. Тристан гремел и в свете ламп сиял доспехом, потому скоро приковал к себе внимание. Разговоры стали тише, только стены иногда грохотали, роняя древнюю пыль на растрепавшиеся волосы и разномастные шляпки. Он неловко поклонился и обратился к герцогине:

– Простите, ваша милость, я здесь, потому что ищу одну девушку.

– Я знаю, кого вы ищете, – ответила герцогиня. – Ее здесь нет. Я не видела ее с турнира. Но вот...

Она указала рукой на рвущуюся к Тристану спутницу Ронсенваль.

– Хорошо, что ты пришел, – фея плакала и цеплялась за латы Тристана. – Она пропала, как только мы добежали до ворот. Побежала

за тобой. Пожалуйста, найди ее! Ей нельзя умирать от человеческого оружия!

– Почему нельзя?.. В смысле только от оружия? – переспросил Тристан, но тут же запнулся. Женщины внимательно слушали их разговор. – Хорошо, я понял. Я найду ее. Куда она могла пойти? Во дворе никого не осталось, когда я уходил в замок.

– Не представляю! – зарыдала фея, прижав ладонь к губам.

Ее била крупная дрожь. Напугана ли она? Безусловно, больше прочих. Для жителей Трините, не бродивших в детстве между рядами танков, самолетов и машин на выставках военной техники, в небе сейчас носились крылатые чудища. Они издавали неизвестный турбинный рев и извергали из пасти тротилловые комья огня. Если Ронсенваль, поборов страх, бросилась искать Тристана, значит, прикинул он, может статья, Ронсенваль вернулась к шатру. А раз там и в замке ее не оказалось, вероятно, она спряталась в укрытии, более ей знакомом. Тристан быстро поблагодарил дам за помощь и направился обратно в коридор, противу человеческому потоку, стекающему вниз. В холле людей заметно поубавилось: наверняка многие уже прошли дальше под покров Пальеры. Только один ветеран вразвалку, но торопливо спускался по лестнице к выходу, размахивая мечом. Тристан секунду сомневался, а потом выругался и развернулся к старому рыцарю.

– Прошу вас, сэръ, вернитесь в замок и идите в подвал, – взмолился Тристан и постарался развернуть седую горячую голову в указанном направлении. – Вам нельзя наружу!

– Нет! Где это видано, чтобы пальер отсиживался с женщинами за стенами?! Этому не бывать! – браво сообщил он и постарался поднять меч, но жест оказался ему не под силу.

Только вблизи Тристан разглядел, насколько дряхлый старик стоит перед ним. Даже его левая рука, свободная от меча, тряслась в безудержном треморе. На правой плашке парадного кителя поблескивали всего три награды, сомкнутые в плотный ряд, – ордена высшей степени. Тристану стало безумно его жаль.

– Куда вы с мечом на авиацию? – уговаривал он ветерана. – Вы ничем не можете помочь.

– Не учите меня, юноша! С дороги! – он, как мог, оттолкнул Тристана в сторону и засеменил к массивным дверям, вскинув меч так

высоко, как только мог. То есть едва приподняв над землей.

Тристан взглянул на это скорбное зрелище последний раз и свернул к внутреннему двору.

– Как вы будете ее искать? – спросил Ситцевый рыцарь.

– Никак, – ответил он. – Она сама вскоре меня найдет, ведь это ее дар.

Тристан бродил по коридору первого этажа, выкрикивая имя, прикипевшее к его губам. Он вышел в галерею и направился вдоль нее, наблюдая, как во внутренний двор падают куски укреплений и кубарем катятся, сталкиваясь друг с другом. Столбы пыли, поднявшиеся от падения бойницы на западную стену, встали плотной непроглядной завесой. В округе не было ни одного дружественного истребителя. Да и откуда бы ему было здесь взяться? Рыцари и те военные, что прибыли на турнир, оборонялись устаревшей зенитной пушкой, двумя пулеметами, выкаченными во двор из музея, и, смешно сказать, винтовками. Судя по недолгому, но яростному ликованию, один вражеский штурмовик все же удалось уничтожить. Тристан дождался, когда стихнут эти крики, а бомбардировщики пойдут на разворот, и снова позвал Ронсенваль. И она отозвалась. В другом конце полуразрушенной галереи, в арке стояла растрепанная Ронсенваль. Тристан бросился к ней напрямик через двор.

Все произошло слишком быстро: взрывная волна окатила двор изнутри, Тристан упал ничком на брусчатку. В ушах звенело, пыль и гарь раздирали горло и легкие. Конечности не слушались, доспехи пригвоздили Тристана к земле. Он кричал ее имя и не слышал своего голоса. Первым сквозь звон, протянувшийся в его голове, пробился Ситцевый рыцарь. «Вставайте! Вам нужно встать! Поднимайтесь, Тристан!» Он поднялся, опираясь на основание колонны, – единственное, что от нее осталось, и едва устоял на ногах. Вокруг все полыхало, лежали трупы рыцарей. Взгляд, рассеянный и шальной, задевал последствия взрыва и искал Ронсенваль. Пейзаж превратился в изображение упадка. Глаза шарили по окружившему его кошмару, но не находили арку, не видели своды галереи, потому что ничего этого больше не существовало. Цепляясь за воздух и остатки перил, Тристан добрался до места, где до падения бомбы стояла Ронсенваль. Площадка у арки тоже была полностью разрушена, как и небольшой

мостик через ров. Тристан увидел, что на дне рва, в зарослях терна, едва шевелится фиолетовый цветок с обтрепанными лепестками.

– Ронсенваль! Я иду, Ронсенваль! – он съехал вниз и расчистил перед собой терновые ветки.

Тристан добрался до нее и подхватил под руки. Он вытащил Ронсенваль из терновника и осмотрел. Она была вся чумазая от грязи и копоти, на лице и руках виднелись царапины от шипов. Тристан выдохнул: ничего серьезного, обошлось без ранений. Но Ронсенваль безвольно лежала в его объятиях и хватала ртом воздух. Тристан понял, что она пытается что-то сказать, и стащил с себя шлем.

– Ронсенваль, я не слышу, – сказал он, отбросив с ее лица прядь волос, возможно, ту, что совсем недавно касался губами.

Он наклонился и прислушался.

– В долину... Нужно в холмы, – бормотала Ронсенваль.

– Зачем в долину? Мы переждем здесь. Идти опасно, – говорил он.

Зубами Тристан стянул с руки перчатку, ту, что была без лат, и подхватил Ронсенваль под голову.

– Пожалуйста, отведи в холмы. Пожалуйста...

– Ш-ш-ш, Ронсенваль, все закончится, скоро закончится, – Тристан осекся, когда заметил на своей руке кровь. Незаметная на каштановых волосах феи, она окрасила всю его ладонь в багровый цвет. – Нет, нет, нет! Ронсенваль, подожди, покажи мне голову...

Он оторопел, когда увидел, что ее зеленый жакет на спине окрасился в бурый цвет. Он поверить не мог, что сразу не заметил, как много крови она потеряла. Ужас и отчаяние захлестнули Тристана. Он сглотнул ком подкатившей к горлу истерики, не позволив себе поддаться чувствам.

– Только не ты! Ронсенваль, что мне сделать? Как помочь? – просил он, вытаскивая подшлемник и зажимая им осколочное ранение на ее затылке.

– В холмы! – выдохнула Ронсенваль.

Тристан, не глядя, сцапал Ситцевого рыцаря, заправив его под нагрудник, и обхватил Ронсенваль. Он попытался взять ее на руки, но, ослабевший, контуженный, одетый в доспехи, чуть не упал вместе с ней. Он поспешно, но осторожно выбрался с ней со дна рва и добрел в обнимку до указателя на деревню. Неподалеку нашлась телега,

нагруженная сеном. Он выбросил часть мешков и уложил Ронсенваль поверх оставшихся. Ситцевый рыцарь прыгнул рядом и пообещал, что будет присматривать за феей, чтобы Тристан не останавливался. Так они дошли до леса. Тристан повернулся посмотреть, как она. Ронсенваль была бледнее снега. Мешковина под ее головой из-за крови сливалась с волосами. Тристан старался гнать пугающие мысли прочь. Ах, если бы он пожадничал и взял себе хотя бы кусочек струпки, он бы спас ее. Но где сейчас искать редчайшее лекарство в пылающем замке или посреди дня у озера? Но в Трините наверняка найдутся корни. Спасение лежало в сутках пути. А он не знал, как быстро доставить ее к холмам.

– Тристан Трувер! – послышалось из чащи.

Он обернулся и увидел перед собой истукана. Рошан исполинскими шагами преодолел расстояние между ними.

– Прошу, Рошан, быстрее! Отнесите ее в Трините! – вместо приветствия просил Тристан.

– Я затем и пришел, – сказал он и осторожно взял на руки Ронсенваль. – А ты за нами поспеешь? Я буду идти быстро. Феи, хоть и живучи, но от рук людей умирают скоро.

– Торопитесь, как можете! Я пойду следом, – заверил Тристан и уже трепетнее обратился к фее: – Ронсенваль, держись. Скоро будешь дома. Я иду за вами.

Она покачала головой. Слезы непроизвольно полились по щекам Тристана.

– Нет, я пойду. Обещаю, если мы это переживем, я останусь с тобой в Трините. Я даю тебе слово и не нарушу его. Только не умирай! – умолял Тристан.

– Нужно идти, – поторопил Рошан.

Тристан согласился и отпустил Ронсенваль. Он достал из-за пазухи Ситцевого рыцаря и посадил его на предплечье Рошана, но кукла перебралась под голову Ронсенваль и заткнула собой ее рану. Рошан двинулся в путь через чащу. Его шаг был медленным, но широким. И Тристан отстал от них в скором времени. Он тоже срезал путь и шел не тропами, а лесом, без единого привала, по дороге стянув с себя поножи и наплечники. Он шел оставшийся день и всю ночь и не понимал, как его тело выдерживает это, почему не просит воды, еды и отдыха. Наутро он поднялся в долину. Солнце уже взошло над нею.

При свете Тристан легко нашел следы Рошана и брел по ним. И вот он очутился на *их* лугу. Следы оборвались. У входа в Трините никого не было.

– Господин! – позвал знакомый голос.

Внизу в высокой траве Тристан разглядел Ситцевого рыцаря, с ног до головы пропитавшегося кровью.

– Идите за мной, – устало попросил он и, развернувшись, стал подниматься на холм.

Долго хранить молчание у Тристана не получилось.

– Где она? Она жива? Скажите мне, это невыносимо! – требовал он.

Но окровавленная кукла шла в безмолвии, словно бы Ситцевый Рыцарь вовсе утратил способность говорить. На холме они остановились.

– Где она? Почему вы молчите?

– Здесь, – произнес Ситцевый рыцарь и указал рукой на вытопанную скромную поляну.

Тристан ахнул. То, что он сначала принял за кровь, оказалось ягодами ежевики, рассыпанными вокруг единственного молодого куста. Возле него лежала ее брошь. Тристан замотал головой и заморгал, роняя слезы.

– Нет, я вам не верю, – шептал он, почти пропавшим голосом. – Она в Трините? Где Ронсенваль?!

– Простите, господин. Не уберег.

Упав на четвереньки, Тристан подполз к кусту. Он водил вокруг него руками, словно колдовал, но так и боялся прикоснуться. Пальцы сами потянулись к броши в траве. Тристан поднял украшение и в то же мгновение величайшая реликвия, которой он собирался поклоняться до конца своих дней, рассыпалась прахом. Горе обрушилось на Тристана, и он завыл нечеловеческим голосом. Уткнувшись лицом в землю, он кричал. Но даже приглушенный вопль мог растерзать душу любого, кто бы его услышал. Изредка Тристан поднимал взгляд на куст ежевики и пытался ему что-то сказать, но слова замирали на его губах произвольными возгласами. Тристан и дотронуться до него не мог. Россыпь ягод насмешливо пружинила, темная и гладкая, как ее локоны. Юная зеленая листва грациозно вытанцовывала на лугу: «А я, как видите, в ваших». Воспоминание вчерашнего, такого далекого дня

добило Тристана окончательно. Внезапная тень накрыла его. Над плачущим Тристаном возвышалась Джорна. Она неподвижно смотрела на его терзания. Тристан поднялся на колени и вскинул к ней лицо.

– Прошу, скажите, что это неправда, что она жива.

– Вот правда, Тристан, – Джорна беспощадно указала ладонью на молодой куст. Его зеленые листья колыхал легкий ветер.

– Нет, это неправда, я вам не верю, – твердил Тристан, он заметил, что неосознанно сжимает шершавый подол черного платья. – Она в Трините, вы ее спасли. Вы не могли ее не спасти. Она дома, а вы просто не хотите, чтобы я знал.

Джорна отрицательно качала головой.

– Ответьте честно, – обратился к ней Тристан. – Она жива, поправляется в Трините? Просто ответьте, и я никогда больше к ней не приближусь. Я оставлю ее навсегда, но хочу знать, что она жива.

– Нет. Не веришь мне, спроси своего слугу.

– Свидетельствую, господин. Ронсенваль мертва, – подтвердил Ситцевый рыцарь.

И тогда Тристан зашелся новыми рыданиями. Джорна постояла над ним еще какое-то время, а потом развернулась и пошла прочь. Но Тристан бросил ей вслед обвинения:

– Вы же провидица! Почему вы ее отпустили? Вы должны были ее защитить!

Черные одежды и кружевная вуаль на ее голове всколыхнулись, когда Джорна повернулась к нему.

– А я все видела и все ей говорила. В ночь, когда я поставила тебя перед выбором, я раскрыла ей, что ничтожных капель достаточно, чтобы магия Ворклого озера сработала. И что, не останься ты в Трините, она погибнет скоро и ужасно. И она приняла решение выбрать тебя и пойти на проклятый турнир, когда уже знала, что ты ее погубишь.

– Почему? – одними губами произнес Тристан.

– Потому что каждая фея стремится исполнить свое предназначение. Она должна была найти то, что ото всех спрятано, и привести тебя к истине. Ты должен послужить обещанному королю и потому не можешь отказаться от той судьбы. Это все нам неподвластно. Но ненавижу ли я оттого тебя меньше? Нет, не меньше.

Монументальная мраморная маска в раме серебристых волос надтреснула. Ее суровое лицо тронуло мимолетное чувство, заставив тонкую старческую губу дернуться.

– Вы ей солгали, – вырвалось из Тристана, хотя он совсем не хотел спорить над могилой Ронсенваль. – Вы лгали про озеро, поэтому она верила в свои чувства ко мне.

– Все феи лгут, Тристан. Это в нашей природе.

– Она всегда была честна со мной! – горячо возразил он.

Джорна устало засмеялась, а потом мгновенно сделалась серьезной. Эта резкая перемена больно резанула по сердцу Тристана. Ронсенваль иногда делала так же.

– На нас давно не действуют древние ритуалы. Приманить фею на мед... Она приходила на озеро каждый день после вашей первой встречи и ждала твоего появления. Это не ты был охотником, Тристан.

Он шумно выдохнул и посмотрел на свои сапоги. А когда Джорна почти ушла, Тристан снова ее окликнул:

– Куда попадают феи после смерти?

Провидица вновь обернулась к нему и пожала плечами.

– Не знаю. Я еще ни разу не умирала, – после этих слов Джона сделала еще два шага и испарилась.

А Тристан долго стоял на лугу. Потом он молча подобрал Ситцевого рыцаря и поплелся обратно. Мальчик с разбитым сердцем шел в разрушенный замок.

Он не помнил, когда провалился в беспамятство, но очнулся уже в чистой постели временного госпиталя. Рядом лежали тяжело раненные, с ожогами по всему телу, потерявшие конечности, перебинтованные, как мумии, люди. Тристан осмотрел себя: он был цел снаружи. И все же по телу разливалась мертвецкая апатия. Потеря незримой, но важной части Тристана сделала его таким же калекой, неспособным самому подать себе воды. Он бы не пил, не ел и даже не посещал уборную, если бы заботливые медики не напоминали ему о необходимости всех дел из списка. За несколько дней к нему пустили только сэра Мерсигера. Он рассказал безучастному Тристану, что его нашли в лесу, совсем неподалеку от развилки, что у него контузия и шок, что друзья ждут его и желают поправиться. Но Тристан монотонно отвечал: «Да, сэр». Он смотрел стеклянными глазами в неполноценный потолок.

– Бедные вы ребята. Я же все понимаю, – соболезнование в интонациях сэра Мерсигера было целебным. Тристан знал, что наставник – ветеран Последней войны, прошедший ее в возрасте таком же раннем. – Но ты, Тристан, если у тебя есть здесь что-то важное, ты это отыщи. А потом зацепись за это крепко. По тому и выкарабкаешься.

Он похлопал его по лодыжке, накрытой белой простыней, и собрался уходить. Но впервые за все эти дни Тристан произнес больше, чем односложное согласие или отказ:

– Сэр, если я попрошу вас отыскать две самые важные для меня вещи, что наверняка были при мне, вы поможете?

Учитель моментально вернулся к койке. Застырянное постельное белье и восковая кожа Тристана сливались воедино. Сэр Мерсигер участливо сжал его слабую руку:

– Конечно, Тристан. Скажи, что это за вещи?

– Моя кукла – та, что вы для меня смастерили. Только она вся в крови. Ее могли принять за тряпки. Но она – самая ценная вещь, что у меня была. И есть еще одна, не менее дорогая. Это рукав.

– Прости? Какой рукав?

– Рукав женского платья цвета лаванды. Он был привязан к моему доспеху. Я мог обронить его в лесу или замке... Если так, я не успокоюсь, пока его не найду!

Сэр Мерсигер заверил, что сделает все возможное, чтобы вернуть потери. Он не появлялся три дня. На выписку Тристана пришел встречать Гаро. Он многое поведал: о том, что учеников разместили в наполовину уцелевшем крыле, рядом с госпиталями, что по официальным подсчетам погибли триста двадцать семь человек, что лорд Гавел советовал провести акколаду обязательно в Пальер-де-Клев в конце весны, что сэр Мерсигер просил Тристану кое-что передать. Гаро вывел Тристана во двор, и оба замерли в оцепенении. От величественной крепости пальеров остались одни руины. Поверх двух потрепанных штандартов у бывших главных ворот висели черные знамена. Скорбь накрыла пепелище куполом траура. Впервые за дни после бомбардировки Тристан ощутил хоть что-то: защемило сердце. Они взобрались на разрушенную стену и, свесив ноги, принялись за завтрак. Гаро принес две порции, и кто бы мог подумать, что им разрешат принимать пищу вне трапезной. Может, дело было в том, что

трапезной больше не существовало. Еще Гаро протянул Тристану сверток. В нем лежал рукав. Ее рукав – целый и немного испачканный с той стороны, что не была запрягана внутрь банта. Тристан отложил еду и выдохнул. Он благоговейно смотрел на кусок ткани, а Гаро не нарушал таинство момента. Наконец, Тристан выговорил:

– Спасибо. А он не говорил ничего о кукле?

– Говорил, – поежился Гаро. – Сказал, так и не нашлась. Он все обыскал: и в лесу, и в замке, и даже допытывал медиков, которые тебя раздевали. Может, как ты говоришь, приняли за тряпку и выкинули.

Они молчали еще. Неоговоренные минуты почтения памяти.

– Знаешь, я лежал и думал: если бы так случилось, что мне пришлось выбирать: или кукла – ее, кстати, звали Ситцевым рыцарем, или рукав, что бы я выбрал? От скуки думал. Мы же не можем иметь больше одной личной вещи.

– И что ты выбрал?

– Рукав. Я выбрал рукав, – в подтверждение своих слов он потряс рукой, в которой зажимал лавандовый шифон.

– Ты расскажешь мне, кто она? Та девушка с турнира? – он спросил опасливо, не зная, подбодрит его вопрос или расстроит.

– Ну... Да, расскажу, Гаро, – Тристан сначала задумался, а потом горько усмехнулся. – Это фея по имени Ронсенваль, которую я встретил у озера и, как я думал, приманил на мед с помощью волшебного ритуала, подсказанного моей куклой. Она жила в невидимом замке в холмах. И я принес ей клятву верности на деревянном мече. И она погибла, потому что любила меня, и на ее могиле... Вместо ее могилы вырос куст ежевики.

В конце своей серьезной тирады Тристан вздохнул, словно произносил ее на одном дыхании. Гаро недоверчиво смотрел на него, решая, шутка это или последствие контузии.

– Да ну тебя! – толкнул он его локтем в бок. – Не хочешь говорить, так и скажи. А то ведешь себя, как паяц.

– Как пожелаешь, – согласился Тристан, словно ему было все равно.

Пальер-де-Клев исторгал оставшихся рыцарей, Трините отказался от Трувера. Тристану некуда было идти, кроме как вперед. На акколаду приехал весь цвет военной аристократии. День турнира стал истинным экзаменом мужества для всех, кто был в замке. Начало войны

уничтожило последний оплот традиции. Акколада больше походила на похороны монарха. Едва толпа склонялась перед покойником, как тут же разворачивалась, чтобы поклониться королю новому и живому. Присягу пришлось приносить в разбомбленной церемониальной зале под открытым небом. Первые звезды заменили люстры под каменными сводами. Послушники стояли в одних рубашках, достающих им до пят, и ночной ветер трепал их полы. Магистры Ордена – их было семеро – торжественно вынесли уцелевшие реликвии. Аграль пережил налет и приготовился опуститься на плечи новых пальеров.

– Первый послушник Тристан Трувер, шаг вперед, – произнес магистр.

Тристан шагнул.

– Готовы принести присягу Ордену пальеров?

– Готов.

– Есть причины, которые могут этому помешать?

– Таких нет.

– Приступайте, – велел магистр.

Под радетьельными взглядами свидетелей Тристан приблизился к первому магистру и испил из медной, ничем не примечательной чаши. Память болью отозвалась, когда содержимое напомнило ему о водах Ворклого озера, но, конечно, в чаше были не они. Тристан поклонился и поблагодарил за кров и еду. У второго магистра он принял пощечину, поклонился и поблагодарил за науку о смирении. Третий магистр поднес серебряные ножницы ко лбу Тристана и срезал пучок волос с его челки. Тристан выразил благодарность за то, что ему есть куда отнести все лишнее и сохранить аскезу. Дойдя до магистра с Агралем в руках, Тристан опустил ся ниц на гранитные плиты. Несколько минут над ним читали наставления о храбрости, верности, тяге к изучению нового, братстве и скромности.

– На колени!

Тристан повиновался. Аграль опустил ся на его правое плечо.

– Нарекаю тебя, Тристан Трувер, рыцарем Ордена пальеров.

Аграль коснулся левого плеча.

– Поднявшись, более не смей преклонять оба колена.

Аграль на правом плече.

– Встань, сэр Трувер, рыцарь-пальер!

Тристан поднялся во весь рост. Пятый рыцарь дал ему толстый фолиант – историю Ордена. Шестой – первый личный меч. Холодный металл вернул Тристану еще одно мучительное воспоминание. Сталь, сменившая дерево, была намного весомее, ее было тяжелее нести. Очевидная мысль разбередила рану Тристана еще глубже. У последнего магистра Тристан забрал стопку сложенной одежды с длинными штанами и рыцарским кителем. Аплодисменты окутали Тристана, когда он шагнул сквозь ряды скамей.

Он вернулся в залу уже в форме и с мечом на поясе. Ножны непривычно били его при ходьбе. Сэр Мерсигер по-отечески обнял Тристана и передал, что с ним желал говорить лорд Гавел. Министр предпочел провести аудиенцию наедине.

– Как вы себя чувствуете, сэр Трувер? Говорят, вы получили ранение, – учтиво поинтересовался лорд Гавел.

– Прошу вас, сэр, просто Тристан, – он испытывал неловкость от такого взрослого к себе обращения. – Я был контужен. Спасибо, мне уже намного лучше.

– Чудно, чудно. Я заметил, ты повязал ткань, – лорд Гавел указал на предплечье Тристана. – Это какой-то знак?

Пальцы Тристана непроизвольно сжали шифон лавандового цвета.

– Это дань памяти.

– Я понимаю. Насколько я в курсе, в Ордене вам дозволено носить не больше двух элементов, не являющихся знаками отличия. Только на фронте с этим могут возникнуть проблемы. В армии запрещены все неуставные атрибуты.

Шифоновая повязка грела и успокаивала. Тристан грустно подтвердил, что осведомлен о запрете.

– Я вижу, для тебя это важно. Я подпишу личное разрешение на эту нарукавную повязку, – пообещал министр.

– Благодарю, сэр. Чем я обязан такой заботе?

– Ты не обязан мне, Тристан, но я был бы рад, если бы мог уговорить тебя на службу.

– Вам, лорд Гавел? – удивился Тристан.

– Не совсем. Моему сыну нужен товарищ. Вы почти ровесники. Совсем скоро он тоже закончит учебу и отправится на фронт. Я бы хотел, чтобы он шел по этому пути не один, – объяснил министр.

– Ваш сын?

– Его зовут Илия, – ответил лорд Гавел, и Тристан подметил, как при упоминании о мальчике лица министра коснулась теплая улыбка. – Я присматривался, изучал ваши журналы. Думаю, первый рыцарь из выпуска – хороший выбор. И потом, ты мне понравился, Тристан. Ты скромный и не жадный, как подобает пальеру. Уверен в себе, но не стремишься затмить других. Еще я знаю, что ты сирота. Буду рад принять тебя в нашем доме и опекать, пока ты не станешь совершеннолетним.

– Предложение восхитительное, сэр, правда.

– Звучит так, будто следом я услышу отказ, – подметил министр.

– Я бы хотел, сэр. Но я не могу принести сейчас еще одну присягу.

– Я не требую присяги, Тристан. Было бы бестактно и неразумно с моей стороны. И я тем более в тебе уверился, когда ты отказался дать ее первому предложенному парню, пусть и сыну министра. Я уезжаю завтра, но у тебя будет время подумать.

– Не нужно, сэр, – твердо сказал Тристан. – Недавние события научили меня, что такие предложения нужно принимать или отклонять сразу же. И я ваше приму.

Лорд Гавел довольно улыбнулся и протянул Тристану руку. Две белых перчатки сошлись в крепком рукопожатии. В воздухе закружились запахи трав и ночи. И еще отчетливый аромат ежевики. Тристан был счастлив получить ее одобрение.

Эпилог

В траншеях творилось настоящее месиво из земли, людей и беспросветного дождя. Сложно было сказать, где заканчиваются земля и плоть и начинаются вода и небо. Залпы орудий, спущенные вслепую, летели цепными собаками в сторону врага. Тристан припал щекой к винтовке, нажал на спусковой крючок и обернулся к соседу по окопу. Старший лейтенант выругался и закричал:

– Это бесполезно, Тристан, надо поднимать полк в атаку!

Тристан кивнул и пошел на другой край траншеи, расшевеливая по ходу дела бойцов, почти приросших к оружию. Сам Тристан уперся рукой в окопную стену и опустил лоб на кулак. Вслушивался. Крики и звуки выстрелов утопали в ливне. Послышался протяжный свист. Тристан прошептал несколько слов себе в ладонь, поцеловал два пальца и коснулся ими нарукавной повязки под шинелью. Свисток прозвучал второй раз. К Тристану стали обращаться лица, синие губы продрогших солдат что-то вопрошали. В ответ Тристан только взглянул из-под локтя и кивнул. Позиции стихли перед бурей. Третий свист.

– В атаку! – скомандовал Тристан, оттолкнувшись от стены. – Живо, живо, живо! Всем в атаку!

Ему приходилось выталкивать бойцов взащей из окопов. Отправив в бой треть людей, он выбрался сам и стал уже вытягивать за руки и за шиворот остальных. Он был безмерно благодарен тем, кто шел в бой без его пинков. Привычка придавала ему сил. Когда он делал это впервые, старался не думать, что большинство солдат старше его и даже годятся Тристану в отцы. Сражение завязалось почти посередине поля. В прошлый раз Тристан был здесь, когда менял пленных. Он понял это по растяжкам с белыми тряпками под ногами. Сапоги увязали в грязи, скользили, и неуклюжесть пару раз спасла Тристану жизнь. Когда дождь превратился в тугой туман, а битва улеглась на землю непогребенными телами, Тристан шел между ними, отыскивая своих. Сегодня они победили. Он постоянно озирался, но не находил своего лейтенанта.

– Илия! – иногда звал он, когда видел, что в грязи кто-то шевелился.

С позиций прибежал солдат и доложил, что старшего лейтенанта Гавела нет и там.

– Илия! – крикнул Тристан.

В это мгновение невидимая сила словно бы схватила его за рукав шинели и потащила за собой. Через несколько шагов нашелся Илия. Он практически слился со всем тем, что было перековашено на земле. Тристан подозвал бойца, и они вдвоем дотащили командира до блиндажа. Санитар вышел к Тристану через десять минут и сказал, что лейтенант уже очнулся. Оглушение, даже не контузия. Тристан облегченно вздохнул и, склонившись, вошел в блиндаж.

– Раз я здесь, значит, победа? – с порога спросил его Илия.

– Значит, победа.

– Хорошо, – Илия отвернулся и закрыл глаза.

– Не делай так больше.

– Как?

– Не несись первым. Я нашел тебя под грудой тел. Ты так однажды на дружеский огонь нарвешься.

– Разве обещанный спаситель не должен быть героем? – саркастично поинтересовался Илия.

– Обещанный спаситель должен быть живым. Это вообще самое главное условие.

Они оба тихо посмеивались. Тристан присел на свободную койку.

– Когда я стану королем, ты перестанешь меня поучать, – пообещал Илия.

– Перестану обязательно, – согласился Тристан.

Илия бросил в него железной кружкой.

– Это что за помой? – завопил Тристан.

– Твой чай. Ой, прости, я испачкал твой новый китель.

– Чего тебе так весело? – спросил Тристан, отряхиваясь.

– Я жив и ужасно этим доволен. Ты как меня нашел?

– Феи привели, – ухмыльнулся он и стер комья земли с пальерской нашивки.

Илия хохотнул и что-то пробурчал под нос. Тристан знал, что каждое его слово о феях все расценивают как шутку. Но рыцарь обязан быть честным со своим сюзереном, даже если тот не воспринимает его

слова всерьез. Подобрал более-менее сухое одеяло, Тристан накрыл Илию и вышел наружу. Пейзаж напоминал ему кадры кинофильма. Туман, грязь и камуфляж делали мир вокруг блеклым, почти нецветным. Тристан скинул шинель с плеча и взглянул на лавандовую повязку. Она не увядала и не теряла своего цвета с того самого дня, как Гаро отдал ее. Словно режиссер фильма решил, что цвет так важен, и нарисовал краской черту на руке Тристана прямо поверх киноленты. Тристан прошептал «спасибо» и скрыл единственный проблеск мирной жизни под грубый войлок шинели. Он больше никому не рассказывал о ней, словно боялся спугнуть светлую память, связывающую их. И если кто-то читал ностальгию в его лице и спрашивал, о чем тот задумался, Тристан отвечал, что вспоминает о доме, который потерял, о друге, который ушел, и о самом прекрасном, что видел в жизни, – о ежевике в долине.

Книга II

Король под горой

Пролог

Такова была неокрепшая весна на севере Эскалота: на смену снегам пришли нескончаемые дожди. Мир размывало, как неудавшийся акварельный рисунок. Цвета смешивались, превращались в застиранный, невнятный оттенок – то ли бурый, то ли серый, то ли хаки. Траншеи были забиты людьми, ящиками, мешками, вещами. Командиры требовали соблюдения порядка, но дожди шли уже вторую неделю. Изнуренные солдаты чинили окопы, копали канавы и черпали воду.

Юноша, слишком молодой для звания старшего лейтенанта, шел по траншеям. Вода падала с неба и пробиралась всюду: в волосы и уши, в ткань шинели и под нее, на сапоги и в сапоги, в кружку с остывшим опротивевшим чаем, в скользкую вязкую землю и в мораль продрогшего 12-го пехотного полка армии Его Величества. Казалось, будто ливень шел во всем мире, и он все вокруг делал тяжелее: и шинель, и сапоги, и любую задачу, и жизнь. Приказов было меньше, чем требовалось для того, чтобы согреться. Безделье хуже тяжелой работы, особенно когда некуда деться от воды и приютиться. Спать долго было невозможно.

Лейтенант старался не всматриваться в лица: они сейчас все были похожи между собой больше, чем положено иметь сходство мужчинам одной нации. Веки опухшие, вывесившие под собой отеки, словно белые флаги слабости, малиновые пятна на шмыгающих носах, трясущиеся потрескавшиеся губы. За маской бездействия и усталости не удавалось различить ничьих эмоций, так изъяны обезличили парней в единообразной мокрой форме. Глаза у многих слезились. Слишком много воды, стылого воздуха, густых темных туч. Вечный ненастный вечер. Офицеры сновали туда-сюда вдоль недостроенной сапы – видимость деятельности, возможность размяться и обязанность. Первые дни затишья солдаты нет-нет суетились, если не из энтузиазма, то от волнующей непривычной тишины. Мир все еще издавал звуки, но после умолкнувших артобстрелов он словно бы онемел. Все в окопах стали говорить тише, будто вражеские шпионы могли подслушать их шутки и рассказы о доме. О доме сейчас важнее всего

было не думать, иначе глаза начинали слезиться еще сильнее. Рассказы о доме и шутки. Очень тупые шутки, – как думал о них когда-то старший лейтенант. Они раньше казались ему не смешными, и поначалу он улыбался из вежливости. А потом прошли месяцы, и сальные анекдоты смогли его рассмешить, и он гоготал непривычным для себя осипшим голосом. Они стали очень смешными, но вряд ли за прошедшее время солдаты научились шутить лучше.

Четыре версты до вражеских позиций лежали вовсе не перемирием, а невысказанными приказами. Все их ждали. Когда старший лейтенант прошел мимо троицы солдат, бредущих на пост, заметил, что парни вздохнули, а один из них, самый младший, будто бы поклонился. Поклон не был воинским приветствием. А старший лейтенант не был королевской крови. Но все же боец почтительно склонил голову. Надо было идти дальше. За плотной завесой дождя виднелись мрачные холмы – траурные подолы далеких гор. Командир остановился и посмотрел вдаль: не то всполох брызнул светом на горизонте, не то воображение разыгралось. В небе прогремело. Он ускорил шаг, и пока шел, стихия куражилась, проливая, грохоча, сверкая. Вспышки с треском врезались в землю, но то была не вражеская артиллерия. В холмы яростно били молнии, и были те молнии золотыми. Старший лейтенант остановился и, зачарованный, смотрел, как сбывается пророчество. Он был уверен, каждый сейчас смотрит на испещренное янтарными венами небо. Какое дивное, грозное зрелище.

У блиндажей собрался едва ли не весь полк. Так не положено, но ведь там, наверху, полыхают предвещенные золотые молнии. Что возьмешь с уставших людей, когда им раздадут обещанное? Лейтенант юркнул за поворот. Сложно было оставаться незаметным, когда вспышки прекратились.

– Илия! – окликнул голос. – Илия, да постой ты!

Старший лейтенант ускорился. Но человек нагнал его:

– Илия, не убегай! Ты же в штаб?

– Теперь – да, Тристан, – Илия обернулся к товарищу. Бледный худой юноша, ровесник самого старшего лейтенанта. Они были почти одного роста, и оттого разница в их внешности была словно бы нарочной. Светловолосый зеленоглазый Илия отражался в друге, как яркое полуденное солнце в темном озере. А Тристан Трувер с его

темно-кариими глазами под наморщенными бровями сиял в лучах этого солнца.

Илия взял Тристана за плечо и повел в сторону штаба:

– Идем со мной.

Тот остановился и помотал головой.

– Меня там не ждут. Только тебя.

– Тогда я все расскажу тебе после.

Рука Илии соскользнула с плеча, полезла в карман, достала лавандовые леденцы и подала горстку Тристану. Тот улыбнулся, протянул ладонь навстречу. Илия был неразговорчив, слов он знал много, но произносил их теперь редко. Илия разжал кулак, высыпал конфеты. Он так прощался, и ему нечего было оставить, кроме сладостей, таких редких на фронте. Никто не знал, когда случится их следующая встреча. Тристан вернулся к остальным бойцам. Едва Илия покинул окопы и двинулся в сторону лагеря, как его вновь позвали.

– Старший лейтенант Гавел, отставить шляться одному! – пробасил капитан. Илия даже поморщился от неожиданности. – Теперь только в сопровождении. Вон твои шофер и конвой. Толай к машинам!

Капитан был франтом. И сейчас, когда на них смотрел весь лагерь, панибратски хлопнул Илию по спине. Но младший офицер только одернул борт пальто и на прощание выполнил воинское приветствие, не удостоив командира ответом. Покидая расположение, Илия собирал взгляды, полные надежды, восхищения и веры в него. Нельзя было оборачиваться, нельзя было показывать полку, что он тоже устал.

В штабе царил суеверие. Ждали верховное командование. Пусть король Норманн II не мог приехать на фронт лично, но до Илии доносились слухи, будто бы едет Первый советник. По соседству с потрепанными флагами повесили парадные – чистые и с бахромой. Илия хмыкнул. Мимо пробежал солдат, задев его плечом, вроде даже извинился на бегу. Но мало кто вне полка знал в точности, как выглядит Илия Гавел. Людям известно только имя, переносимое на устах спящих по деревне солдат. А Илия был невозмутим. Откуда в нем нашлось это спокойствие? Было оно умиротворением или отрешенностью? Илия не задавал себе вопросов. В его глазах сверкали золотые молнии. Теперь, взглянув на чудо вместе с остальными его свидетелями, он сам поверил. Он сам в себя поверил.

Едва он задумался о вере, как на глаза попались несколько машин с тремя сцепленными воедино сферами. Каждую из них сопровождал маленький спутник – сферы вчетверо меньше. Машины были белыми и более чистыми, чем вся остальная техника. Они выбивались из картины мира так же, как парадные знамена. Рядом с Илией заговорил один из бойцов, он тоже разглядывал припаркованную колонну.

– Час назад приехали, – кивнул он на машины. – Небось уже сколько дней дежурили в городе.

Илия опустил голову. Теперь он смотрел исподлобья. Солдат оглядел Илию, задержав взгляд на знаках отличия.

– А вы с позиций приехали? – любопытствовал он.

Илия кивнул. Солдат помялся какое-то время, а потом спросил.

– А *он* приехал уже? – рядовой повел зрачками куда-то вбок и вверх, произнося «он».

Разговор следовало заканчивать. Солдат мог присмотреться и узнать в нем прототип с агитационных плакатов. Илия опять кивнул. Но его немой ответ только раззадорил дотошного бойца.

– А какой он? Как говорят, парнишка совсем? – допытывал тот.

– Не положено разглашать, – кратко ответил Илия и прошел в сторону центрального здания, одной из трех каменных построек в деревне.

Солдат заметно расстроился. На подходе к дверям Илия полез за документами в планшет. Он старался вытереть мокрые руки об изнанку сырой шинели, но дежурный взял его бумаги и беспардонно намочил их. Илия видел, как трижды меняется выражение его лица: сначала дежурный хмурится, потом его глаза широко распахиваются, а брови ползут вверх. Наконец, он смотрит на старшего лейтенанта перед собой растерянно. Замешательство длится несколько секунд, и он пропускает Илию в штаб. На первом этаже пусто, все голоса звучат высоко над головой. Едва Илия поднимается на второй этаж, как его поочередно начинают замечать собравшиеся люди. Фразы обрываются, внимание присутствующих сгущается вокруг Илии. Он замирает на последней ступеньке. Здесь сейчас много людей с аксельбантами. Слишком много чистой сухой одежды, гладко выбритых лиц, мужчин старше пятидесяти лет. Несколько гражданских чиновников смешались с офицерами в узком коридоре. После стольких месяцев на позициях все перечисленное казалось непривычным. Будто Илии

девять лет, и он вопреки родительскому запрету пробрался на бал посмотреть на гостей. Этому месту не хватало музыки и дам в светлых, струящихся до щиколоток платьях, с блестящими волосами, убранными в пышные прически. Но вместо струнного квартета из кабинета послышался мужской голос: «Приехал?»

В дверях показывается фельдмаршал. Илия распрямил ноющую застуженную спину, встал по стойке «смирно», выполнил воинское приветствие. Он был рад, что эта пауза прервана. В коридоре каждый офицер выше его по званию, непонятно было, к кому обратиться первому. Появление фельдмаршала все решило.

– В кабинет, джентльмены, – пригласил он. – Или мы ждем еще кого-то, кроме Первого советника?

– Министр иностранных дел телеграфировал, что получил последние сведения еще ночью и сразу же выехал. Может прибыть с минуты на минуту, – ответил один из гражданских чиновников. На лацкане его шинели блестела эмблема из шести сфер – трех крупных и трех спутников.

– Ах, верно, – фельдмаршал промокнул лоб платком (в коридоре было до ужаса душно) и удалился обратно. Собрание неспешно перетекало из коридора в кабинет. Илия решил блюсти субординацию и идти последним. Впрочем, он все же надеялся встретить отца на лестнице. Стоило Илии покинуть последнюю ступень, как снизу поднялось эхо женского родного голоса.

– Илия! Илия, мы приехали! – звучало под грохот каблуков.

Потоптавшись немного, Илия развернулся и спустился навстречу. Невысокая светловолосая женщина влетела к нему в объятия.

– Мама! – он обнял ее неуверенно, боясь испачкать светлое, молочного цвета пальто. От волос повеяло знакомыми духами. Илия слегка повел нос навстречу запаху. – Я так рад! Но я грязный.

Она отпрянула, чтобы разглядеть лицо сына, но объятий не разомкнула.

– Какая глупость, милый, какая глупость! Как я скучала! – она вновь обвила его и, кажется, всхлипнула. Илия ступешался еще больше.

– Ну вот, я все испортил, – он явно имел в виду пальто, на котором уже появилось несколько крупных пятен.

– Лесли, отпусти его! – к ним медленно поднимался седой мужчина в темном пальто и широкополой шляпе. Он снял ее на ходу. Илия заметил, как отец ослаб и постарел – каждый шаг по лестнице давался ему с трудом и одышкой. – Хватит позорить его перед командованием. Да отпусти, говорю, не собираешься же ты идти с нами на совет.

Лесли поджала губы, нехотя отдалилась от сына. Она всем видом выказывала обиду. Но стоило ей посмотреть на Илию, как лицо разгладилось, взгляд просветлел, на щеках залегли ямочки от улыбки. Она и не заметила, как муж прошел мимо них.

– Иди, Илия. Тебе пора, – она вскинула лицо, чтобы вобрать слезы обратно за перевал век.

– Давай, Илия, тебе пора.

Она всегда приговаривала, подталкивая в нужную сторону. И ему всегда надо было куда-то идти. Долгий путь до окопов, где на горизонте полыхали золотые молнии, начался намного раньше.

Глава I

Бунт в доме Гавелов

Теперь дети не играют, а учатся. Они все учатся, учатся и никогда не начнут жить.

Александр Грин, Алые паруса

Лето начнется завтра. А через две недели Илии Гавелу исполнится шестнадцать лет. «Мой милый летний мальчик», – часто приговаривала его мать Лесли, приглаживая ему локоны.

Мимолетные весенние каникулы промчались быстро, словно бежали наперегонки с мальчишками от футбольного поля к реке. Но тепло теперь приходило по утрам охотнее. Солнечные лучи лежали на заправленной кровати, а Илия им завидовал. Впрочем, какой юноша любит вставать раньше обеда? Илия собирался, вальяжно, не торопясь. Патефон проигрывал пластинку джаз-бэнда, вообще-то запрещенного в этом почтенном доме. Лорд Гавел, рожденный в эпоху умирающей старой оперы, не любил новомодной музыки. Илия кивал головой в такт, и его золотые кудри то взметались, то падали на высокий лоб. Он даже подпевал – знал, что гувернер ни за что на него не пожалуется. Отец же мог бы прийти утром в комнату Илии только по случаю катастрофы. Тогда ему явно будет не до музыкальных предпочтений подростков. Зажав во рту зубную щетку, Илия мычал слова заводной песни. Он собирал учебники в портфель. В дверь спальни опять постучали, Илия добежал до умывальника, сплюнул зубную пасту и отозвался. Он заверил, что почти готов, хотя только пошел умываться. Чудесное время, когда промедление не сулит даже нагоняя. Илия вовсе не любил спешку и больше всего, когда его торопили. Он всегда был уверен, что все успеет.

Пятнадцатилетие принесло ему новые блага: старшую школу, взрослую одежду и водительские права. А предстоящий день рождения – первый в его жизни мотоцикл. Он получил его вчера. Илия бы все отдал, чтобы приехать на нем в школу сегодня. Безусловно, все одноклассники сменили короткие детские штанишки на длинные

брюки как раз к выпускным экзаменам, но вряд ли кто-нибудь еще смог бы подкатить к велосипедной парковке на новом «Рэнк Фрэнке», оглушив округу моторным ревом. Илия разочарованно взглянул на слетевшую с пластинки лапку патефона. Внезапная тишина была ответом на все вопросы в его голове: «Конечно, нет, тебе никто не позволит это сделать».

– Илия! Ты опоздаешь! – прикрикнула мама за дверью. Было слышно, как она проходит мимо, не удосужившись даже постучать.

Это подстегнуло Илию, он ускорил утренние ритуалы и вывалился в коридор, по пути надевая школьный пиджак.

Если мама пришла за ним лично, значит, сегодня она проводит его в школу. «Вот тебе и рев мотоцикла, Илия, – ворчал он под нос. – Явишься за ручку с мамой». При всем его желании отроческого бунта он не выказывал протеста родителям напрямую. В семье Гавелов царило завидное понимание: каждый знал, что слово отца было последним. Вряд ли Лесли сама придумала подняться с утра, чтобы отвести Илию на первый урок. Уже у самого выхода в прихожей Лесли поцеловала сына в щеку. Сегодня она была в синем. Значит, причина ее сопровождения была заурядной. Лесли носила оттенки всего двух цветов: синего и белого. Последние были для торжественных, важных дней. Она могла оттенить свои кипенные наряды золотыми украшениями или цветным жемчугом. Сейчас же на ней были серые туфли, шляпка мышинового цвета, нежное голубое платье и легкий синий палантин, расшитый серебряными птицами. Лесли знала, что эти цвета идут ее светлым волосам и четко очерченным длинным бровям, бледному лицу, бирюзовым венам на запястьях и васильковым прекрасным глазам. Илия всегда любовался матерью. Он был рад, что она такая.

В то же время безупречная Лесли носила на себе бремя идеала, как доспехи. На нее сложно было сердиться и невозможно ругать. Илия хотел было возмутиться, что он старшеклассник, а не ребенок, но умиротворяющий синий цвет погасил в нем всякий гнев. Илия только вздохнул, а выходя из машины у ворот школы, подставил матери локоть, мол, обопрись и войдем уже во двор, как два взрослых человека.

«Держи меня под руку, я тебя вовсе не стесняюсь», – подумал Илия, но не сказал. Он только заметил, как мать счастливо улыбнулась.

В их семье было принято общаться молчаливо, галантными жестами и вежливой немой уступчивостью.

По эту сторону изгороди сновали торговцы всем, что могло бы понадобиться ученикам, родителям и школьным работникам. Здесь были и цветочницы, и лавочники из пекарен со свежими булочками и пирогами, и чистильщики обуви, и мальчишки со стопками газет, зычно выкрикивающие заголовки. Илия потянулся за одним из номеров «Старого печатника». Мать одернула его.

– Илия, – прошептала она почти в ухо сыну. – Ты же знаешь, отец против того, чтобы мы читали прессу. Все важное он расскажет нам за ужином.

Но он уже расплачивался с курносой парнишкой. Тот поблагодарил Илию за покупку, обратившись к нему «сэр». Илия подумал, что, может, он и впрямь выглядит, как солидный джентльмен, а не школьник.

– Не переживай, – Илия наспех свернул и положил газету в карман пиджака. – Мы не виделись с одноклассниками две недели, странно быть не в курсе новостей. Да и потом, это же «Старый печатник», там публикуют объявления и городские байки.

– Тем более не понимаю, зачем ты его купил. Шофер все видел.

Илия улыбнулся и покачал головой. Трепет его матери перед мужем иногда выходил за рамки обыкновенной почтительности. Илия лукаво умалчивал, он точно знал, зачем купил «Печатника»: он все надеялся, что его поэму опубликуют. Эта еженедельная газета была единственным литературным изданием в периодике. Все известные эскалотские писатели и поэты хотя бы однажды там публиковались. Карьера многих из них начиналась именно на страницах «Старого печатника». Илия не говорил ни родителям, ни друзьям о том, что пишет. Тем более что пишет стихи. Родители пожурят, парни засмеют. Поэзия была делом либо великих мужей, либо посредственных девчонок, так говорили. Илия же до первых еще не дорос, хотя уже шел под руку с дамой и в новых брюках, достающих ему до ботинок, и мальчик, продающий газеты, назвал его «сэр». Неплохое начало взрослой жизни.

– Мам, а скажи на милость, зачем тебя папа со мной отправил?

Лесли замялась, но ответила:

– Он просил передать, что мы сегодня уезжаем в провинцию по делам. Мы с ним. Тебе не стоит пропускать уроки в конце года. Поэтому он надеется на твою благоразумность.

Илия присвистнул, за что получил щипок от матери. Но задор от этого только нарастал.

– Ау! Мадам, вы хотите сказать, что на несколько дней я буду предоставлен сам себе? Когда такое было в последний раз... А. Такого не было ни разу!

– Об этом я и хочу тебя предупредить. Все в доме получают инструкции. Тебя они тоже касаются. Твой распорядок дня не будет отличаться от обыденного. Это не каникулы, это деловая поездка родителей.

– Так, погоди, а куда вы собираетесь?

Просигналив велосипедным звонком, мимо проехали одноклассницы Илии.

– На Юг, милый. Отца пригласили в Пальер-де-Клев, – Лесли не хотела раскрывать пункт назначения.

Потому что Илия воскликнул:

– То есть когда вы едете к рыцарям, меня с собой не берете?

– Нас позвали на благотворительный вечер и на турнир...

– Еще и на турнир!

– Илия, – одернула Лесли. – Не строй из себя обиженного. Так и знай, что любое твоё возмущение не оправдывает вечеринки, прогулы или другое плохое поведение.

Он фыркнул.

– Я понял.

Мать поцеловала его в щеку и следом принялась оттирать помаду с его лица. А он даже несколько не сопротивлялся. Когда Илия вернется домой, родителей там уже не будет. «Жди меня, “Рэнк Фрэнк”, у нас сегодня большие планы!»

Иначе быть не могло, он сбежал с последнего урока. Скинув из окна портфель с тетрадами Робу, он помог Стефани спуститься по пожарной лестнице, и они втроем побежали через задний двор. Илия постоянно шикал на них и просил не привлекать внимание шофера, который уже ждал его у главного входа. Добравшись до дома Гавелов, троица сразу пришла к гаражам, там были припаркованы отцовские машины – личная и служебная. Илия тихо выкатил «Рэнк Фрэнк».

Стефани беззвучно захлопала в ладоши от восхищения, а Роб кинулся разглядывать мотоцикл. Ребята оставили свои сумки, Стефани попросилась поехать пассажиром и бросила в гараже свой велосипед. Она нравилась Илии. Он то тушевался, то хорохорился в ее присутствии. Стефани была умной и жизнелюбивой. А за лето она еще и похорошела, так что Илия бросал на нее пылкие взгляды и краснел, когда она смотрела в ответ. Впрочем, неловкость множилась на постоянные попытки Роба привлечь к себе внимание друзей. Он кашлял в кулак, мычал и произносил дежурные фразы о погоде. Ему тоже нравилась Стефани, да она много кому нравилась! И он гордился дружбой с ними обоими. Но сейчас, садясь на велосипед, он знал, что точно не успеет за Илией, увозящим с собой визжащую Стефани. И все же он садился и ехал. А Илия именно за это ценил их отношения: положение его отца было хотя и заманчивым, приятным фоном, а все же близким оно всегда доставляло дискомфорт. Но ради друг друга они закрывали глаза на многие чувства. Илия с благодарностью принимал то, как Роб отказывал своей зависти в угоду их дружбе, но не подхалимничал и не заискивал перед ним. Поэтому Илия несколько раз останавливался по дороге, ожидая Роба, у которого вместо сорока лошадиных сил была одна его собственная.

По дороге они заехали в магазин, купили еды и лимонад. В лесу ребята устроили пикник. Илия покатал и Роба, пока Стефани хозяйничала и готовила им холодные сэндвичи. И Роб спросил:

– Что вы думаете о новостях?

– Новостях? – почти хором переспросили Илия с подругой.

Роб знал, что домочадцы Гавелов не читают газет и не слушают радио. Но многие вести министр сам рассказывал семье вечером.

– Новостях из Кнуда? – уточнил Роб.

– Я еще ничего не слышал. Родители уехали сегодня, с отцом мы два дня не говорили, – пожал плечами Илия.

– Так вчера и случилось, – начал Роб. – В империи Кнуд Великий кесарь объявил себя национальным героем.

– Ха, велика ли задача – выдать себе лавры. Это вся сенсация? – усмехнулся Илия.

– Ты не понял, – помотал головой Роб. – Он назвал себя *тем самым* национальным героем. И агнологи его поддержали. Сказали, что в нем пробудился дух древнего героя, основавшего Кнуд.

– Как его звали хоть? – спросила Стефани.

– Великого кесаря? – не понял Роб.

– Героя!

– А... Так, Кнут.

– Оригинально, – оценила она.

Илия же посмеивался. Стефани почти не интересовалась политикой и историей, как и многие девушки в его классе. Они зачем-то делили интересы: девочки забрали себе литературу, языки и внеклассный театральный кружок, мальчики – математику, историю и спорт. Поначалу Илия не понимал, зачем нужно это странное разделение, но не заметил, как сам смиренно начал брести с одноклассниками на спортплощадку вместо актового зала, хотя больше спортивных игр любил поэзию и драматургию.

– Их кесарь, кажется, совсем с катушек слетел. Или ему слава вождя Кургана покоя не дает, – сказал Илия.

– Так в том-то и дело. Отец говорит, что он закладывает фундамент для войны, – боязливо сообщил Роб.

– Какой еще войны? Которая и так идет? – не поняла Стефани.

– Ну, папа сказал, что позиционная война не устраивает кесаря, Кнут хочет начать войну настоящую.

От удивления Стефани даже отложила свой сэндвич.

– Прямо в городах?

– Прямо в городах, – авторитетно подтвердил Роб.

Но Илия прыснул, всем видом выражая, что заявление – пустышка.

– Исключено. Ему никто не позволит. Ни Эскалот, ни Радожны, ни сам народ Кнуда. Есть договор, по которому воевать можно только на указанной территории. Никто не хочет жертв среди мирного населения. Уверен, после пережитого в Последней войне на всем Абсолюте не найдется желающих...

– Так весь Кнут за него! Они ему поверили! – перебил Роб.

– Ты, как ребенок, повторяешь любую пропаганду. Еще живы ветераны Последней войны. Никто не допустит, – отрезал Илия.

– А вдруг он и правда тот самый Кнут? – предположила Стефани. Она с осторожностью взглянула на то, как Илия жадно уплетал свой ужин. – Ты веришь, что это возможно?

– Ну в целом это возможно, – Илия слизал с пальца соус. – Агнологи не ошибаются. Авторитет лиги держится на их открытиях. Они всегда осторожно делают всякие заявления. Я думаю, если хотите знать правду или то, что на нее похоже, лучше ждать их комментариев. Но это вовсе не значит, что тот самый Кнут пойдет на всех войной, – он театрально произнес последнюю фразу, намеренно нагнетая.

Роб заметил, как Илия мазнул кетчупом по носу Стефани, как она засмеялась. И мрачно напомнил:

– Но ведь в прошлый раз он так и сделал.

– Да, Роб, тысячу лет назад все воевали со всеми. Это было такое хобби. А сейчас у нас есть кинематограф, футбол и бары на каждой улице. Выбирая между войной и чем-то из этого списка, я выберу не войну. Никто не выберет.

И Стефани снова засмеялась. Илия оценил, как чудесно слушать смех девушки, которая тебе нравится. Она зарделась от его слов. «И как ужасно знать, что рассмешил ее не ты», – подумал Роб, но вслух ничего такого не сказал.

На обратном пути Илия разогнался. Стефани счастливо пицала и цеплялась за его талию. Конечно, их остановили жандармы. Конечно, их забрали в участок. Конечно, шериф позвонил их родителям, хотя у Гавелов снял трубку обеспокоенный гувернер. Конечно, всем влетело, а Илиии достался только аванс – долгая лекция об ответственности и безопасности от учителя. Впрочем, основная порция нравоучений ждала его с приездом родителей. Если бы Илия был собакой, он бы прижал уши и хвост в ожидании. Но он просто лишился ключей от «Рэнк Фрэнка» и ездил в школу в сопровождении.

И все бы закончилось для него взбучкой и какими-нибудь лишениями, если бы не события, случившиеся за два дня до приезда родителей. Утром Илия, как всегда, стал собираться в школу. Однако гувернер пришел раньше положенного и объявил, что сегодня Илия остается дома. Вечером он сообщил, что до возвращения лорда Гавела Илия будет заниматься дома. Гувернер нагрузил его упражнениями и заданиями по всем предметам. На вопросы, каким бы требовательным тоном они ни были заданы, не отвечал.

На следующий день, когда Илия сидел перед кипой учебников, в окно его комнаты прилетел камешек. Внизу его ждал Роб. Он пробрался в сад, но в дом, естественно, попасть не смог.

– Привет! Я так рад тебя видеть! – возликовал Илия. – Этот индюк меня запер, нагрузил работой... Вероятно, пожаловался отцу по телефону, а тот велел наказывать меня строже.

Лицо Роба вытянулось от удивления.

– Так ты что же, ничего не знаешь? – спросил он.

– О чем не знаю? – спросил Илия и сел на балконе, свесив ноги сквозь перила.

Роб замялся. Очевидно, у него были совсем уж скверные новости. Он даже оглянулся по сторонам, как заговорщик, готовившийся выдать драгоценную тайну.

– Да не томи! Ты меня нервируешь, – прошипел Илия.

– Илия, я не знаю, как тебе сказать... Но ты знать должен, – Роб выдохнул. – В общем, вчера началась война.

Повисла пауза, Илия ничем не отвечал, только вперился в друга.

– Вот, – произнес Роб.

– Да иди ты, – относительно спокойно прокомментировал Илия. – А подробности расскажешь? Я хочу все знать, но мой педоном, конечно, ничего не доложит и газет не даст прочесть.

– Слушай, ты только не переживай, – мямлил Роб, стоя под его балконом. – Я все тебе расскажу.

– Робин! Ты решил меня взбесить? – Илия в ожидании свесился над ним.

– Ладно. Авиация Кнуда совершила налет на Пальер-де-Клев вчера. Они специально подгадали такой день, когда знать и большие чиновники соберутся в одном месте. Все съехались на турнир этот... Я думал, ты уже знаешь, что с твоими родителями. Я зашел поинтересоваться, поддержать. Прости.

Последние слова прозвучали издалека. Руки Илии похолодели от страха. Кажется, Роб спросил, все ли с ним нормально.

– Жертвы есть? – вопрос вырвался сквозь пересохшие губы сам собой.

– Да. Конечно, есть. Там весь замок разнесли, – скорбно сообщил Роб. – Погибших, говорят, триста человек или около того. Еще не всех откопали из-под завалов.

Паника накрывала Илию. Побелевшие пальцы почти слились с белыми перилами. Роб что-то еще вещал, но речь его была сбивчивой

и малополезной. Илия вскочил на ноги и даже не почувствовал, а услышал, как колотится его сердце.

– Прости, я должен все узнать. Сейчас же, – прервал он друга. И у дверей в комнату развернулся. – Спасибо, что сообщил. Но я должен узнать.

– Конечно, – донеслось до него из сада.

Он летел по коридорам, хлопал дверьми и наконец уперся в запертый выход из его крыла. Гувернер намеренно запирает его, чтобы Илия ненароком не сбежал к друзьям ночью. Он забарабанил по резному дереву что есть мочи.

– Откройте мне! Немедленно откройте! – требовал он.

Было слышно, как кто-то из прислуги замер, чтобы не отвечать.

– Я знаю, что вы там. Немедленно откройте мне. Срочно!

– Простите, не велено, – отозвалась старая горничная.

– Сара, откройте дверь. Я прошу, мне надо все узнать, – он продолжал греметь и стучаться.

– Ах, да что же вы... Не велено. Да не рвите мне душу, Илия! – надрывно попросила она и зацокала, уходя.

– Нет, нет, нет! Сара, я сейчас подожгу крыло, и вам придется открыть!

Он услышал, как женщина возвращается.

– Да что ж вы творите-то? Думаете, мне все это по сердцу? Я знаете, как переживаю, – запричитала она.

Илия перестал истязать двери. Просто опустил ладонь на ручку, готовый отворить ее, как только услышит заветный щелчок.

– Сара, я знаю про то, что случилось в Пальере. Но я не знаю, что с мамой, что с отцом. Умоляю, скажите мне.

Она молчала, изредка вздыхала, так мученически, что и ее было жаль. Старушка работала в их доме, сколько Илия себя помнил. Гавелы были для нее больше, чем работодатели. Она и с мальчиком возилась вместо няньки.

– Пожалуйста, – тихо просил Илия, хотя все его тело дрожало.

– Ваш отец жив, но останется в замке или уедет куда-то еще. Домой он не вернется пока, для него сейчас много работы, сами понимаете, – лепетала она.

– А мама? Что с мамой?

– Вроде все в порядке, но нам пока никаких инструкций не дали. Ох! Я сама переживаю, всю ночь проплакала...

– Сара, пожалуйста, отойдите от двери.

– Да если бы я могла... Гувернер ваши ключи себе забрал. Взял управляющего и уехал куда-то несколько часов назад.

Возмущение «что он себе позволяет?!» было повержено более насущными вопросами. Ответы на них стоило искать за пределами дома. Илия подавил порыв отыгаться на дверной ручке и вернулся в комнату. Недолго думая, он соорудил из постельного белья канат. Сад пустовал, Роб покинул его. Спускаться подобным образом было неудобно, Илия болтался и скользил, но преодолел один этаж. Ему оставалось всего ничего, когда снизу раздался голос гувернера: «И что это такое я тут наблюдаю?» Его надменный тон только подстегнул Илию, и он резво преодолел оставшееся расстояние. Гувернер не торопился ему помогать: держать подвижный край каната или подавать руку. Впрочем, Илия эти жесты вовсе бы и не пожелал. Они вцепились друг в друга взглядами, как коты, встретившиеся на узком заборе.

– Не желаете объяснить? – спросил гувернер, указав на канат.

– А вы, сэр, не желаете рассказать, что с моей семьей? – зло процедил Илия. Его прищур и ходящие на скулах желваки забавляли учителя. Хотя, услышав вопрос, он уже собирался бросить в него дежурную фразу, но Илия не позволил. – И что с моей страной?

– Прошу прощения? – усмехнулся гувернер. Его позабавил юношеский пафос, с которым Илия бушевал перед ним.

Даже теплый ветер добавлял бунтарства в облик Илию – взъерошивал кудри и раздувал рубашку.

– Какой толк в ваших уроках, если от меня скрывают факт начала войны, как от трепетного ребенка? Но я прежде хочу знать, что с моими родителями.

Гувернер не оценил мятежа. Он сложил руки на груди и, судя по молчанию, решал, выдать ли ему наказание или утешить банальным образом.

– Отвечайте, сэр.

– Так. Вас бы следовало примерно наказать, но ваше беспокойство понятно и естественно. Я же выполняю распоряжения министра и только. Он жив и очень занят. Ни мне, ни вам он не будет докладывать

о своих делах и планах. Что же до леди Гавел – как только мне придут распоряжения о ее возвращении, я обещаю вам сообщить. Вы довольны?

– Нет.

Вдаль по грунтовой дороге за воротами начиналась городская жизнь: грохотали трамваи, вопили гудки машин, полицейские сирены разносили тревожный вой. Наверняка почти все ровесники Илии были в курсе событий ужасного дня. Узнавали известия из газет, сплетен, радио, задавали вопросы родителям и учителям. А он больше других должен быть осведомлен. В чем же причина, почему его держат в уютной информационной теплице? Неужели подобного невежества желает от него лорд Гавел? Гувернер всем видом показывал, что проявляет не свою инициативу.

– Ничем более не помогу. Идите спать, Илия, уже поздно.

– Мне почти шестнадцать. У меня есть водительские права...

– Уже нет. Вас их лишили на полгода, напомню, – ехидно поправил гувернер.

– И я не нуждаюсь в няньке, которая будет укладывать меня спать, – продолжил Илия, вовсе игнорируя его ремарку. – В сентябре я буду посещать военную кафедру. А через год отправлюсь на фронт. Если вы, сэр, считаете, что в день, когда в Эскалот пришла война, я должен зубрить уроки и идти в постель по расписанию, то вы идиот. Немедленно доложите мне новости.

Он прежде никогда не говорил с учителями столь неуважительно. Словно бы сам на мгновение испугался своей дерзости и спрятал кулаки в карманы брюк – от греха подальше. Гувернер принял во внимание его смущение и ответил:

– Предполагаю, у вас шок. Я попрошу Сару принести вам успокоительное и молока...

Илия мотнул головой, сбрасывая с себя дурную мысль оттолкнуть гувернера, и просто обошел его. Он направился к воротам.

– Вы далеко собрались?

– Вас это не касается.

– Я ваш гувернер.

– Да, – Илия развернулся. – Ваша задача обучать меня и отвечать на мои вопросы. А этим вечером у меня их в избытке. Раз вы не

можете выполнить свою работу, не превышайте полномочия и не мешайте мне.

– Этот тон непозволителен, – пригрозил учитель. – Не вынуждайте меня звать охрану и волоочь вас в комнату силой.

Илия бросил ему короткое «попробуйте!» и продолжил путь. Но гувернер, естественно, не смирился с его решением. Он обошел Илию, встал перед ним и попытался развернуть. Илия никогда не делал того, что совершил через минуту. Он дрался только на ринге и пару раз с ровесниками после школы. Вернее было бы сказать, он защищал себя и друзей от хулиганов. Потому что будь те мальчишки не беспризорной шпаной, нападавшей на младших или одиноких ребят, отец бы отреагировал иначе. Но Илия бы сам не поверил тому, кто сказал бы, что этим вечером он ударит своего гувернера.

Утром ему было стыдно. И весь последующий день. И послезавтра тоже. А к вечеру вернулась его мать. Они бросились друг к другу в объятия, и Лесли расплакалась. Она была сдержанной на публике, но эмоциональной в семье. Она полыхала эмоциями, повествуя о пережитом в Пальере. Под конец она извинилась за то, что задержалась в замке: до прибытия медиков и добровольцев многие дамы надели медсестринские передники, чтобы ухаживать за ранеными. И едва растроганный Илия собрался поддержать ее, как Лесли вобрала в себя слезы и заявила:

– Теперь я жду объяснений твоего поведения. Я чуть не сгорела со стыда.

– Мам? – он удивился резкой смене ее настроения.

– У отца просто не было времени и сил, чтобы в должной мере вникнуть в твои перипетии. Поэтому с тобой разберусь я. Но не думай, что тебе сойдет с рук хоть один проступок.

Илия был ошарашен.

– Прости, но ты хочешь сказать, что после того, как вы с папой чуть не погибли в Пальер-де-Клев; после того, как Великий кесарь без объявления войны напал на вассальные земли Эскалота; после того, как ты видела сотни тяжело раненных мужчин, женщин и даже детей, ты хочешь пожурить меня за поездку на мотоцикле и драку с гувернером?

– За драку, Илия! За драку! – всплеснула она руками. – Что это вообще было?!

– Мам. Мам, пожалуйста. Хочешь лишить меня сладостей, допустим. Но я не понимаю, почему следует это обсуждать. Я был не в себе. Я очень переживал. А гувернер вел себя так, будто я нашкодивший мальчишка.

– А разве нет?..

– Нет. Я хочу знать, где отец. Я хочу знать все политические новости. И я хочу сдать экзамены и начать готовиться к войне. Фронт может не дожидаться, когда я приеду к нему. Он может прийти к нам намного раньше.

Лесли ступевалась от его слов, даже затеребила пуговицу кардигана.

– Что ж. Судя по всему, ты успел подумать об этом.

– Я только об этом и думал, – неприветливо ответил он.

– Ясно. Это даже хорошо, – Лесли разгладила складки на платье. – Забудь о наказании. В смысле ты его, конечно, понесешь, но не о нем речь. Твой папа общался с агнологами. У них есть некоторый интерес по отношению к тебе.

Она сбила сына с толку. Он понятия не имел, чем мог их заинтересовать. Если только не...

– Я надеюсь, они не рассчитывают завербовать меня. Я хочу на военную службу, а не заниматься сомнительными науками.

– Их науки не сомнительные.

– Ага, – бойко кивнул Илия и позвонил в колокольчик. Он попросил Сару подать чай. Разговор становился непринужденнее. – Только «выгорает» каждый седьмой их проект. Шесть прочих оказываются липой, сожравшей бюджет.

– Категорично, но наука вся такова, – заметила Лесли, хотя сама она к академикам не относилась. – Да и потом, на тебя сделаны большие ставки. Твой отец – лорд Гавел, министр иностранных дел...

– Мам, я в курсе. Можешь прямо сказать?

Сара принесла чай. Лесли выдавила для нее дежурную улыбку, кивнула и забрала свою чашку.

– Да. Мы с отцом хотели бы сформировать твой круг общения... Не так. Помочь сформировать тот круг общения, который должен быть у молодого человека твоего положения и с твоими перспективами.

Фарфор и столовые приборы шумно звякали. Тишина была слишком заметной.

– Я не буду в дни войны ходить на твои салоны и балы всяких тетушек...

– Нет, нет, милый, ты неправильно понял, – Лесли приглушенно посмеялась. – У тебя, конечно, нет времени на праздные знакомства. Но эти твои школьные друзья дурно влияют на твою репутацию.

– Мам, да ты серьезно? – Илия даже прицокнул от разочарования.

– Можешь считать это наказанием. Сдадите экзамены, и ваши пути разойдутся. Просто, чего доброго, эта девочка, которая за тобой хвостом увивается... – она не смотрела на сына, а разглядывала чашку и такой интересный узор на салфетке. Илия буркнул, что это он за ней увивается, но Лесли продолжала. – Натворит глупостей, таких, что могут испортить вам обоим жизнь. Это ведь все несерьезно.

– А что тогда серьезно?

– Вот. Об этом, – она отставила блюдце. – У герцогини Лоретт есть племянница. Мы познакомились, и она меня просто очаровала...

– Мама! – Илия от возмущения аж вскочил с дивана.

– Я ничего такого не имею в виду! – Лесли примирительно замахала руками, указывая ему сесть обратно. – Присядь. Она очаровательная. Я была бы счастлива вас познакомить. Илия, милый, я все понимаю. Тебе шестнадцать, и тебя это ни к чему не обязывает. Но блестящая была бы партия. Такая умница, а красивая какая, – Лесли развела руками, почти по-детски и словно бы извиняясь за шалость. – Если вы понравитесь друг другу, будет просто замечательно. Нет – ну что ж, вас никто не посмеет принуждать. Мы современные люди, Илия. Тащить детей насильно в брак – дурная затея в век, когда существуют разводы.

Илия смотрел на нее так, словно это она, а не он, сбежала с уроков, чтобы гонять на «Рэнк Фрэнке», а потом сломала гувернеру челюсть.

– Пожалуйста, – Лесли чарующе улыбнулась.

– Это все уже перебор, – он был в гневе, выступившем на его лице каменной маской. – Я уважу твою просьбу, такую настойчивую. Это все?

– У меня все. Остальные новости приедут к нам вместе с папой. Я очень его жду. Надеюсь, он не забывает о своем здоровье. Он совсем себя не жалел: таскал носилки, будто его терапевт не насчитал ему

одиннадцать разных диагнозов, – она наконец взглянула на своего ребенка. И погладила Илию по щеке. – Ты весь в него.

И Илия растаял. Оба Гавела капитулировали перед словами и жестами их прекрасной леди. А она любила их обоих. Многим было странно обнаружить искренность ее чувств по отношению к министру. Лесли знала, что ее любовь к мужу смотрится сначала делано, а после – диковинно. Лорд Гавел был старше на семнадцать лет. И даже в дни, когда они познакомились, его нельзя было назвать романтиком и дамским угодником. С виду их брак смотрелся правильно и почтенно, без лишних сантиментов и тем более пылкости. Но Лесли так часто рассказывала, как лорд Гавел ее спас...

Тогда Лесли – не совсем Лесли. Ее кокетливое имя весьма причудливо смотрелось на благородной даме, отдавая не то мещанской дешевизной, не то простецкой провинциальностью. В пору знакомства с лордом Гавелом она звалась Леславой Яровой. Молодая, если не сказать, юная эмигрантка из Радожен, бежавшая из страны переодетой в старую беспогонную шинель, встретила лорда Гавела, когда один пронырливый делец едва не затащил ее в дом удовольствий. Тогда-то спасенная лордом девушка расплакалась о погибшей семье, о перевернутой с ног на голову родине, о фамильных сережках, отданных за билет на поезд, о своем одиночестве в чужой стране. И овдовевший лорд Гавел исполнил партию благородного спасителя. Они поженились через неделю, едва он помог ей уладить обязательную волокиту. А она в благодарность отдала ему то, о чем могут мечтать даже те мужчины, у которых все есть: любовь, верность и заботу.

Так что, можно сказать, Лесли любила не столько лорда Гавела, сколько их историю. А она не закончилась его покровительством бежавшей княжне. Лесли берегла ее для дневника и для сказок маленькому Илие, но не для чужих ушей. Это и печально: рассказ ее был поистине добрый и волшебный. Огня в Лесли хватало для того, чтобы поддерживать тепло чувств долгие годы их семейной жизни. И, конечно, ей самой нравилось быть счастливой влюбленной, а не сварливой супругой, влачащей семейные обязанности. Она с завидным упорством превозносила и самого министра, и их отношения, и то, что с ними происходило. А весь избыток нежности, девичьего щебетания и нерастраченного в молодости смеха она отдала Илие. А он понял, какое наказание понес: его дружба с Робом и Стефани была бы

отобрана без любого из его проступков и сложена на алтарь взросления. «Вот оно как, Илия, все дело не в длине штанов и не в водительских правах».

Лорд Гавел отсутствовал почти месяц. Илия успел окончить школу, поцеловать Стефани на выпускном, объясниться с ней и Робинот и прочитать в «Печатнике» свою поэму. Великий кесарь успел за это время намного больше, и деяния его несли только беды. А в один из дней, когда Илия с матерью сидели во дворе, без предупреждения приехал кортеж лорда Гавела. Лесли засуетилась, сначала она бросилась звать прислугу, потом оставила это дело и побежала навстречу супругу. Илия же заметил, как отец осунулся, как усталость легла маской на его лице. Следом из машины вышел парень в странной военной форме. Серый китель с темно-зелеными лацканами и брюками в тон, португепя и меч в ножнах были несвойственны современной армии Его Величества. Парень хотел было помочь с чемоданами, но министр дал ему знак подойти. Что действительно показалось Илиии странным, так это то, что мать узнала молодого человека. Министр подозвал сына, и парень в форме надел на черноволосую голову фуражку, прежде чем быть представленным Илиии.

– Илия, познакомься! Это Тристан Трувер, если быть точнее, сэра Тристан Трувер, рыцарь-пальер, при наречении которого мне посчастливилось присутствовать, – министр жестом призвал Илию показаться радушнее.

Тристан же ступешевался от того, как помпезно его представили. Его молодость и смущение говорили, что рыцарем он стал совсем недавно. Вымуштрованный в Пальере юноша ждал, пока Илия протянет руку. Но тот тянул только время. Лорд Гавел озадачился поведением сына и постарался спасти Тристана от неловкости:

– Мой сын, Илия Гавел, о котором я тебе всю дорогу рассказывал, – радушно рекомендовал министр.

Илия сжалился над отцом, у которого весь последний месяц был сплошным испытанием, и предложил рукопожатие.

– Да, очень приятно, сэра Трувер, – саркастично произнес он.

В тот момент Тристана было даже жалко. Он задохнулся, услышав к себе чопорное обращение от ровесника. Но руки не отнял.

– Прошу, просто Тристан, – запротестовал он.

Рыцарь не так себе представлял знакомство. А Илия ничего подобного не подразумевал, ожидая отца.

– Тристан будет жить у нас, – сообщил министр, от которого настырный взгляд сына требовал объяснений.

– То есть у нас гости? – Илия сиял улыбкой, но его семья знала, что за белизной зубов скрывается невысказанное возмущение.

– Я этого не говорил, – уточнил министр. – Я сказал, Тристан будет жить в нашем доме. И я был бы счастлив, если бы вы подружились.

Тем временем дворецкий и шоферы принялись носить чемоданы. Илия выдохнул с таким выражением лица, будто собирался свистнуть.

– Ого, – качнул он головой. – А мама вот была бы счастлива, если бы я подружился с племянницей герцогини Лоретт. Как, кстати, ее зовут?

Когда очередь дошла до Лесли, она глубоко вздохнула, не зная, куда спрятать глаза, чтобы не видеть растерянного Тристана.

– Девушку зовут Гислен, – процедила она, разглядывая то розовые кусты, то кочующие из багажника в дом чемоданы.

– Гислен! Прекрасное имя! – не унимался Илия. – Так вот, единственный раз мои родители уехали вдвоем и привезли мне целую невесту и целого друга. Мне страшно вас отпускать теперь, маменька! Чего еще доброго профессию мне найдете в командировке. Хотя... Что там насчет агнологов?

– Довольно, – прорычал министр.

От его восклицания Лесли еще раз шумно вздохнула, взяла Тристана под руку и проворковала: «Действительно! Я покажу твою комнату и будем пить чай!» Илия многозначительно проводил их взглядом.

– Просто ужасно, – удрученно оценил его поведение лорд Гавел.

– Согласен. А ему негде жить?

– Представь себе, – министр подошел и заглянул в глаза сыну. – Он – круглый сирота, а замок, в котором он рос и воспитывался все эти годы, пару недель назад разбомбили до основания. Этот мальчик перенес контузию и две недели лежал в госпитале. Он – первый рыцарь в своем потоке. В последнем потоке. Пальеры больше нет.

Сказав это, лорд Гавел подобрал свою дорожную сумку и направился к парадному входу. Илия почувствовал себя насквозь

паршиво.

– Я, что ли, должен был его биографию прочесть перед встречей? Ты вообще не предупредил, что возвращаешься, – бросил он вслед отцу.

Но тот не обернулся. Министр поприветствовал прислугу, выстроившуюся на крыльце. А Илия пнул одинокий камешек, и он покатился прочь за ворота.

Глава II

Первое впечатление

*Но ваша светлая беспечность
Зажглась
безумным пеньем лир.*

Николай Гумилев, Людям будущего

В комнате было невыносимо. Все Гавелы внезапно приняли обет молчания. Они явно не смогли бы сохранить его на ужине и бесцеремонно гремели бы столовыми приборами, смущая рыцаря. Еще при первой встрече Илия заметил, что уши Тристана, ничем не прикрытые, выдавали его стеснение неестественной краснотой. У парня была стрижка под горшок. Причем Илия разглядел, что не на армейский манер, а исполненная в своем устаревшем варианте. «Века так на четыре». Илия попытался оценить не Тристана, а ситуацию. После слов министра он сочувствовал молодому рыцарю. Однако несогласие с отцовской спонтанностью, его затянувшимся молчанием и сюрпризами, так ему не свойственными, подогревали кровь Илии. Возможно, все дело в войне, рассуждал он. А может быть, в том, что родители договорились заняться Илией и его перспективами, как обмолвилась мать. Держать рыцаря-пальера на службе было весьма почетно. Обычно члены Ордена служили самому королю, но Норманн II Удильщик уже десяток лет покрывался пылью и сединой в столице. Пальера выпускала блестящих офицеров и ученых, а те из них, что проходили акколаду – церемонию посвящения в рыцари, – становились воистину представителями элиты. Мысль о чужом превосходстве укусила самолюбие Илии. Он подумал, что не хватало ему тягаться с заявившимся мальчишкой. Чего доброго, родители в пример будут ставить его непогрешимость. Въедливая догадка почти пугала. Говорят, все пальеры безупречны. Как же это было невыносимо – сидеть с этими домыслами в комнате.

На ужин он спускался как на битву, или на эшафот, или на повстанческие баррикады – ему сложно было определиться. Илия почти представил себе барабан, под который он чеканил шаг в шутку,

но столкнулся с мамой в дверях. Она сжала его предплечье, улыбнулась и протянула «пожалуйста» одними губами. Илия смиренно кивнул ей.

За столом они сидели вчетвером. Светский разговор начала Лесли:
– Что же вы совсем ничего не едите, Тристан?

Илия взглянул на его тарелку: немного запеченного картофеля, ломтик хлеба и небольшой кусок ветчины. Тристан смутился.

– О, мадам, не переживайте обо мне. Я просто еще не привык. У вас очень вкусная еда, спасибо! Но в Пальере мы питались проще. Я вовсе не стесняюсь, – объяснился он.

Илия состроил рожицу, очевидно, значившую его несогласие с рыцарским смирением. Они сидели друг напротив друга. Тристан скрупулезно занимался своим скудным ужином, упершись взглядом в тарелку. Целеустремленность в поедании картошки выдавала его потаенное любопытство, хотя он вовсе не глазел по сторонам.

– У тебя так мало вещей, Тристан. Есть ли у тебя одежда, помимо формы? – спросил министр.

От вопроса рыцарь зарделся. Министр почуял его смятение и добавил:

– Если, конечно, тебе можно носить иную одежду.

Илия округлил глаза. Запреты были чрезмерными для него, он поднял взгляд на Тристана, тот вдруг показался ему интересным. «Какие же лишения он может вынести спокойно, если всю жизнь отказывал себе в обычных человеческих потребностях?» Тристан вытер рот салфеткой, прежде чем заговорить.

– У меня, к сожалению, не осталось одежды после бомбардировки. Орден снабдил нас тремя комплектами формы: парадной, повседневной и полевой. Этого достаточно. Но мы можем носить другую одежду, когда не находимся на службе.

– Ты не на службе, Тристан, – заверил его министр. – Пока нет. Я скажу Саре, чтобы она купила тебе одежду для дома и прогулок.

– Что вы, не стоит... – горячо заверил он. – Я благодарен вам, очень, но это лишнее. Я привык, мне удобно в форме...

– Пустяки, – отмахнулся лорд Гавел. – Ни пижамы, ни халата – это никуда не годится. Завтра тебе принесут все необходимое. Я не буду тебя баловать, не переживай. Я помню, что ты пальер, которому должно нести аскезу. Я не намерен искушать. Но тебе не стоит быть к

себе таким строгим. Убежден, юноши все до одного, возвращаясь домой на каникулы, не носили форму сутками.

Лорд Гавел жевал мясо. Все присутствующие клацали вилками о тарелки. И Тристан еле слышно поправил:

– У нас не было каникул, министр.

Окорок встал колом в горле Илии. Все, что говорил мальчик напротив, звучало как одно сплошное наказание. Какая-то вечная кара без вкусной еды, десертов, каникул, любимых игрушек, велосипедов, карманных денег... Он словно бы заново увидел Тристана. А тот сидел такой же непретенциозный и понурый.

– Вы не уставали? А как же отдых? – не выдержал и спросил он.

Казалось, рыцарь совсем не ожидал, что Илия сегодня с ним еще раз заговорит. Очевидно, он замечал его недовольный вид и немые дразнилки в начале вечера.

– Конечно, уставали, – честно признался он. А потом пожал плечами, будто сбрасывая с них напоминание. – Но у нас были выходные, которые мы могли провести или в замке, или в деревне по соседству. А еще у нас было право на несколько дней отшельничества. Если послушник чувствует, что падает духом, то он может попросить себе такое право. Мы уходили в лес на неделю, жили там в одиночестве. Наедине с собой и отдыхали.

Его будничным тон был просто пугающим, подобно тому, как куклы и клоуны пугают своей схожестью с реальным образом человека, но в то же время его извращенностью. У Илии пропал аппетит. Он испытывал жгучий стыд от своего сегодняшнего поведения. И от всего, что он натворил за последний месяц. Никто его не сравнивал с Тристаном, не попрекал их различием. Илия за один миг сам с этим прекрасно справился. Они молча доели. А потом министр попросил Илию показать рыцарю дом.

После ужина Илия совсем размяк, охотно начал экскурсию для Тристана. Тот почувствовал тепло в отношении себя и стал разговорчивым, хотя все равно сдержанным в эмоциях и не особо болтливым. Илия начал с веранды и повел его через комнаты на первом этаже. Казалось, рыцарь ничему не удивлялся или не подавал вида. Илия привел его в библиотеку. Он полагал, что Тристану понравится здесь – книги копились поколениями, и среди них можно было отыскать древние фолианты, первые издания и коллекционные

печатные сокровища. Илия вспомнил, что смог удивить и порадовать Стефани, приведя ее сюда. Девчонки любят литературу, как водится. И с видом местных книжных полок могла конкурировать только презентация нового мотоцикла. Тристан постарался скрыть радость от увиденного, хотя его лицо посветлело, а морщинки между нахмуренными бровями исчезли. Он осторожно погладил корешки нескольких книг и поинтересовался:

– Можно мне приходить сюда без спроса?

– Конечно! – подтвердил Илия. – Если захочешь, я подберу для тебя стопку моих любимых книг.

– Спасибо, было бы замечательно, – он улыбнулся на секунду и снова прибрал уползший вверх уголок рта в положенные границы. – В Пальере библиотека самая большая на континенте. Была.

На последнем слове он кашлянул в кулак, словно ему было неловко говорить о падении замка.

– Слушай, Тристан, я бы хотел извиниться, – серьезно заявил Илия. И пальер посмотрел на него, хотя сложно было понять, что выражает его лицо. – Я сегодня себя вел, как осел.

Некоторое время Тристан подбирал если не слова, то чувства, с которыми следовало бы их сказать.

– Если только немного. Но да, как осел, – впервые за все время рыцарь улыбнулся, обнажив зубы. – Хотя полагаю, у тебя были причины. Я вовсе не в обиде на тебя.

Илия тут же подошел к нему и протянул руку. Тристан, все еще улыбаясь, пожал ее. Они исправили свое знакомство. Илия водил его по дому еще долго. А потом Тристан стал зевать.

– Ох, кажется, я совсем тебя загонял, – заметил Илия.

– Нет, что ты. Просто сегодня в дороге мы долго общались с министром. И я почти не спал. Но мне все интересно.

– Неважно, завтра продолжим, тем более что мы подошли к твоей комнате. Смотри-ка, мы теперь соседи по крылу. С чего бы это? – ерничал Илия.

Его шутка позабавила Тристана, но он посерьезнел мгновенно.

– Знаешь, ты ведь все правильно понял. Министр предложил мне службу у вас, службу тебе, – уточнил он. – Но не сейчас, а когда ты отправишься на фронт. Он уверен, что пальер в спутниках тебе не помешает.

– Ты как-то просто в этом признался, – заметил Илия, от неудобства спрятав руки.

– Да я и согласился на предложение быстро. Я совсем не знал, что мне делать и куда идти. Решил начать отсюда, – он говорил, а Илия поражался тому, как у него все просто. Даже позавидовал и захотел научиться подобному спокойствию.

– Безумно как-то, – подытожил Илия, облокотившись на дверной косяк.

– Что безумно?

– Говорить с человеком, который в будущем должен принести тебе клятву верности.

Тристан замер. Слова Илии прозвучали и нагло, и пророчески. Нутром они оба ощутили, что однажды так действительно произойдет. Хотя у обоих были причины считать идею министра странной и претенциозной.

– Возможно, так и будет, – ответил Тристан. – Но у меня тоже есть одно условие.

– Это ж какое? – удивился Илия и скрестил руки на груди.

– Я обязательно расскажу тебе о нем. Разговор предстоит или долгий, или сумбурный. А я бы и правда пошел в постель.

Согласившись, Илия пропустил его в спальню, и они пожелали друг другу спокойной ночи.

Прошло несколько дней с возвращения министра. Едва Тристан обжился, в дом пожаловал странный гость. Мальчики как раз играли во дворе в теннис, когда Сара позвала Илию. В гостиной его ждали родители и мужчина, которого Илия видел впервые. Несмотря на это, незнакомец улыбнулся ему и воскликнул: «А, вот и наш Илия!», словно знал его с самого детства. Хотя Илия так и заявился к гостю с ракеткой в руке и полотенцем на шее, почувствовал себя не в своей тарелке он по иной причине. Отсутствие субординации настораживало.

– Простите, сэръ, мы знакомы? – сухо спросил Илия, которому совсем не нравились фамильярности от незнакомых людей.

– Это доктор Рокильд, – представил его министр.

– И я рад нашему знакомству! – доктор лоснился от восторга. – Вас мне можно не представлять. Мне про вас известно достаточно!

– Это немного пугает, – пробурчал Илия и перевел взгляд на отца.

– Отличное чувство юмора у вас, Илия, – погрозил пальцем ему доктор. – Может, чаю?

Когда Илии в его же доме предложили чай, он, многозначительно и широко открывая глаза, моргнул два раза. Мол, не померещилось ли ему. Доктор Рокильд же вел себя по-свойски и ни в чем себе не отказывал.

– Илия, спрячь недоумение, доктор подумает, что Тристан ненароком огрел тебя теннисным мячом, – иронично посоветовал министр. – Доктор Рокильд приехал к нам, чтобы провести тестирование.

– Прошу прощения?

– Взять образец крови и задать несколько вопросов, – закончил министр.

– Но я не болен, – заверил Илия.

– Чему мы все несказанно рады! – певуче отозвался с дивана доктор. – Позвольте, министр, я объяснюсь с Илией. Насколько мне известно, вы уже сообщили подробности, что мы обсуждали с вами...

Доктор изобразил пальцами, будто накручивал на них нить, тянущуюся от министра.

– Признаться, не все. Не успел вникнуть в детали, – послышалось недовольство в голосе лорда Гавела. Он не любил опаздывать, в том числе с новостями.

– Ох, это поправимо, – махнул руками, как веерами, доктор. – Илия, дело в том, что моя лига очень заинтересована в вашей личности и в сотрудничестве с вами.

Озарение снизошло на Илию. Он хлопнул ребром ракетки по свободной ладони.

– Вы – агнолог, – догадался он.

– Абсолютно точно, Илия, я, без сомнения, агнолог, – презентовал себя доктор. Во всей его речи звучало какое-то театральное притворство, свойственное рекламе в радиоэфире. – И мы все весьма заинтересованы вами.

– Потрудитесь объяснить подробно, – Илия присел в дальнее кресло.

– Подробно! Как известно, наша лига выполняет функцию международной академии, которой и является. На протяжении многих лет (речь идет о нескольких декадах) мы изучали ряд явлений,

объединенных одной идеей. Вот что вы знаете о пророчестве Последней войны?

– Что оно свершилось, – ответил Илия, хотя желал бы высказаться критически о предначертании событий, раскрученных политически не без участия той же лиги.

– Верно. Только дело обстоит немного иначе. Были некоторые нестыковки, которые не позволяли закрыть этот проект даже по завершении всех партизанских боев и подведении послевоенных итогов. Десятилетия ушли на то, чтобы мы могли с уверенностью сказать, что человечество совершило огромную ошибку, назвав ту войну последней. В первом пророчестве речь шла о Великой войне. Напомню, текст восходит к первым предсказаниям Малахитового двора, – он акцентировал слова, вздернув вверх указательный палец. – На сегодняшний день мы имеем несколько толкований и целое дополнение первых трех песен, и можем утверждать, что с большой процентной вероятностью текст в реконструированном виде является полноценным и окончательным. Мы опубликовали его в закрытых, только для научного сообщества, журналах восемь лет назад, когда был подписан договор о ведении полигонной Войны-на-меже в установленных Эскалотом, Кнудом и Радожными границах. И семь лет договор действовал. Но страшная правда в том, что Великая война началась несколько недель назад в Пальер-де-Клев. На это указывают все признаки...

Тяжелое дыхание Лесли заполняло гостиную. Илия не мог не отвлекаться и поглядывал в ее сторону. Он понадеялся, что мама не упадет в обморок. И спросил доктора:

– Можете назвать хотя бы несколько из них?

Зашедшийся тирадой доктор оглядел присутствующих. Очевидно, все ждали нюансов.

– Как пожелаете. Великая война начнется с возрождения спящих героев...

Парадоксальная метафора вспыхнула в голове Илии. Он представил, как мозаика складывается, а стена под ней трескается и рушится. Он горячо воскликнул:

– Так это вы спонсируете безумие кесаря Рольфа? Или все же он спонсирует ваши прожекты? Те, что наиболее сомнительны, – о

древних мечях, о затерянных могильниках, полных проклятого и благословенного золота, которые расхищает его армия?

– Илия! – лорд Гавел был спокоен, но всем видом осуждал его буйство.

– Все в порядке, министр, хм, – прорвался нервный смешок – было ясно, доктор не рассчитывал на протест. – Не буду скрывать, Великий кесарь интересуется некоторыми изысканиями. Но агнологи неподкупны, ручаюсь вам! У нас есть все основания считать, что кесарь Рольф ныне является национальным героем Кнудом. К примеру, вот цитата из пророчества «Двенадцать молний золотых увидят в небе, и принесут они войну. И быль, и небыль»... Ах, простите, не помню художественный вариант, позвольте, точный перевод. Всегда было плохо с поэзией, ха-ха! Как там: «Люди увидят в небе двенадцать золотых молний над холмами. Они пробьют как колокол. Настанет время пробудить первого из спящих королей и зачать Великую войну, неизбежную и ужасную». Там так говорится. А кесарь не знал сути текста, не видел ни одну из трактовок. И все же Кнут направил его: множество свидетелей увидели золотые молнии в Пальере.

В недоумении Илия повернулся к отцу. Тот не рассказывал ему ничего о небесных всполохах. Мать еще упомянула, что день выдался на редкость ясный и солнечный. От Тристана он не добивался подробностей – видел, как ему мучительно вспоминать роковой турнир.

– Двенадцать молний были изображены на имперских бомбардировщиках. Я лично видел единственный сбитый. На каждом самолете нарисованы две перекрещенные золотые молнии. Всего бомбардировщиков было шесть, – подробно объяснил министр.

– Именно! Вам не стоит удивляться, Илия, – продолжил доктор. – Вы будете сталкиваться с подобными явлениями и событиями на своем пути.

– Что лиге нужно от меня? – спросил Илия.

– А вот мы и подошли к сути моего визита, – хлопнул в ладоши доктор, очевидно крайне довольный своими картами на руках, которые Илия уже не мог отбивать. – Как я сказал, мы изучили все досконально и тщательно. Все текстовые и изобразительные источники, все биологические и астрономические факторы приводят нас к одной точке – к вам, Илия.

Доктор выдержал паузу, но никто из Гавелов не захотел задавать наводящих вопросов.

– Подобно тому, как Кнут пробудился в ныне правящем кесаре Рольфе, мы убеждены, что первый эскалотский правитель король Эльфред пробудится в вас. Вы же знаете, что он погребен, а если точнее, спит?..

– Да, под горой Раската за Гормовыми холмами, – устало закончил Илия.

– Я здесь затем, чтобы изъять у вас биологический материал. Поверьте, чистая формальность. Мы уже исследовали материал ваших родителей, и ошибки быть не должно. И еще я бы хотел немного поговорить с вами наедине. Как только результаты будут официально подтверждены, мы предоставим вам полную информацию...

Дышать приходилось через силу. Доктор давил темпераментом, неуместной восторженностью и смыслом сказанного.

– А зачем? – перебил Илия. – Что дальше, доктор Рокильд? Вот подтвердится ваша догадка – и что? Я стану древним королем? Как вообще это произойдет: я буду слышать его голос в своей голове или приму сценарий его судьбы? Что это вообще такое – возрождение? И зачем?

– Так много вопросов! – зазывно посмеялся доктор, но все семейство его настрой не разделило. – Что ж, они логичны! Механика действия возрождения нами досконально не изучена. Это явление все же относится нами к категории чудесного. Но! Но. Мы возлагаем на сегодняшние события большие надежды. Безусловно, война ужасна. Но мы, люди цивилизованные, научились даже стихийные бедствия оборачивать во благо. Поэтому мы не можем сказать, как это будет – Великий кесарь фигура весьма закрытая, мы не можем его так просто диагностировать и изучить и в плане его физического состояния сейчас, и в плане состояния психики. Но мы точно знаем, что он помнит и знает все, что помнил и знал кесарь Рольф, и при этом владеет всем опытом и знаниями Кнута. Предполагаем, вас ждет то же самое.

– Зачем? – потерянно спросил Илия.

– Чтобы делать то, что должно делать избранному королю – править. Прошу заметить, по неслучайному стечению обстоятельств

Его Величество Норманн II не располагает ни наследниками, ни преемниками.

– А если я не захочу?

– Не понимаю...

– Вот так: возьму и не пожелаю участвовать в ваших инициативах.

– Илия, это большая честь, – шепотом подсказала Лесли.

– Именно! – поддакнул доктор. – Но практичность не порок, говорю вам, как ученый, ха-ха! Зачем? Чтобы покончить с ужасами войны и страданиями до того, как мы все истребим друг друга.

Было нечто нездоровое в том, как доктор Рокильд лучезарно улыбался, произнося страшные слова. Мурашки бегали по спине от елейных интонаций его голоса, слишком звучного для акустики гостиной с коврами, порттьерами, и мебельной обивкой, и подушками в тон гобеленовой ткани комплекта – на них были изображены цветы и руки с белыми манжетами. Редкий и мистический узор, который отчего-то так приглянулся Лесли. Было время, и Сара ворчала о пессимистичности сюжета гобеленов. А министр оказался недоволен насыщенностью и мельтешением мотива с ладонями и едва распустившимися кустовыми бутонами и колючками. Но Лесли отвоевала их право лежать на местных диванах. Грядет время, когда всем будет плевать на узор подушек. Доктор же продолжал агитационную тираду:

– Видите ли, предсказание четко дает понять, что в Великой войне должна произойти битва этих древних королей, которая закончится победой одного из них.

Его патетика сочилась из уст отравой, что усыпляет бдительность даже непримиримых натур. Было очень грустно. Как слушать сказку, в которую ты хотел бы попасть. И как очутиться в сказке, которую ты не хочешь слушать.

– Хорошо, возьмите у меня столько крови, сколько нужно для ваших лаборантов. И я отвечу на ваши вопросы. Но это не окончательное решение. Я сообщу о нем позже. Просто знайте, я хочу сохранить конфиденциальность и право на ответ.

Когда доктор ушел, Илия прошмыгнул к себе в комнату. Он не хотел сейчас утолять материнское любопытство подробностями их частного разговора. Министр же проявил чуткость и придержал жену, рвущуюся растрясти Илию. Тристан тактично потерялся где-то в

доме. Хотя он был единственным, с кем Илия хотел бы поделиться всем, что узнал. Просто потому, что он точно не станет его допытывать расспросами, давать непрошенные советы и бурно реагировать. Идеальный слушатель старых легенд. Но сказительство – дело небыстрое, а времени у них теперь было все меньше для игр и праздных бесед. Они оба начали готовиться к военной кафедре. Министр часто уезжал из столицы. В одну из его отлучек Лесли впорхнула к мальчикам, что нависли, как угрюмые грачи, над книгами по философии войны, и как бы невзначай защебетала о чудесной погоде для пикника. Взгляд Илии проследил за плывущим по комнате светлым облаком. «Она в белом», – проговорили его губы так, чтобы их шевеление видел только Тристан. Тот пожал плечами, мол, не понимает, что в ее наряде такого. А леди Гавел взбивала подушки, нюхала цветы в горшках, поправляла шторы и болтала, болтала, болтала.

– ...настоящее лето, что можно носить шелковые рубашки. О, я придумала! Мы сейчас же поедem на чай к герцогине Лоретт. Ты же бывал у нее, Илия, знаешь, какой при поместье герцога дивный пруд. Покажешь его Тристану. Я получила от нее приглашение в начале недели, но так неловко было оставлять твоего отца одного. Он редко бывает дома... О! Я еще придумала, нам стоит приготовить букет для герцогини!

Тристан округлял глаза и поджимал губы, выразительно тыча взглядом в Илию. Тот только и знал, что посмеиваться.

– ...она как раз гостит у герцогини, так что стоит собрать два букета. Что смешного, молодой человек, я не понимаю!

– Ничего, мам, очень забавный отрывок, – Илия приподнял раскрытую «Плен и мораль: как сохранить человеческое лицо», хотя ничего забавного в тексте не находилось.

– Ясно, – Лесли было плевать на причины и обложку книги. – И почему вы еще не собираетесь? Бегом, у нас мало времени. Дорога займет не меньше двух часов!

Она захлопала в ладоши, подгоняя ребят, и, довольная, покинула комнату, когда они зашевелились.

– Невероятно, – улыбался Тристан. – Она ведет себя, будто наша ровесница. Можно было просто сказать: так и так, Илия, мы едем знакомиться с твоей невестой. Все мамы такие?

– Да, Тристан, все мамы – сводницы. Благодарю свой обет безбрачия. Чего доброго, она и тебя бы женила, дай ей волю.

Герцогиня Лоретт блистала: улыбкой, рыжими локонами в воздушной прическе, золотым прогулочным костюмом и белым фасадом дома. Тристан вручил ей букет желтых лилий. Судя по тому, что никто их друг другу не представил, они познакомились еще в Пальере. По случаю почти официального визита Тристан оделся в пальерскую форму и повязал на предплечье нарукавную повязку лавандового цвета. Илия заметил ее еще в первый день, но тогда было совсем не до праздных вопросов. Он еще раз напомнил себе, что стоит однажды о ней справиться, когда герцогиня Лоретт задержала взгляд на этом неуставном знаке отличия. И по ее лицу он прочел, что и повязку она узнала тоже. Илия же стоял с охапкой белых роз, разбавленных зелеными почками вербы, и не находил ее адресата. Герцогиня заметила растерянность ребят и принялась судорожно рассказывать Лесли: «У нас сегодня сумасбродный день. Я, конечно, ждала вас! Но день – сплошной хаос и неурядицы! Пока готовят ужин, может, мальчишки прогуляются по саду?» Лесли подхватила ее воркование и локоть, и они мгновенно испарились, оставив мальчиков вдвоем на пороге недоумевать.

– Думаю, их намеками можно обстрелять вражескую армию, настолько они неумолимые, – сказал Тристан.

– Я не соглашался лазить по саду с розами под мышкой в поисках незнакомой девчонки, – процедил Илия. – Сад огромный! Что за бред вообще?

– Может, они думают, что это романтично, – предположил Тристан. – Как считаешь, где она может тебя ждать?

Живот Илии недовольно заурчал в ответ. Знакомство за ужином пришлось бы ему по вкусу больше, чем перспектива отсрочить прием пищи еще на час или даже дольше. Сам Илия развернулся и пошел к живой изгороди. Тристан не отставал.

– Не уверен, но думаю, я буду лишним на этом трепетном мероприятии, – заметил Тристан, выставив указательный палец. – Скажи, куда пойдешь ты, и я погуляю в другой стороне.

– Ты меня бросаешь, дезертир! – воскликнул Илия.

– Да, ты угадал. Я в ужасе бегу, только скажи куда, – согласился он.

Они остановились. Розы кротко смотрели в землю. Илия махнул в южном направлении.

– Готов поспорить, она в беседке. По наущению герцогини будет сидеть там с томным видом и какой-нибудь книжицей и обратит на меня внимание, когда я возникну перед ее носом. Очень сильно удивится, – заверил его Илия.

Тристан осуждающе ткнул его в плечо.

– Не будь суров с девушкой. Может, ей это все не милее, чем тебе, и тоже кажется глупым. Вести себя предвзято – очень по-детски.

Они разошлись в разные стороны. Впрочем, в беседке никого не оказалось. У фонтана тоже. И в небольшом лабиринте, где Илия пару раз играл в прятки. Все живописные места в саду закончились. У Илии сосало под ложечкой. Лучше бы он взял не розы, а овсяное печенье. Девчонка наверняка голодна не меньше, рассуждал он. Да и где она вообще? Илия решил сходить за Тристаном и вернуться в усадьбу. Скорее всего, Гислен его не дождалась. Когда под ногами закончилась покошенная зеленая трава и началась дикая сыть вперемешку со мхом и валежником, Илия немного расслабился и стал наслаждаться затянувшейся прогулкой. В рощице он нашел сразу обоих: Тристан и Гислен сидели на поваленном дереве. Девочка плакала или совсем недавно закончила это делать. Вид Тристана выражал неловкость. «Не повезло парню, – думал Илия. – Всю жизнь его берегли от женского общества, а тут на него свалились самые невыносимые его представительницы». Завидев Илию, Гислен вскочила во весь рост, отвернулась и, показалось, собиралась сбежать. Тристан встал следом.

– Илия, Гислен, позвольте, я вас представлю, – вопреки ее суете он был невозмутим.

Девушка повернулась, вся красная от смущения и плача. Илия почувствовал, что букет в руке стал словно бы обременяющим. Гислен была совсем не такой, какой он себе ее представлял: высокая, худая, розовощекая, с тонкими руками и ногами, немного детским, овальным лицом и короткими почти белыми волосами. Они едва ли прикрывали мочки ушей и были растрепаны. В руках она теребила синюю ленту.

– Очень рад знакомству, – начал Илия и немного засмутился, но решился задать вопрос: – А почему вы плачете?

Она обхватила себя руками, растерянно взглянула на Тристана, но он указал ей на Илию и выжидающе посмотрел в ответ. Гислен

набрала в грудь воздуха и заговорила:

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, Илия. Но...

У нее был певучий, тихий девичий голос. Как звон хрустала. И сама она была будто прозрачная. Она снова вздохнула, и, глядя куда-то в кроны над головой, выпалила:

– Но сегодня просто кошмарный день! Герцогиня позвала парикмахера, велела ему сделать мне прическу... А он, – шмыг. – Он решил укладывать волосы на щипцы. А я говорила ему, я ведь ему говорила, что с моими волосами нельзя так! И они отвалились! Они задымились прямо у него в руках, и отвалились! Пришлось их все обрезать!

По мере того, как ее история приближалась к кульминации – потере волос – истерика нарастала. Под конец она зашлась рыданиями. Тристан беззвучно развел руками. Чтобы быть шестнадцатилетним юношей и стоять непоколебимым перед плачущей девочкой в момент знакомства, нужна стойкость. Чтобы найти слова утешения и произнести их без паники, требуется еще и мужество. Илии достало и того, и другого.

– Гислен, послушайте, волосы имеют свойство расти. Не хочу умалять вашу трагедию, но стрижка вас несколько не испортила, – убеждал он.

Она последний раз шмыгнула носом, умолкла и подняла на него большие зареванные глаза.

– Вы выглядите замечательно, я вовсе и не заметил проблемы. Если это для вас проблема.

– Правда? – растерялась она.

– Честное слово.

– Спасибо, вы очень добры. Тристан сказал точно так же.

Упомянутый Тристан вскинул брови и судорожно закивал. Илия перевел взгляд с него на Гислен. Пустоту в их диалоге заполняло щебетание птиц.

– Он еще повязал мне эту дурацкую ленточку. Я ему что, кошка или ребенок? – возмутилась Гислен и взмахнула синим бантом.

– Думаю, ленточку можно оставить здесь, раз она вам не пригодилась. Предлагаю обменяться, вы мне ленту, я вам – букет, – с этими словами он протянул Гислен розы.

Илия повязал синий атлас вокруг сосны и сказал: «Вот, теперь мы точно будем помнить место, где познакомились». И они втроем побрели в усадьбу. А к ужину Гислен думать забыла о потере и смеялась над шутками Илии. И смех был намного привлекательнее ее стенаний. Она говорила редко и емко, но остроумно. Прощаясь, они договорились встретиться в конце недели и прогуляться. Герцогиня Лоретт и Лесли не скрывали своего ликования.

А дома его ждала посылка. Ему вручили ее прямо у порога. Штамп «Срочно» пылал красными чернилами на конверте. Илия распаковал его, достал книгу в твердом переплете. С обеих сторон обложки было пусто. На корешке мерцали золотые буквы: «Пророчество о Великой войне 2.0». К книге прилагалась записка всего с одной фразой: «Теперь мы знаем, что делать».

Глава III

Пророчества и обещания

Многие лорды тут разгневались и говорили, что позор превеликий им и всему королевству, если будет ими править худородный юнец.

Томас Мэлори, Смерть Артура

Когда Тристан увидел корешок книги, взгляд его забежал в поисках объяснений. Лесли, ничего не замечая, унеслась в дом на крыльях своей маленькой победы. Илия заговорщически переглянулся с Тристаном. «Через полчаса в библиотеке». Ему нужно было время, чтобы отдышаться. В висках стучало. Он расстегнул манжеты, не выпуская книги с пророчеством из рук, будто она могла испариться.

В библиотеке ребята наконец остались вдвоем. Почти вся прислуга уже ушла спать, а Лесли поднялась к себе праздновать, захватив трофей из мини-бара. Тристан даже не переоделся, только снял китель и повесил его на стул. Лавандовая повязка перекочевала на рукав рубашки. Они с Илией смотрели друг другу в глаза: назревало откровение. Настольные лампы мерцали от вечерних перепадов электричества, ветер за окном то терзал ветви деревьев, то успокаивался. Все вокруг было непредсказуемым и непостоянным, кроме неустанного тиканья часов.

– Что значит эта повязка?

– Что в письме?

Они озвучили вопросы почти хором. И это родственное единодушие немного уняло их пыл. Илия потребовал:

– Ты первый.

– Хорошо, – согласился Тристан. – Что ты хочешь знать?

– У тебя есть секреты? Почему ты носишь эту повязку на руке? Что именно случилось в Пальере? – тактичность Илии рухнула, как плотина, и его прорвало.

– Стой, я понял, – Тристан протянул к нему руку – не то примирительный жест, не то приглашение присесть за стол. – Да, у

меня есть секреты. Даже тайны. Я еще не научился их рассказывать людям, потому что до недавнего времени сам ни одной не ведал. Начну с повязки. Это подарок очень важной для меня девушки. Есть обстоятельства, их довольно много, почему я о ней не говорю. Она повязала мне часть своего платья на турнире. Это традиция – так дамы благословляют рыцарей. С тех пор ношу его повсюду.

– Герцогиня как будто в курсе этой истории? Она с ней знакома? – Илия указал на сиреневую ткань.

Тристан отрицательно качнул головой и накрыл повязку ладонью, словно та была живой и нуждалась в поддержке.

– Не совсем. Она встречала ее и видела, как я получил этот рукав.

– Это не Гислен? – перебил Илия.

От удивления Тристан отпрянул. В унисон его смятению замигали лампы.

– Нет, конечно! С чего бы это была она?

– Сегодня на ужине мне показалось, что она с тобой тоже была знакома.

– Нет, не была, – отрезал Тристан. – Ты ревнуешь?

– Вот еще! – вспыхнул Илия.

– Но она тебе понравилась, – тепло улыбнулся Тристан, а потом поспешил успокоить друга: – Поверь, это не Гислен и ею быть не могла. У нее была возможность видеть меня на турнире, если она была там с герцогиней. Но я совсем не заметил Гислен на трибунах и нас не представляли друг другу. Тогда мои глаза и ум были заняты другой. А сегодня я познакомился с Гислен раньше тебя, но разница меньше часа.

Илия поверил и поутих. Он даже забыл о списке тем для разговора, так хотел узнать больше о девушке Тристана.

– Так и кто она? Как зовут? Вы переписываетесь? Ходишь такой весь загадочный одинокий пальер, – фыркнул он. – А у тебя подружка есть, оказывается!

– Она умерла. Погибла от осколка во время бомбежки замка. Ее звали Ронсенваль, – Тристан произнес ее имя с прежде неслыханной интонацией – очень печальной и очень взрослой. Так старики признаются, что упустили первую любовь. Он погладил лавандовую ткань.

– Мне очень жаль, Тристан. Прости, – виновато отозвался Илия. Его задор мгновенно охладел. – Выходит паршиво: все в моем окружении были на том злосчастном турнире, видели начало войны, спасали раненых... А я один узнал о нападении самым последним в Эскалоте. Притом что... Отвратительно.

Он оборвал нить, ведущую его к признанию. Рыцарь все еще лелеял свою повязку, словно на его предплечье лежала незримая ладонь. Внутри Илии прокралась мысль, что его доля больше бы подошла Тристану – один-одинешенек, ни семьи, ни любимых, ни даже домашнего питомца. Всю жизнь жертвовал свои силы, знания и мечты Ордену и был благодарен. Может, такова справедливость. Может, отец прав, и Тристан поведет его по проторенной рыцарской тропинке, которой никто из современников не хочет ходить. Он и сейчас безропотно смотрел на Илию. Скажет, не скажет ему Илия о разговоре с агнологом, о письме и книге – он не потребует немедленной правды. Когда у тебя что-то не отбирают и не выпрашивают, отдать это проще. Илия уронил лицо в ладони и растер их тепло по коже.

– И мне есть в чем признаться, – начал Илия. – Помнишь, приезжал доктор?

– Агнолог, – поморщился Тристан. Его реакция ничем не удивила Илию: не секрет, что пальеры недолюбливают агнологов, считая тех алчными шарлатанами. Коррупция, квазинауки, беспринципность, бюрократизм – в них было все, что презирали в Ордене. Было и много полезного, но когда рыцари соглашались на полумеры?

– Агнолог, – подтвердил Илия. Он потряс книгой с пустой обложкой. – Они изучали Пророчество, и утверждают, что Последняя война не является Великой войной из песен. Мол, она начинается только сейчас. И еще он рассказал мне о спящих национальных героях. О нашем короле под горой. Он проснется, Тристан. Он во мне проснется.

Илию пробило на поток жалоб, сомнений, догадок, прокрученных в голове десятки раз слов агнолога. А Тристан ни разу не перебил его ни словом, ни шумом, ни всплеском чувств. Когда Илия выговорился, он еще какое-то время беззвучно глядел на него.

– Он сказал, что ты еще не раз столкнешься со странными обстоятельствами, которые окажутся логичными и

предначертанными, – наконец повторил Тристан. – У меня тоже есть свое предсказание. Я получил его от провидицы. Не спрашивай сейчас, но поверь, что я не сомневаюсь ни в одном ее слове. И однажды расскажу тебе, при каких событиях я встретил Мэб Джорну. Вот только ее слова придется тебе передать прямо сейчас. Будет так, говорила Джорна, я уйду на фронт Великой войны и сослужу верную службу королю древности. Ему пригодится мой дар. О нем тоже не спрашивай.

– Да что значит «не спрашивай»?! – вскипел Илия, оттолкнулся от стола и принялся расхаживать вдоль стеллажей. – Почему все вокруг скрывают от меня правду? Я, по-вашему, дурак? Ребенок? Избалованный министерский сынок? Во имя Истины, скажи ты мне, что за дар, что за служба, что за провидица! Я больше не могу выносить, что правда для меня всегда находится в слепой зоне. Я знаю о ее существовании, но не могу увидеть ее саму.

– Прошу, не возмись с меня эту плату раньше времени, – взмолился Тристан. – И так понятно, что ты – этот король и служить мне – тебе.

Илия схватился за голову.

– Агнологи не соврали, если и ты, пальер, подтверждаешь.

Тристан кивнул. Брови его, черные, обычно нахмуренные, опустили края к вискам, как у печального мима. Он выглядел уставшим, квелым, несчастным.

– Я принесу тебе присягу, когда попросишь, – пообещал он.

– Не торопись, я могу и передумать, – бросил Илия, сжав кулаки. – Никто представления не имеет, что означает пробуждение короля.

– И что ты намерен делать?

– Пока все, что должно. Закончим военную кафедру, получим чины, поедем на передовую. А для начала изучим это, – он с громким шлепком бросил на стол между ними книгу.

Они обложились словарями – радожским, кнудским, архаизмов, толковым – и принялись за работу. Илия достал тетрадь и принялся конспектировать все важное и интересное: в том числе мысли свои и Тристана, который читал вслух.

– «Данная работа является наиболее точной реконструкцией нескольких текстов, датируемых разными периодами: от Века Соли до Высокого Прозрения. Основными литературными источниками

являются: «Кованое пророчество» (медные дощечки, Кнуд, Век Соли), «Песни Малахитового двора: песнь об Эльфреде, песнь о рыцаре Ламеле, песнь о Рошане» (свитки, Эскалот, эпоха Малахитового двора), былины из цикла о радужских богатырях: «Как Якова Солва ворочала» и «Яковы сапоги» (плиты в Белокаменном дворце, Радужны, Допрозраение – Высокое Прозрение). Все перечисленные тексты имеют идентичные сюжетные мотивы, отвечающие на центральные вопросы легенды о пробуждении спящего героя: что, где, когда и каким образом. Ответы на эти вопросы формируют структуру реконструированного пророчества. Актуальность работы...» – Тристан читал взахлеб, но Илия пожелал перейти к сути.

Он проворчал:

– Актуальнее не придумаешь. Дальше. Пропускай все введение.

Тристан пролистал до первой главы. На ее титульной странице значился вопрос «Что?».

– «Что есть Великая война? Побойсь, что унесет жизни каждой третьей женщины и каждого второго мужчины на землях Абсолюта, подобно которому некогда истребили себя племена на материке Идея, ныне пустынном. Но, разобщенные, не могли они собраться во единые государства. Они переживали события снова и снова, истощаясь, вымирая и вырождаясь. Абсолют избежит таковой участи, если сделает все, как требуется, не убоится дать вещам свои имена. А именно великую войну назвать Великой».

– Это похоже на издевательство! Они хотят сказать, что мы должны пережить это снова только потому, что решили войну назвать не Великой, а Последней? – Илия впечатал костяшки пальцев в стол.

– Раз все это пророчество относится к категории чудесного, как говорят сами агнологи, значит, сила слова важна, – объяснил Тристан. – Как заклинание. Ты должен произнести все верно. Я догадываюсь, какое еще может быть объяснение. Давай прочтем дальше? «Где? Где свершится предсказанное? Война разверзнется на материке Абсолют. Идея опустошена и безлюдна, а Материя населена варварами, коим только предстоит пройти многие вехи цивилизации. Едва же все феоды (республики) объединятся под разными знаменами, главнокомандующие гегемонов начнут искать пути для пробуждения древних героев. И путь этот у каждого свой. Однако вот то, что связывает проводников: рожденные под одними звездами на одном

континенте, они должны быть в родстве друг с другом», – на этих словах Тристан приподнял бровь и бросил недоверчивый взгляд на Илию.

Тот сам сначала откинулся на спинку стула и потер лоб, зачесывая рыжую прядь назад. Как вдруг его лицо озарилось осознанием.

– Так вот оно что! Великий кесарь Рольф приходится троюродным кузеном моему отцу! И мы оба родились в начале лета... Я раньше никогда не замечал сходства. Хотя кто вообще такое замечает?

– Ты прав, странно. Или нет. Не сочти за пренебрежение твоими открытиями, но ты мне час назад выложил как на духу, что станешь королем Эльфредом. В каком-то смысле, – Тристан покрутил пальцами в воздухе. – Все остальное немного меркнет на фоне таких претенциозных заявлений. Я просто читаю дальше, договорились? Просто читаю. «Когда? Когда проснется герой? Когда реки крови достигнут гор, под которыми спят короли, когда плач и зов эхом пронесется над могилами их, когда люди увидят в небе двенадцать золотых молний, укрепляющих веру их. Утратившие всякие суеверия, жители Абсолюта будут верить только в то, что видят, и в то, что могут доказать с помощью научного метода. Возрождение героя будет зачато возрожденною верою в чудеса». Тут примечание: бла-бла-бла, «... герой может проснуться только по закону тульпы, то есть когда в него, его существование, легенду и возрождение верит нация. По предварительным подсчетам, от 70 % до 100 % населения, из которых 50 % должны исповедовать идеологию возрождения активно и явно. А именно соблюдать ритуалы, обращаться к герою и его проводнику, как к главнокомандующему, и всячески содействовать». А-а-а, эм... Знаешь, мне кажется, что...

Тристан тянул слоги и подбирал слова, но Илия обрубил его потуги беспрекословным:

– Что у меня нет выбора? Очевидно, меня нужно будет показать и представить, как проводника.

– Без этого не будет веры, – заключил Тристан. – Я говорил тебе, когда мы читали про название. Нам нужно верить, что эта война – Великая, неважно, последняя или нет. И нам нужно верить, что ты – обещанный народный спаситель.

Илия упал на конспект и словари лбом, закопался пальцами в свои кудри. В нос ударил канцелярский запах новой бумаги и перебивший

его душок книжной ветоши. Один из словарей, эскало-кнудский, был почти карманным, легко умещался в карманы шинели, где в свое время и таскал его отец. В молодости министр служил на фронтах Последней войны, но был госпитализирован после двух лет службы. Мирный договор подписали, когда ему сняли последнюю повязку с зажившей раны. Тристан понуро смотрел на пушистую макушку и не прерывал процесс самобичевания. Илия простонал куда-то в стол:

– Я сам в себя не верю. А если я не смогу и подведу всех? А если я умру? Там про это пишут?

Тристан послушно пролистал оглавление и выдал короткое «нет». Нет, в книге ничего не сказано о фиаско. Только о том, что делать, чтобы оно не свершилось.

– «Как? Как пробудить героя?» Отлично, что они дают инструкцию, – колко прокомментировал Тристан. – «У каждого легендарного воина был нареченный меч, с которым его и погребли. Проводнику должно отыскать сей клинок и взять в руки для боя». Там еще какая-то цитата из песни на староскальском, а вот примечание: «Именное оружие могло быть, как боевым, так и церемониальным. Так же артефактом может являться любое холодное оружие ближнего боя. Например, в «Кованом пророчестве» король Кнут сражается с помощью молота (в более поздних источниках легенды – топора), а богатырь Яков в «Яковых сапогах» использует Гром-Дубину, хотя в былинке о его возрождении Солвой она приносит Якову Гром-Меч». А у Эльфреда был Лоридаль.

– Разве он не Глоридаль? – уточнил Илия.

Тристан подвинул к нему словари, хотя его соискатель даже не взглянул на стопку.

– Его часто пишут в такой транскрипции, но на староскальском правильно не читать первую «г». Там еще «т» перед «р». Она тоже не читается.

– Действительно. Кому нужны эти буквы? Хм, интересно, агнологи искали меч?

Часы пробили полночь. Их ненавязчивый звон перекликался с низким и гулким «бом», доносящимся из гостиной. Он переполошил устроившихся в уютной библиотеке ребят. Илия пожаловался, что хочет кофе. Тристан бы сам не отказался от чашечки и заверил его, что к моменту его возвращения с подносом из кухни изучит и перескажет

оставшийся фрагмент. Когда шаги Илии стихли за поворотом, Тристан опустил взгляд на слова, которые задели его, когда он впервые скользнул по ним беглым взором. «Источники дают возможность полагать, что есть и дополнительные обстоятельства – слова, атрибуты, условия, – необходимые для совершения так называемого ритуала». Тристан пролистал песнь о кудеснице Солве и вцепился в книгу, жадно читая комментарий. «Предполагается, что полная информация о способе возрождения постигается избранным проводником интуитивно. На данном этапе развития агнологии сложно воссоздать точную архитектуру операции, так как академическая наука сто пятьдесят лет пренебрегала категорией чудесного. Упоминание о последних опытах и интервью с людьми, имеющими сверхъестественные способности, имеет маркировку „XXVI.П“».

Тристан второпях открыл первые страницы и пошарил глазами в поисках выходных данных. Нашел, вспомнил соотношение маркировок и дат, вычислил и замер над белыми страницами. Он уронил зажатую стопку на обложку и вновь взглянул на комментарий про последних носителей дара. На абзац упала прозрачная капля. Расплывающаяся по черным буквам клякса отрезвила Тристана. Он протер под ресницами и быстро привел книгу и себя в порядок. Из коридора донеслись шаги Илии и крик о том, что он перестарался, когда добавлял мед. Они еще какое-то время просидели в библиотеке, но кофе и имбирное печенье отвлекли их от нависшей над их головами участью. Они меньше работали и больше болтали. Тристан знал по опыту, а Илия предчувствовал, что беззаботные дни скоро закончатся.

* * *

Прошел год лекций и учений на военной кафедре при Лотергринском университете. Илия Гавел превратился в младшего лейтенанта и надежду Эскалота. Он гулял с Гислен в центральном парке, ходил с ней на киносеансы и в кофейню напротив Старого театра, где иногда актеры читали стихи и играли на рояле. Тристан Трувер стал капралом. На этом неброском чине и рыцарском сане его регалии заканчивались. Он попросил Илию никому не раскрывать его

тайны о пророчестве Джорны, и друг не болтал лишнего, хотя не проговориться было очень сложно.

Илию постоянно забирали с последних занятий на интервью и на съемки, на которых засыпали вопросами. Он снискал славу, и ее сияние его беспокоило. Илия признавался Тристану, что ощущает ее грузом – разномастными ритуальными украшениями, в какие, должно быть, дикари из Материи рядили животных, прежде чем принести в жертву. Но выходя в свет, Илия Гавел улыбался, очаровательно и бравадно. Он всем нравился. Его кудри медового цвета, его зеленые глаза, скульптурный нос и волевой подборок раскрашивали на плакатах в нужные цвета. Черно-белый пленочный мир не вмещал в себя его эскалотского блеска.

Перед сном, уставшие и измотанные, они вдвоем делились событиями прошедшего дня и крепко засыпали друг у друга в комнатах, иногда там, где упали, – когда в кресле, когда на полу, когда на подоконнике, когда на кровати. В один из выходных Тристану пришло письмо. Он сам удивился корреспонденции, осмотрел конверт и открыл при Илии. «Это от Гаро!» – воскликнул он радостно. Гаро был его давним товарищем, с которым они учились в Пальере. Он услышал, что Тристан снискал службу у Илии, и теперь знал, куда ему писать. Сам же Гаро говорил, что они с еще одним рыцарем, Оркелузом, отправились в кавалерийский полк Его Величества.

– Оркелуз! С ума сойти! – хлопнул себя по лбу Тристан. – Мы его терпеть не могли. А Гаро пишет, он стал достойным человеком, хотя остался невыносимым нытиком. Впрочем, пишет он, чем ближе к фронту, тем больше в армии пессимистов.

– Что ж, мы скоро окажемся в их числе, – отозвался Илия. – Я обещал никому не говорить до официального объявления, даже маме, но сегодня на параде Норманн II объявит меня официальным преемником. Так скоро... Агнологи нашли к нему подход. Пронырливые, как тараканы. Ты как-то не сильно удивляешься?

Из радиоприемника послышался треск и последние ноты гимна.

– Это ожидаемо и логично. Мы погрязаем в войне, а он вот-вот испустит дух. Оставить страну, которая захлебнется в междоусобице и дворцовых переворотах?.. Мы все видели, что случилось с Радожными.

Много раз Лесли лично давала оценку революции. Из ее уст она звучала как конец света. Но Радожны жили после этого конца. Даже

нашли способ вовремя выйти из затянувшейся Войны-на-меже. Происходящее было похоже на кукольный спектакль: вот целый мир, и вот начавшийся дождь все портит. Вот сейчас Илия Гавел впервые окажется на войне. «И может быть, поймает лбом пулю. Войдет в историю символом слова „разочарование“». Тристан замечал, когда Илию посещали дурные опасения. Он единственный научился читать в его лице потаенные страхи и невысказанные чаяния. Даже сейчас, когда парни пятый раз натирали сапоги. Сегодня они должны были сверкать, как конские бока.

– Я буду настаивать, чтобы тебя назначили моим адъютантом. Скажу, что ты намерен принести мне клятву верности.

– Если ты станешь королем, тебе присягнут все пальеры, – Тристан обмакнул губку в воск. – Я бы хотел быть все время рядом с тобой, но это лакомая должность. Думаешь, на нее не выстроилась очередь?

– У нас в рукаве есть козырь. Агнологи не вцепились в тебя мертвой хваткой только потому, что еще не знают, какое сокровище лежит у них под носом! – Илия оставил сапог и подошел к умывальнику. Он придирчиво посмотрел в зеркало. – Надо еще раз побриться. Я сегодня встречаюсь с Гислен. Мы пойдем в «Содем» после парада.

– Ты намерен привести план в исполнение? – прямо спросил Тристан, скрестив на груди руки.

Солнечные лучи запутались в волосах Илии, превратив их в золотой ореол. Даже жаль их прятать под фуражкой, пусть и белой. Белая парадная форма исключительна: редкая в истории, она предназначалась для преемников и консортов. Династия была облачена в красный цвет.

– Я думал об этом. Отличный день, чтобы все вокруг стали счастливее. Но мне хотелось все же как-то по-особенному...

– Милорд! – засмеялся Тристан. – Вы в мундире с золотыми аксельбантами открываете парад, на котором вот-вот получите монаршую перевязь! Куда уж оригинальней?

От его заливистого, такого редкого смеха, украшенного солнечными бликами на лице, Илия тоже улыбнулся. Ему вовсе не нравился избыток золота и вензелей. Когда он впервые примерил форму, заявил, что похож на будуарный пуфик своей прабабки.

– Да понятно. Но я думал, может, в усадьбе Лореттов? У того дерева с лентой... Только посмей! Держи в себе свои остроты! Трувер, молчать!

Они подрались в шутку, как случается мальчишкам из баловства поколотить друг друга. Взъерошенные и запыхавшиеся, они долго возвращали себе офицерский лоск.

После парада, когда Норманн II произнес все, что намеревался, набросил на плечи Илии ленту небесного цвета и отбыл восвояси, от внимания было не отбиться. Платье, перчатки и шляпка Лесли сливались с мундиром ее сына, когда она хваталась за его локоть, как за якорь. Беспокойное море людей плескалось вокруг них, и леди Гавел в нем было волнительно. Она опасалась ляпнуть глупость или раскрыть государственную тайну. Министр иностранных дел уже неделю как умащивал вождя Кургана в Радожнах в надежде добиться военного союза. И за неимением мужниной руки, Лесли льнула к плечу Илии. Его планы на романтический ужин за заказанным столиком в «Солеме» нарушила герцогиня Лоретт. Она заявила, что не примет никакого отказа посетить ее салон сегодня вечером. Надо ли сказать, что после вынужденного согласия Илии герцогская усадьба едва ли не треснула от избытка посетителей. Сердобольная герцогиня изо всех сил ратовала о судьбе своей Гислен и едва ли не превзошла лучших разведчиков Эскалота. Прознав о готовящемся предложении, она не поскупилась на приглашительные журналистам, которых терпеть не могла в своем доме. Илия, наблюдая все это дирижерство, чувствовал себя обманутым и ведомым бараном, а Гислен он видел смущенной и загнанной как никогда. Он оттащил девушку в альков, когда понял, что несколько пар глаз и даже объективов только и ждут, что он вот-вот опустится на одно колено. Илия обхватил хрупкие плечи и прошептал:

– Не могу поверить, что мы говорим наедине! Гислен, наверно, ты заметила, что все сегодня от нас чего-то ждут... У них есть основания: я готовился сделать тебе предложение. Но вовсе не так, как, судя по всему, мечтает твоя тетя...

Бедняжка растерялась больше прежнего. Она выглядела замечательно: ее немного отросшие с их знакомства волосы были уложены назад, и прическа открывала невообразимо длинную шею,

так что, казалось, у Гислен в роду были лебеди. Она пролепетала что-то невнятное.

– Я бы хотел, очень хотел сделать предложение тебе, а не герцогине, поэтому хочу знать, желаешь ли ты того же? – прямо спросил Илия.

– Предложения или брака? – большие голубые глаза хлопали перед носом Илии.

Он захохотал от ее непосредственности.

– И того и другого, что не странно, ведь одно предполагает второе, – веселился он. – Но начнем с предложения. Если ты не хочешь его получить здесь, скажи мне. Я не обижусь. Ты можешь ответить мне: «Нет, не сейчас», и я не восприму отказ, как личное оскорбление. Я вовсе не хочу, чтобы ты согласилась только потому, что твоя тетка и еще около сотни человек будут ждать твоего положительного ответа самым настырным образом.

– В смысле, ответить? Ты что, уже делаешь мне предложение?

– Да, Гислен, согласна ли ты стать моей женой? – спросил Илия, глядя ей в глаза и держа за обе руки. А потом подумал и добавил: – И в будущем королевой Эскалота?

Гислен сначала сомкнула губы (она делала так, когда усердно размышляла), а потом выхватила одну ладонь, чтобы прикрыть ею свой внезапно раскрывшийся от изумления рот.

– Ох, точно! Я и не подумала, – это было удивительно, но Гислен, совсем не умевшая обманывать, действительно не успела подумать о головокругительной перспективе.

– Так что? – поторопил Илия.

В бальной зале прозвучал громкий хлопок. Илия сразу догадался, что кто-то открыл бутылку шампанского. Но Гислен вздрогнула от испуга и выпалила:

– Я согласна!

– Правда?!

Он обхватил ее шею, притянул к себе и горячо поцеловал. Он не мог вспомнить, когда за прошедший год он позволял себе подобные вольности. За ними все время увязывалась ее компаньонка. И хотя почтенная женщина была не сильно дотошной, пара всегда находилась в поле ее зрения. А при таких раскладах не забалуешь. Илия отстранился через минуту, когда почувствовал, что Гислен тяжело

дышать. Он не знал, виной тому ее сантименты, его крепкие объятия или узкий лиф платья, но она вся пылала.

– Да, только теперь мне страшно, – призналась она.

– Ох, Гислен, знала бы ты, как мне страшно... Но все пустое – теперь будем бояться вдвоем! – возликовал Илия и подхватил ее под бедра, приподняв так высоко, что она прической задела балдахин.

Илия распахнул шторы и стремительно направился к матери. Он вел за собой Гислен, присутствующие оборачивались им вслед. Найдя Лесли, он кивнул ей, и та взорвалась от фурора, как праздничная хлопушка с конфетти. Илия развернулся к Гислен и встал на одно колено. Оказалось не так сложно оправдывать чужие ожидания и при этом оставаться счастливым. А когда буря поздравлений стихла, а последняя волна в виде назойливого фотографа и дальней родственницы Гислен отхлынула вглубь зала, к ним подошел Тристан. Он улыбнулся уголком рта.

– Поздравляю! – тепло сказал он.

Илия распахнул руки, Тристан коротко оглянулся на леди Гавел и обнял друга. Объятия – жест для родственников, он позволил их только матери и герцогине. Если быть точнее, они и не спрашивали. Публика зашептала. Тристан протянул Гислен руку, она вложила в нее свою, и рыцарь поцеловал кружевную перчатку. «Я очень за вас рад! Будьте счастливы». У растроганной Гислен и без него были глаза на мокром месте, а после пожеланий новоиспеченная невеста сорвалась и тоже приобняла Тристана.

– Я так рада, что ты будешь с Илией! Пожалуйста, защищай его! Я очень хочу за него замуж! – каждое ее слово было по-детски искренним, но она не шутила.

Ребят позабавили ее просьбы, но стоило им переглянуться, у обоих в голове мелькнула целая плеяда надежд и опасений. Страшное «а вдруг?» и теплящееся «а вдруг?». Тристан дал слово:

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы притащить его к алтарю.

– Кстати, об этом. В смысле о твоей заботе, а не о свадьбе. Мы можем отойти? – Илия собирался отвести Тристана в сторону для частного разговора, и, дождавшись, пока Гислен кивнет, направился с ним на балкон. – Около часа назад я как-то слишком легко добился твоего назначения. Не знаешь, в чем причина?

Пальерская фуражка холодного изумрудного цвета, такого же, как удлиненный мундир, перекочевала с темной головы на перила. В тусклом свете поблескивала кокарда с изображением дерева. Тристан вскинул непокрытую голову и хмыкнул.

– А то как не знать? В меня вгрызся этот твой доктор Рокильд.

– Да ладно?! И что говорил?

Ночной воздух был свежим. В саду пахло акациями. Тристан втянул аромат и прицокнул.

– Что говорил... Наивно было полагать, что эти гончие не пронюхают все. Я – Трувер, мои родители работали с агнологами. Я знал это и раньше. Моя фамилия выдает меня с потрохами. Они следили за мной с самой Пальеры. Рокильд сказал, у этой их корпорации все основания считать меня полезным науке. Пытался выведать про мои способности.

– Вот жук! – возмутился Илия.

Он заметил, что Тристан называет лигу агнологов корпорацией и весьма пренебрежительным тоном. Всем пальерам претила мысль о продаже научных открытий.

– Не говори. Видишь, в чем беда, Илия: мы просчитались, когда думали, что самые умные. Нас рассекретили не то что агнологи, но и герцогиня Лоретт.

– Ты погоди с выводами. Там неясно, у кого ищейки лучше, – Илия пихнул его локтем под бок.

Подошедший к концу день вошел в историю. Короткая человеческая память сберегала все самое важное, игнорируя даты, политические нюансы, статусы и прочие экзаменационные вопросы. Трое молодых людей – Тристан, Илия и Гислен – положили руки на плечи друг другу и смотрели, как в черном небе взрываются фейерверки. Гислен плакала, в ее слезах мерцали отражения салюта. А Тристан только яростнее комкал аксельбанты на эполетах друга, всем остальным видом не выдавая чувств. И только Илия мог еще смотреть на алые и золотые россыпи искр, слышать пушечные залпы и не знать трепета перед ними.

Глава IV

Арьергард никуда не идет

*Ты крайний, ты в заднице, так что не
спать,
Зевнешь – экипажу конец.
Кольт-браунинг спарка калибра ноль-пять
Отныне – и мать, и отец.*

*Всеволод Коллюбакин Баллада о Чарли
Тэйле, хвостовом стрелке Flying fortress B-
17G*

У Илии Гавела было особенное свойство: чужой страх отрезвлял его. Когда вокруг царила паника, он возвышался над ней. Все его силы приумножались в такие моменты, словно ответственность была незримым бичом, не позволяющим ему расслабиться и пустить все на самотек. Он познал свою отвагу в детстве, когда играл с одноклассниками в вышибалы. Суть игры была незайтелива: выбить с помощью мяча как можно больше соперников и не вылететь самому. Все ребята врассыпную разбегались от летящего в них вышибалы, но Илия выходил вперед, ловил мяч и мгновенно атаковал сам. Стратегия понятная и победоносная, но никто больше почему-то к ней не прибегал. Мяч был очень страшным. Илия тоже его боялся, потому и ловил скорее, чтобы тот не мог навредить ему и сокомандникам.

Эхо шлепков мяча о пол школьного спортзала не шло в сравнение со звуками артиллерийской атаки. Илия узнал беспощадным опытным путем, что человек может умереть от попадания в лицо огромного мерзлого комка земли. Было удивительно узнавать, что каждый снаряд заводил страшный механизм, и мир вокруг оживал, и в нем начинали происходить вещи, до того неведомые. И что в общем-то по законам физики творимое вокруг правильно, а по законам морали – нет. Когда человек наблюдает неестественные процессы, он рискует сойти с ума. Категория чудесного опасна для психики – предупреждали агнологи.

Что же до безобразного... Илия еще во время первого боя принял за правило не давать оценки тому, что ему виделось скорее кошмаром, чем реальностью. Когда парень из твоего блиндажа, с которым ты недавно познакомился и узнал, какая кличка у его собаки, оставшейся дома (кстати, пса звали Реджи), – несет в руках те части себя, что явно должны быть внутри тела, лучше всего не думать о том, насколько увиденное ненормально. Разумнее просто не смотреть на его руки, хотя получается с трудом. Вообще не думать – было основной уловкой окопников. Илия и Тристан, которые большую часть сознательной жизни только и делали, что учились, не сразу познали эту великую мудрость. Поэтому поначалу они просто пытались переключаться на мысли о чем-то отстраненном, но беспощадная логическая цепочка приводила их в реальность в самый страшный момент. И становилось еще хуже. «Здесь всегда положение только ухудшается, лучше не бывает никогда», – поучал капитан Илию. Гаро, приятель Тристана, был прав – все вокруг ныли. Даже те, кто не любил жалобы, ныли о том, что все ноют.

Старый фронт был конвейером бесконечной боли и потерь, он сдвигался и возвращался в границы все время Войны-на-меже. От него все устали. Илию отправили именно сюда. Новым фронтом, что простирался на северной границе, называли битвы за города Эскалота. Солдаты получали письма от родственников с Нового фронта и сплетничали о том, какое там разверзлось пекло. И тогда нытье о бытности на Старом фронте сдабривалось фразой «лучше так». «Видите, в сравнении стало лучше», – сказал Илия капитану. На Новом фронте царила ненависть и ярость: обе стороны видели резон войны и ставили цели. А позиционная война замерла во временной петле с повторяющейся смертельной рутинной. И командиры уже не ругали солдат за игру в футбол между окопами и не называли поздравления противника с Покровицей братанием с врагом. Некоторые бойцы прибыли сюда в самом начале в возрасте Илии и, проведя здесь восемь лет, не знали другой работы. Поэтому, когда новенькие приходили в исступление от слухов, что до следующей Покровицы они уж точно вернутся домой, «стариками» только отмахивались: «Каждый год обещают. Это традиция такая, вместо подарков».

Самый короткий день в году назывался Покровицей. В долгую ночь было положено хранить тишину: праздничный день был выходным для уютных домашних дел, семейных встреч и спокойного сна. Даже противники давали друг другу выспаться. По традиции готовили пироги с зимними ягодами и запекали сыр и яблоки – на ужин не принято было подавать мясо, птицу или рыбу из уважения к чужой жизни. Даже для царства животных наступал покой. Праздничный сухой паек включал в себя имбирные печенья, горячий шоколад в порошке и яблоки с карамелью. Завсегдатаи Старого фронта рассказали, что это самый щедрый на сладости паек, который они получали за долгие годы.

– Гаро! Я глазам не верю – Гаро! – воскликнул Тристан, когда увидел в лагере у полевой кухни высокого детину.

Кавалеристы седьмого полка обернулись на его оклик, а сам Гаро бросился к товарищу, заграбастал его и приподнял над землей. Когда они закончили трепать друг друга по волосам, подошел еще один молодой человек с пальерской нашивкой на шинели. Тристан растерялся при встрече, они оба не знали, как начать беседу. Пальер протянул ему руку, Тристан с облегчением ее принял. До Илии донеслось: «Я рад тебя встретить!», а потом: «Эй, Илия, иди к нам!».

– Познакомься, это Гаро Паветт, о котором я тебе рассказывал, и Оркелуз де Луази, – представил Тристан.

Было заметно, он видел парней впервые со дня выпуска. Не приучился еще официозу в представлении рыцарей преемнику. Может, вовсе не собирался перенимать чопорную манеру. А Илия и рад был. Последнее, чего он желал, чтобы рыцари начали перед ним раскланиваться на глазах у сослуживцев. Но они начали.

– Господа, не стоит! – остановил он их. – Друзья Тристана – мои друзья. Да и потом, на нас все смотрят.

– Если все так, как говорят, однажды нам придется вам кланяться, – любезно сказал Оркелуз. – Мы же не адъютанты вашего высочества.

Он фиглярски склонился перед Тристаном. Тот закатил глаза.

– Невыносим, как всегда. Зато вы не в пехоте, – кивнул он на драгунов за плечами.

– Почти все пальеры в кавалерии, – заметил Гаро. – Еще один полк вчера перебросили на Новый фронт. Видно, там совсем плохо.

Часть эскадрона стоит в резерве. Странно, что вы не там.

– Я сам попросился в пехоту, – сказал Илия, а потом недовольно поморщился. – Хотели отправить меня в транспортный корпус.

Тристан хохотнул в кулак, а потом объяснил свое веселье:

– Да уж, шофер, которого однажды лишили прав...

– Звучит браво... Я бы тоже выбрал пехоту, – похвалил Гаро. – Хочу поболтать еще, Тристан, но через два часа мы покидаем передовую.

– Мы слышали, – кивнул Илия. – Очередное отступление. Наслушались от «стариков», как за этот клочок уже два года воюют, а все на месте топчутся. Туда-сюда.

– Так вы с нами? – спросил Оркелуз.

Тристан отрицательно покачал головой, и ребята погрустнели. Илия ответил:

– Мы – арьергард.

– Погано.

Стоило им попрощаться и отойти к поварам, чтобы попросить кипятка для заварки, как раздался громогласный призыв капитана: «Младший лейтенант Гавел!» Илия сунул пустую кружку в руку Тристана и подошел к командиру.

– Сэр!

– Пойдешь в блиндаж, соберешь вещи и поедешь с кавалерией в деревню. И пулей! Исполнять, – наказал капитан.

Удивленный Илия подозвал Тристана, но капитан нахмурил брови и прикрикнул: «Я, что ли, сказал взять с собой капрала?! Один! Шагом марш!» Он собрался уходить, но Илия громко спросил:

– Разрешите обратиться!

– Давайте, – устало вздохнул он.

Капитан ненавидел, когда младший лейтенант Гавел подчеркнуто уставно обращался к нему. Немного странно и противно Илии было оттого, что капитан полагал, будто за два месяца стал для него ни много ни мало, как отец или добрый наставник, и раз от раза обращался к нему все более панибратски.

– Сэр, капрал Трувер – мой адъютант. Позвольте взять его в сопровождение.

– Нет, – коротко отрезал он и ушел.

Илия зло посмотрел ему вслед. Тристан положил руку на погон друга.

– Брось, пойдем. Помогу тебе собраться. Все хорошо, – успокоил он.

– Ничего хорошего, Тристан, – процедил Илия и направился напрямиком к офицерской палатке в лагере. – Если меня отправляют одного, значит, вас всех просто бросят в хвосте прикрывать отступление.

– Мы и так это знали, – рыцарь пожал плечами.

– Нет, не знали. Мое присутствие было гарантией... хотя бы надеждой, что полк – не смертники.

Они подошли к палатке. Илия представился дежурному и попросил доложить, что просит встречи с генералом Лореттом. Дежурный поначалу мялся у входа, но все же исполнил просьбу. Герцог выглянул из палатки и пригласил Илию внутрь.

– Заходи. У нас мало времени, и тебе здесь не место, – генерал был недоволен и измучен не меньше солдат.

– Я как раз об этом, сэр. Во-первых, не хочу обсуждать приказ командования, но...

– Но намерен обсуждать. Не собираюсь слушать.

– Я...

– Отставить.

– Есть, – произнес Илия с каменным лицом. – Со мной капрал Трувер, мой адъютант, пусть ему разрешат уехать вместе со мной.

Генерал Лоретт переглянулся с шокированными командирами, которые недоумевали, как поступить с просьбой преемника.

– Илия, – начал герцог. – Все понимаю. Но не могу.

– Почему? Он – мой адъютант.

– Эта должность упраздняется на фронте. Ему приказываешь не ты.

– Он – пальер, он мне служит. В уставе есть параграф...

Генерал Лоретт с грохотом опустил указку на стол.

– Младший лейтенант! У меня нет времени пререкаться! Он не может покинуть полк. Мы и так забираем тебя, а если уедет и твой спутник, это посеет панику в арьергарде.

– Но арьергард идет следом...

– Арьергард никуда не идет! – прогремел герцог, и его дряблая старческая кожа на лице некрасиво затряслась от гнева. – Да пойми ты, нельзя тебе быть дитятей, нюни распускать! Капрал остается. Молчи! Он не служит тебе, он еще не успел дать клятву, все знают! Иди попрощайся с товарищем. А даст судьба, свидитесь еще.

Легкие, желудок, гортань Илии горели от боли, страха и ярости. Пылало его лицо, а изо рта валил пар даже в палатке с чугунной печью. Он вовсе не собирался скрывать, чего ему стоит молчать, стоять и говорить: «Есть, сэр». Он вышел на морозный воздух и втянул его так, чтобы холод немного остудил огонь внутри. Пошел первый снег. Невесомые пушистые снежинки припорошили землю, плечи и волосы Тристана. Он все слышал. И он зачем-то сказал: «Нормально». Илия пронесся мимо, как вьюга. У окопов они остановились. Илию била крупная дрожь, он признался:

– Мне стыдно.

– Да. Это тоже нормально.

Они домчались до блиндажа, осыпаемые жалящими вопросами однополчан. Илия беспардонно выгнал наружу одного из солдат. «Они не имеют права», и «нет, нет, нет», и «не успокоюсь». Тристан монотонно собирал его вещи, которые Илия лихорадочно выдирает у него из рук и бросал на койку. А Тристан снова собирал. На третий раз он пообещал: «Еще раз так сделаешь, и я тебе врежу. У тебя истерика». В подземной темноте Илия шарил глазами в поисках спасения. Наконец его взгляд зацепился за перевязь на постели Тристана.

– Пальеры обязаны держать обещания, верно? – спросил он, глаз не отводя от поблескивающей рукояти.

– Пожалуйста, не выдумывай сейчас глупостей.

– Ты дал мне слово...

– Илия, хватит! – Тристан впервые на его памяти повисил голос вне боя. – Знаю, что ты чувствуешь, и сожалею. Но мне плохо, мне очень плохо. Пожалуйста, заткнись.

Но Илия не обращал внимания на его просьбы. Он пер с завидной уверенностью:

– Ты дал мне слово, что принесешь присягу, когда я попрошу.

Тристан замер с охапкой вещей. Молчал, смотрел на него.

– Я прошу сейчас, – закончил Илия.

Рыцарь не реагировал еще минуту, а потом оборвал молчание.

– Зачем? Если мне суждено выжить и служить тебе, я и так это сделаю. Давай без сантиментов. Собирайся.

– В уставе есть параграф об Ордене. Рыцарь не может ослушаться сюзерена, и командование не вправе требовать от него нарушение клятвы.

– Ловко придумал, только это правило обычно не так работает. Пальеры клянутся в верности королю. А он главнокомандующий. Ты пока не король. И не главнокомандующий.

– В параграфе сказано...

– Пошел ты со своим параграфом! Это. Не так. Работает, – отчеканил Тристан.

– Я плевать хотел, как это работает. Бери свой меч и выметайся из вонючего блиндажа. Присягать будешь при свидетелях, чтобы ни одна крыса не могла прикопаться, – скомандовал Илия, тыча в сторону выхода перевязью с ножнами.

На выходе он бросил их в Тристана и покинул душную землянку. Все лица здесь обернулись к нему. Он услышал, как рыцарь вышел следом и встал за плечом. Илия даже ощутил жар, исходящий от него. Он пробрался в центр, на перекресток и дождался, пока вокруг него соберутся солдаты. И тогда заговорил:

– Я знаю, о чем все думают. В генштабе приняли решение отправить меня в тыл с передовыми частями, а полк оставить прикрывать отступление. Я не намерен вас бросать. И капрал Трувер останется со мной. А чтобы не нашлось желающих этому помешать, он сейчас даст мне клятву верности. И когда капитан вас спросит, с какой собачьей радости Гавел раскомандовался, вы ему расскажете, что увидели здесь.

Бойцы зашумели. Были недовольные, но большинство смирились с участью, насколько это было возможно, и были рады услышать хоть что-то новое, что вселяло иллюзию спасения. Тристан встал напротив и тихо бросил под ноги Илии: «Пижон». Он обнажил меч и опустился на одно колено. Когда он выкрикивал слова присяги, клубы пара окутывали его, словно тепла в нем было еще больше, чем терпения. Невесомые хлопья снега вихрились над ними и таяли, опускаясь на кожу.

– Я, сэра Тристан Трувер, рыцарь Ордена пальеров, здесь, сейчас веряю тебе, Илия Гавел, свои тело, знания, умения и этот меч.

Клянусь, что не сыщу себе другого господина и не вручу другому свою верность. Если принимаешь мою службу сейчас, назови меня своим рыцарем.

– Я, Илия Гавел, принимаю твою службу, сэр Трувер. Поднимись, теперь ты мой рыцарь, – подкрепляя слова, Илия снял с пальца перстень-печатку, единственное украшение, что носил, и протянул Тристану.

Он готовился вручить ему на присягу пояс с позолоченными пряжками и набойками, но изготовленный на заказ пояс остался дома, а в окопах не нашлось ничего ценнее. По традиции господин обязан одарить нового вассала.

– Гавел!!! – взревел у них над головами капитан. – Что ты здесь устроил?! Быстро взял личное оружие и пошел за мной.

Илия грозно посмотрел на него исподлобья. Благо это было несложно: сапоги капитана были выше уровня глаз. Траншеи сплетались в сложный полуподземный город, и они были ближе всего к лагерю на опушке леса.

– Ты оглох?! Быстро поднялся!

Солдаты вокруг него сгрудились.

– Враг наступает, будет здесь в любую минуту, а ты митинг устроил...

– Это не митинг. Я остаюсь.

Капитан ушел. Вернулся с генералом Лореттом. И вот герцог церемониться не стал. Он направил пистолет на Илию. В окопах зашептались.

– Так, младший лейтенант, ты сейчас возьмешь себя в руки и выйдешь ко мне. И пойдешь за мной.

– Вы не выстрелите.

– Я выстрелю тебе в ногу. И ты поедешь в госпиталь.

Илия закрыл глаза. Было тихо. Снежинки щекотали веки. Он слышал, как генерал взвел курок. А когда Илия открыл глаза, увидел, что бойцы снимали каски и выстроились в живой коридор, ведущий к лестнице под ноги генерала Лоретта.

– Забирай своего адъютанта и поднимайтесь живо, – четко и спокойно приказал герцог.

Оба выполнили приказ. Генерал велел им сдать оружие и ремни, а капитану проследить, чтобы в деревне их отвели в карцер. В машине

они ехали как раз с кавалеристами, и Гаро с Оркелузом бросали многозначительные взгляды на их неподпоясанные кители. Они успели отъехать на относительно безопасное расстояние, как маршрут изменили. Мост через Вальтеру подорвали диверсанты еще утром, с первыми обозами отступающего авангарда. Река бежала, живая и полноводная, она даже не думала замерзнуть. Пришлось идти вдоль нее на запад до старого моста. Через час пути показались первые брошенные позиции. Кто-то из младших командиров тоном экскурсовода сообщил, что часть из них осталась еще с Последней войны. И чем западнее продвигалась колонна, тем более болотистой становилась местность. Телеги и прицепы застревали в оврагах. Когда мотор увязшей в грязи машины заглох и парни высыпали наружу, чтобы вытолкнуть кузов, позади и севернее стали доноситься звуки далекого боя: работала артиллерия. Было тоскливо. А когда бой утих, стало еще и страшно. Из начала колонны прибежал посыльный. Капитан читал записку, нахмурившись. Потом подошел к командиру кавалерийского полка. Высокий усатый мужчина с великолепной выправкой коротко кивнул ему и громогласно прорычал:

– Эскадрон, стройся!

Драгуны построились в две шеренги за несколько секунд. Илия оценил муштру – пехотинцы были не так расторопны.

– Слушай мою команду: забрать коней из обоза, седлать и верхом сопровождать младшего лейтенанта Гавела до конца дирекции. Не возвращаться и не останавливаться. Лейтенант Паветт, на всех постах будете показывать эту бумагу, – он вручил Гаро свернутый лист.

Илии и Тристану вернули ремни, портупей и оружие. Тристан первым делом отобрал у капитана из рук меч. Им привели двух лошадей. Все драгуны были экипированы клинковым оружием: пальеры – личными мечами, все прочие – саблями и палашами. Илия почувствовал себя ущемленно, осознав, что единственный остался только с винтовкой, штыком и саперной лопаткой. Даже отцовский кортик забыл в вещмешке. Они двигались быстро, а когда обогнали начало колонны, Илия подъехал к Гаро.

– Что в письме? – кивнул он на его нагрудный карман.

– Еще не смотрел. Думаю, просто приказ о том, чтобы нас пропустили. Хочешь увидеть?

– Когда будешь показывать его постовому.

Земля сменилась болотами с утопшей в ней техникой, пролежавшей в застоявшейся воде тридцать шесть лет. Смеркалось. Душок стоял отвратительный. В сумерках эхо войны выглядело зловеще. Останки машин торчали наравне с древесными корягами и плавали в мутной воде. Кони бесились, копыта соскальзывали в ямы. Тристан угрюмо спросил: «Как же остальные пройдут топи?» Мимо пролетели три эскалотских истребителя. Закрывающим ехал Оркелуз, он нагнал первых.

– Прислушайтесь, сзади завязался бой!

Все притихли, только кони устало ржали под седоками. Слова Оркелуза подтвердились далекими отзвуками.

– Будем надеяться, это наши артиллерия и авиация работают по наступающим, – постарался успокоить всех Илия.

– А если колонна?.. – предположил один из драгунов.

– Думать не хочу, – оборвал его Гаро.

Конница ускорила, насколько это было возможно. Впереди среди кочек показалась ржавая махина. Тристан подскакал к великану.

– Это танк?

– Да. Первый из танков, – почтительно произнес Тристан. – «Ужас».

– Да чего ужас-то? Неплохо сохранился, – слышалось в рядах. От Илии не ускользнуло, с каким восхищением Тристан смотрел на танк.

– Вот олух! Это название, – назидательно поправил Оркелуз и приложил руку к козырьку, когда поравнялся с техникой. – Их было два – «Ужас» и «Восторг».

Кавалеристы с интересом озирались на ржавый валун, когда проезжали мимо, а пальеры без лишнего пафоса выполняли воинское приветствие. Илия остановился возле Тристана. Рыцарь не сводил глаз с дула, на котором виднелись остатки потрескавшихся букв.

– Он прав, их было двое. Танки-близнецы. Его сестра стоит в музее Пальеры. Стояла. Ее называли «Восторг», – поведал Тристан. – Она была меньше брата и шла следом. В конце войны ее смогли отогнать, даже поставили на ход. А «Ужас» оказался слишком грузным, неповоротливым и чересчур потрепанным. Его ничем не смогли вытащить с болот. Мы много раз читали его историю, а

ветераны вспоминали этих чудовищ с благодарностью. Близнецы перевернули исход битвы и, как говорят, всей войны.

Он благоговейно скользнул взглядом по шасси и слетевшей гусенице. Звуки далекой битвы усилились, и пролетевшие еще два союзных самолета подстегнули эскадру. «Расщедрились они на авиацию. Видно, плохи дела». Гаро поторопил их. Истребители шли на разворот, бой приближался.

– Не успеем, даже если доберемся до почвы, – разъяренно произнес Оркелуз.

– Скачите вперед, я в замо́к, – бросил Тристан, спешился и привязал коня к трухлявой ветке.

– «Скачите»? Такое слово выбрал? – язвительно спросил Оркелуз.

Драгуны двигались вперед. Гаро потребовал: «Илия, я не могу тебя оставить в замке. Поехали». Тристан обернулся к нему и выразительно посмотрел. За полтора года они научились общаться безмолвно. Он всем видом выражал – знает, что делает. Через силу Илия заставил себя потянуть за узду и развернул коня.

Они шли еще долго. Ночь наступила раньше, чем возник первый пост. А за ним показался и укрепленный старый мостик через Вальтеру. Тристан нагнал их, живой и невредимый, уже у заставы. Он вновь одним взглядом сказал Илии: «Поговорим об этом позже».

В деревне обосновался штаб, и там же Илия встретился глазами с генералом Лореттом. Скрываться было поздно, тот заметил преемника издали. Они буравили друг друга взглядами пару минут так, словно стрелялись на дуэли, и герцог покачал головой и поджал губы. У него был вид разочарованного старика. Илия приблизился вместе с Тристаном. Они демонстративно сняли ремни и протянули оружие его сопровождению. На людном переулке их экспрессивную мизансцену наблюдало множество зевак. Герцог, конечно, предпочел бы избежать гласности и планировал закрыть глаза на наказание. Но Илия оставил свой полк и теперь жаждал мести тому, до кого мог дотянуться. Под карцер отвели старый участок местной жандармерии. Удивительно, но, несмотря на отступление, бои, диверсию с мостом и множество происшествий последних суток, на гауптвахте было пусто. Отличились только Илия с Тристаном и были рады, что смогут поговорить наедине. Разговор зрел и рос в них долго, и сейчас грозился осыпаться лепестками на ледяной камень. В окопах всегда

окружают лишние уши. Бывшая тюрьма стала местом долгожданного уединения.

– Не думай, что тебе удастся смолчать о танке.

– Я и не думаю, – передернул погонами Тристан, от нахлынувших воспоминаний по его рукам побежали мурашки. – Едва ты выйдешь из камеры, ты услышишь много интересного. И ради тебя и Истины, лучше знать, что отвечать на вопросы.

С потолка методично капало в центр камеры. Снаружи доносились звуки оживленных улиц, забитых солдатами. Илия вопросительно посмотрел на Тристана.

– Раз я теперь отдал тебе свою жизнь и верность, самое время узнать про мой дар. Я умею оживлять предметы.

Он отрапортовал заявление как доклад: логично и беспринципно. Я умею оживлять предметы, мол, и нечего тут поделывать.

– Например? – хрипло выдавил из себя Илия.

– Не все предметы. Только те, что имеют человекоподобный образ. В детстве у меня была кукла, сшитая из материнской юбки. А у меня от родителей ничего не осталось, я так эту игрушку любил, что однажды оживил ее, и даже не понял как.

– А ты уверен, что не заигрался, что тебе не показалось? – тактично уточнил Илия, но интонация все равно выдала в нем махрового скептика.

– Уверен. Потому что потом я оживил истукана, который стоял в лесу несколько сотен лет.

– Ясно.

– А потом встретил провидицу – фею. Я говорил тебе, что она одарила меня предсказанием о службе великому королю древности.

– Фею, говоришь...

– Перестань немедленно! – потребовал Тристан. – Я не шучу, я не чокнутый, это не нервное. Ронсенваль – моя Ронсенваль, о которой я тебе говорил, тоже была феей.

Илия беспардонно ткнул указательным пальцем в его нарукавную повязку.

– Она – фея?!

– Она – фея, – спокойно подтвердил Тристан. – И еще я принес ей клятву верности, как своей даме. Так что мой лимит присяг, знаешь, исчерпан.

– Но она же умерла, – не понял Илия. Он знал, что пальер может служить Ордену, сюзерену и Даме Сердца.

– Да, но... Как бы тебе объяснить.

– А ты не скупись на подробности. Я, глядишь, еще пойму, – пообещал Илия. – Это она? В твоём рукаве дух Ронсенваль? Я видел, как ты ей что-то нашептываешь.

– Она не дух. Скорее намерение.

– Это как? – не мог разобраться Илия.

– Я не слышу ее голоса, она не говорит со мной. Я не вижу ее во снах. Мне не является ничего такого, что дикари называют душою. Но я будто бы всегда знаю, чего бы она желала, какой бы совет дала, от чего бы отговорила, это знание меня ведет. Оно твердое и незыблемое. Намерение. Понимаешь?

В тишине трижды капнуло прежде, чем Илия посмотрел на свои пальцы, словно что-то по ним подсчитывал. Он потряс головой.

– Стой. А почему те вещи говорили с тобой, а повязка нет?

– Я совсем не умею пользоваться моим даром. Все узнаю наобум. Ситцевый рыцарь, моя кукла, и Рошан, точнее его деревянный идол, ходили, говорили не только со мной – со всеми. Самостоятельно принимали решения. А Ронсенваль я не оживлял. Это просто такое немое благословение, которое поддерживает меня. А танк...

Илия отпрянул. Просто отъехал от него по полу к решетке. Он судорожно замотал головой. Наотрез отказывался верить и даже слышать то, что Тристан собирался произнести. Илия вцепился пальцами в решетку за спиной и почти завопил:

– Ты контуженый вернулся, что ли? Нет! Я сказал, нет! Я сейчас позову медика, пусть осмотрит...

– Хочешь отрицать – отрицай! – обиделся Тристан. – Я говорю с тобой честно. Выйдем наружу, ты услышишь эту байку от каждого, кто шел за нами. И либо ты будешь готов распорядиться информацией, либо продолжишь игнорировать правду!

Они молчали и дулись друг на друга. Кап, кап, кап. Кап. Илия глянул на рыцаря. Кап.

– Я смирился. Говори.

– Все пальеры знают биографию танков-близнецов. Их почитают, как живых героев. Во мне уже было воспитано к нему чувство уважения, я знал его имя, его историю, я видел перед глазами его

образ. Как у человека, у старого ветерана из пансионата Пальеры. Идея пришла сама собой, я не был уверен, что сработает, и не мог вас задерживать. Но нагнал вас очень быстро. Я уже успел послушать разговоры в ставке. «Ужас» наступал и прикрывал колонну до последнего. Как много лет назад, он обратил врага в бегство одним своим видом. Наши сначала не поняли, что за экипаж завел этот антиквариат. Кнудцы обстреливали его из разных калибров, противотанковыми снарядами. А когда он шел на них весь в огне без шасси, почти хромал и стрелял не пойми чем... – Тристан почти трубил о триумфе «Ужаса» и размашисто жестикулировал. Он был полон гордости за свое детище. – Он посеял панику, и наши успели скрыться в тумане болот.

Тристан замер, будто с невидимым мечом в руке, глаза блестели от радости. Илия помалкивал, чтобы с губ не сорвались неуместные эпитеты.

– Звучит очень...

– Сказочно?

– Сказочно. Да, хорошее определение.

– Начиная с фей или только про танк? – теперь Тристан над ним подтрунивал.

– Ты насмехаешься? Это все шутка?

– Нет, – он резко посерьезнел и сжал лавандовую повязку. – Я клянусь тебе памятью Ронсенваль.

– Я понял. Прости. Тебе больше не нужно мне доказывать правдивость слов. Ты поклялся однажды, и у меня нет поводов в тебе сомневаться. Я просто не справился с потоком излиятий про кукол, предсказательниц и ржавых ветеранов.

– Согласен. У меня есть просьба, – осторожно обратился Тристан и дождался, пока Илия кивнет. – Возьми это на себя.

– Прости?

– Подожди пару часов и увидишь тут шайку агнологов, которые заладят про чудесное. А у нас из этой категории официально представлен только ты. Во всем Эскалоте, – напомнил Тристан. – Мне нельзя раскрыться перед ними окончательно. Мои родители работали с корпорацией и погибли в пожаре в один день. И обстоятельств я не знаю. У меня нет ни единого повода доверять этим людям.

– Это подвиг – то, что ты сделал. Из разряда чудес, но подвиг.

– Я знаю, но это неважно. Помоги мне.

Взять на себя чужое деяние – тоже подвиг, особенно когда от тебя только их и ждут последние полтора года. Поднять и отправить в бой подбитую прогнившую технику силой мысли – это планка, которой будет очень сложно соответствовать впредь. Скрипя зубами, Илия согласился ради Тристана. Он совсем не хотел, чтобы с его другом, верным рыцарем, оживляющим старые вещи, случилась беда. Они просидели в покое карцера два дня, за которые успели обрасти мифами. Командование балансировало на грани: сохранить моральный облик преемника и не дать слабинку в тяжелой обстановке. Агнологи суетились вокруг штаба, как пчелы на сотах. В стане врага лютовали. Было понятно, Великий кесарь напуган, и только Кнут внутри его сохраняет спокойствие.

Глава V

Мраморное крошево

*Я не участвую в войне —
Она участвует во мне.*

*Юрий Левитанский, Ну что с того, что я
там был...*

Мороз заковал вечно проливающуюся с неба воду в лед, такой прекрасный, если с ним не соприкоснуться. Кампани, деревню-гарнизон, удерживали без особого труда, да и враг, заняв окопный городок, унял прыть. Только на подступах порой огрызались ленивые диверсанты. Старый фронт снова замер в стагнации, однако теперь эскалотцам довелось зимовать в домах, а не блиндажах. Сравнительный комфорт, казалось, унял революционные всплески после отступления и гибели 12-го пехотного полка, принесенного в жертву прожорливой артиллерии Кнуда. Когда Илия вышел из карцера, он получил приказ о переводе его с Тристаном в кавалерию. Несмотря на назначение, коня и палаш ему так и не выдали. Впрочем, весь эскадрон отсиживался в Кампани вместе с ним. Драгуны, что рыцари, что младшие офицеры, оказались все, как на подбор, дворянского происхождения. Илия понимал, что из-за их лояльности его и причислили к полку. Хотя жаловался Тристану, что считает это неверным.

— Это опасно и неправильно, — увещевал он профессорским тоном. — Зачем сблизать меня с привилегированным меньшинством, если большинство — вот оно, ходит с нами по одной деревне, спит в одних домах? Отправляя меня в армию, они наставляли меня: «Давайте, младший лейтенант Гавел, сыщите себе любовь простого люда, сражаясь плечом к плечу с солдатами». План звучал отлично, а вот его реализацию похерили еще на этапе распределения меня на «межевой фронт». Вот что все видят? Как одних бросают подыхать, а мою шкуру спасают в первую очередь? Как командование не отпускает

меня дальше первого поста? Как меня окружили детьми из благородных семей, которым дали тайком приказ не оставлять меня одного?

– Это нормально, Илия. Так поступали все наследники, – успокоил его Тристан.

– Я не наследник. Вспомни первые плакаты... Лицемерные популисты! Они дали всем ложные надежды и подписали их моим именем. Я и сам сыпал обещания горстями – чего стоит только мое заверение остаться с нашим полком. Не знаю, что хуже: что я поджал хвост, когда Лоретт взял меня на прицел, или что нет свидетелей моего позора, кроме тебя, герцога и капитана.

Он запустил пальцы в волосы, а потом спрятал лицо в ладони. Илия линчевал себя только при Тристане. А тот утешал, говорил, что сдержи он слово, лучше от этого никому бы не стало.

Неуместное заигрывание с народом привело к первым забастовкам. Но генерал Лоретт разогнал бунтовщиков. Кто-то посчитал, что он поступил мягко и его слабость дала нежелательные плоды. В столице начались первые демонстрации. Герцог отбыл подавлять волнения. Было бы не критично, но бастовал оружейный завод. На Старом фронте стало недоставать патронов, основные поставки отправляли на Север. Дошло до того, что солдатам выдавали патроны прямо перед дежурством и вылазками.

Удивительно, но тыл и фронт запевали всегда в унисон. Стоило одному начать фальшивить, как второй тянул мелодию вкривь. Солдаты задирали младших офицеров, драгуны и асы обосновались вместе даже в столовой, не говоря уже о местах для отдыха. В Кампани прибыло подкрепление «черных мундиров» – военной жандармерии. Илия, как мог, старался сглаживать углы: откликнулся на жалобы, передавал просьбы, спускал с рук колкости. Лучше не становилось. Но падение морали и рост разобщенности он предотвращал. Хотя иногда его духа миротворца все же не хватало.

В один из спокойных вечеров преемник и пальеры сидели в бывшем ресторане отеля «Поталь», куда расквартировали командование, эскадрон Илии и авиаторов. Кампани была не просто деревушкой – поблизости находился курорт с минеральными водами. Поэтому приличных заведений здесь было достаточно до того момента, как это уютное место попало в прифронтовую полосу. Сейчас

ресторан отеля отвели под гостиную. В окрестностях продолжили свою работу одна таверна и одна сомнительная забегаловка, куда никто из командования не заглядывал.

В ресторане, неподалеку от опустевшего бара, осталось великолепное старое фортепиано «Беллатриче». Звучание его было превосходным, только соль второй октавы иногда думала, что она соль диэз. Под лаковой крышкой хранились отзвуки богемных салонов тетушек и утренних этюдов младших сестриц – как далеко они остались со своими хлопотами! Иногда постояльцы «Потали» на нем играли. Часто музицировал Илия, хотя каждое выступление предварял извинениями за свой отвратительный навык пианиста. Последний месяц из-за затишья на Старом фронте, наступления на Новом и волнений в тылу верховное командование и часть старших офицеров отбыли. Поэтому молодые ребята позволяли себе играть на почтенном фортепиано не самые почтенные композиции. Впрочем, иные шалости не допускались. В голове каждого засело осознание, в каком положении находится и маленькая Кампани, и большой Эскалот. А еще соседство с пальерами воспитывало даже заядлых кутил. Илия аккомпанировал, а Гаро и несколько парней пели романс:

– Горох, рассыпанный на ее платье,
Рябил у меня в глазах.
Мне было нужно чертить на карте
Планы на важный день.
Она суетливо поставила чашку
На линию где-то в горах.
Потом сказала, что ужин вчерашний,
И ужинать стало лень.

Двери распахнулись, в ресторан вошел Оркелуз. От него пахло морозом через весь зал. Он беспардонно стряс снег с шинели на ковровую дорожку и повесил фуражку на крючке у входа. Он даже немного мурлыкал под нос последние слова вместе с остальными:

– Казалось, гардины криво повешены,
Казалось, мне мало платят.

Напротив сидела лучшая женщина
В ужасно нелепом платье.

Прозвучали аплодисменты. Они всегда хлопали, когда кто-то играл, пел или читал. Оркелуз передернулся.

– Уф, до костей пробрало. Пальцы не чувствую, – он так и остался в перчатках и приложил руки к камину.

– Как там дела?

– Наклюкались, сволочи, – поморщился он. – Противно на улицу выйти. Если так будет продолжаться, разбить нас будет делом плевым! Им надо или в бой, или на виселицу!

– Оркелуз! – возмутился Илия.

– Он прав, хотя и перегнул, – неохотно согласился Гаро. – Если за пьянство не будут отправлять на гауптвахту...

– А толку? – спросил Тристан. – Ты их казармы видел? Не лучше тюрьмы будут. Не больно наказание от рутины отличается. Нам правда нужен бой. Или ротация между двумя фронтами.

– Нет уж, спасибо, – проворчал Оркелуз. – Мы-то трезвые.

– Кому бы только от этого была польза? – горько подметил Илия.

Снаружи раздался женский крик. Все притихли и прислушались. Следом прозвучал игривый смех. По лицу Оркелуза можно было прочесть, что его мутит.

– Это негуманно, но штрафы необходимы, – продолжил Гаро. – Эскалот не в том положении, чтобы позволять себе вольнодумство и слабости. Не можешь быть благодарным за дни тишины – катись на Новый фронт. Там работы хватает.

– Ты ведь тоже с севера? – припомнил Тристан.

– Да, из Сантье.

– Его же взяли неделю назад! – воскликнул шокированный Илия.

– Мама с Лу успели уехать в столицу до начала штурма. Отец командует...

На улице вновь закричала женщина, громче и ближе. Все вскочили с мест, но Оркелуз даже не пошевелился.

– Да сядьте. Это не сестры, – он отмахнулся от шума.

Сестрами они называли медсестер. После бомбардировки Пальерде-Клев многие леди отправились сиделками в госпитали. В этом

порыве была некоторая престижная нотка, и поначалу к ним отнеслись как к дурочкам, которые заскучали в четырех стенах. Но с первых же дней они показали себя с самой лучшей стороны. Присутствие дам на фронте подняло боевой дух армии. Большинство из них приходилось родственницами офицерам. Потом, конечно, объявление Илии проводником Эльфреда и преемником Удильщика усилило патриотизм простых девушек, но до их наплыва за дамами из медсанбатов закрепилось это теплое прозвище – сестры. Поэтому к чувству благодарности медсестрам у ребят прибавлялась и классовая солидарность. Сейчас она больно резанула по Илии, да и другие парни взъелись.

– И что теперь? Не бросать же ее в беде! – пристыдил его Гаро.

– Она же зовет на помощь, – поддержал Тристан и направился к выходу.

Оркелуз устало покачал головой и цыкнул.

– Никого она не зовет. Там две девицы прицепились к солдатской компании. Или они к ним... Неважно. Я их видел. Просто визжат, смеются и привлекают внимание. Вы сейчас высыпете на улицу, как идиоты, они вам скажут, что пошутили. Только перед солдатами выставите себя посмешищем.

– Я лучше буду посмешищем, чем случится дурное, – бросил Гаро у дверей.

– Как знаешь.

Вышли все, кто были в ресторане, кроме циничного рыцаря и задремавшего в кресле аса авиации. Он всегда приходил в начале вечера и засыпал через полчаса. Его не могли разбудить ни песни, ни крики. С этой задачей с трудом бы справилась и сирена воздушной тревоги. Его надо было попросту тормозить. «М-да», – сухо произнес Оркелуз. А через несколько минут все вернулись.

– Вас как будто было больше? – нахмурился Оркелуз и, водя пальцем, словно пересчитал ребят. – Где еще двое – пали в битве за честь прекрасных деревенских леди?

– Сноб, – беззлобно буркнул Тристан.

– Да, – с гордостью подтвердил Оркелуз. – Так где?

– Пошли провожать девушек домой. Может, все было, как ты говоришь, только танкисты явно позволили себе лишнее.

– Они разве танкисты?

– Один точно, – заверил Илия. – Из экипажа «Волчицы». Постоянно скандалит. Десяток раз уже приставал ко мне со своими расспросами и шуточками насчет «Ужаса». Думает, я – фокусник, и требует показать...

– Да пошел он, – прошипел Тристан, недовольный тем, что Илия раньше с ним не делился.

Вечер продолжался без музыки, и половина парней ушли спать. А через полчаса в двери забарабанили. Возмущенный Гаро выругался, что кого-то принесло в полночь и, если там не что-то действительно важное, он лично отправит наглеца в карцер. «Какой серьезный старший лейтенант, вы посмотрите», – Оркелуз изобразил кудахтанье, за что получил от Гаро щелчок в лоб по дороге. Тристан умилился и сказал, что с годами ничего не меняется. В дверном проеме показался тот самый танкист и еще несколько красных носов. Гаро заглянул за плечи впереди стоящего и прикинул, сколько посетителей возникло на пороге отеля.

– Командир, нам бы, это, переговорить, что ли, – нагло вато заявил танкист вместо приветствия.

– Вот шельма! Только скажи мне сейчас, что вы посреди ночи митинговать собрались, я вам устрою взбучку! – рявкнул Гаро.

Тристан и Оркелуз вытянули лица от удивления, но тут же усмехнулись.

– Не, митинговать – не, – он слегка пошатнулся и едва переступил порог. – Командир, ты неправ.

– Чего?! – послышалось в дверях.

Илия видел только затылок Гаро Паветта, но готов был поклясться, что тот покраснел от ярости. Даже его шея покрылась пятнами.

– Не, ты не подумай. Я без претензии. Как бы. Понимаешь, как бы? Но...

– Отставить мямлить. Почему шляетесь после комендантского часа?

– Командир, мы как бы шли спать. Не одни шли, ну, вы видели. И мы бы ушли уже. Как бы некрасиво было уводить девушек.

Из прихожей послышалось: «Да что ты мычишь там, му, пруж?! Франта на улицу, и пускай разберется как мужик». Тристан и Илия подскочили со своих мест, Оркелуз уже стоял возле выхода.

– Кто там такой отважный? – крикнул он, вытягивая шею. – Может, тебе еще дуэль с секундантами организовать? Не много себе придумал?

– Подожди, – отодвинул его Гаро. – Вы сюда кулаки чесать пришли? Ты получишь драку, рядовой. Только закончится она вот чем: я тебя и всех инициаторов нарушения скручу и отведу в карцер. Утром составлю рапорт. И меру наказания тебе озвучат уже без моего участия. Жалеть-то не будешь?

– А, ты прям войну мне устраиваешь? – осмелел танкист. – В окно глянь.

Илия протер тыльной стороной ладони подтаявший иней. У входа в отель стояло еще человек тридцать. И, не дожидаясь конца перепалки, из первого ряда кто-то бросил камень. Осколки окна разлетелись у ног Илии. «Подъем! Тревога!» Гаро схватил танкиста за грудки, врезал ему в нос и вышвырнул за порог, закрыв за ним двери. Оркелуз сорвал с шеи Гаро свисток и дунул в него несколько раз. Кто-то из драгунов заколошматил кочергой по батарее. Илия выхватил пистолет, Тристан – меч. Через мгновение к нему присоединились остальные пальеры. Сверху послышался топот: просыпались и спускались расквартированные в отеле. Кто-то выбегал в исподнем и с клинком, кто-то успевал накинуть халат и зарядить немногие патроны в пистолеты и винтовки.

– Как думаете, что с жандармами? Надо поднять тревогу, – предложил Оркелуз озираясь.

– А какие у нас гарантии, что другие солдаты не присоединятся к ним? – кивнул Тристан в сторону новых битых стекол.

– Жандармы, артиллеристы, медики, связисты точно не присоединятся, – прикинул Илия. – Но нам нельзя доводить до мятежа.

– А, то есть сейчас они послушны? – ерничал Оркелуз.

В окно полетели зажигательные смеси. Запалился текстиль. Гаро крикнул Илии, чтобы тот поспешил встать в центр и не высовывался.

– Нет! – заартачился он.

Но Оркелуз просто схватил его за лацкан и толкнул к себе за спину, а Тристан вышел вперед обоих. Ас, который проснулся после первой тревоги, наставил револьвер на дверь. В окна полезли самые дерзкие из бунтовщиков. Драгуны поначалу старались их просто вырубить или спугнуть, но из-за этой неуверенности их и теснили.

«Надо перестать их жалеть!» – крикнул кто-то в перепалке, и стало понятно, что до сих пор обе стороны дрались без остервенения. А потом кто-то сорвался первым и потянул в пучину ярости остальных.

К ужасу Илии, бунтовщиков становилось все больше, и они втрое превысили количество его союзников. Обороняющиеся договорились, что разделятся и часть из них прорвется наружу, чтобы позвать на помощь. Когда в гостиной осталось вдвое меньше офицеров, сдерживать натиск стало невозможным. Бунтовщики загнали их в помещения для персонала за баром. Гаро с асом забаррикадировали дверь. Из подсобки со стеллажами не было другого выхода. Поначалу раздавался глухой стук – двери были крепкими и выбить их не получалось. А потом прогремел ужасающий звук: словно великан бил ногой в последнюю преграду, и удар сопровождался гроыхающим фальшивым аккордом множества нот. Они использовали их прекрасное «Беллатриче» в качестве тарана. Неясно, что было мучительнее: ждать, когда они прорвутся, или слышать звук, от которого кровь стыла. Дисгармония клавишного хора деморализовала. Илия не выдержал первым и зажал уши руками, сжав локти так плотно, будто надеялся раздавить свой череп. Он покраснел и сдавленно завыл, словно надеялся воплем прогнать прочие звуки.

Илия очнулся от ступора, когда кто-то его тормошил. Конечно, это был Тристан. Толчки тарана прекратились. Снаружи все стихало, а мятеж словно перекачивался наружу или вовсе сходил на нет. Гаро жестом показал всем ждать его команды, а сам высунулся в зал. И позвал всех за собой. Жандармерия и другие силы, подавляющие бунт, подоспели в «Поталь» вовремя. Илия прошел мимо измученного фортепиано.

Наутро на площадь вывели часть арестованных бойцов. Всего насчитали сто девятнадцать участников ночного мятежа. Большинство из них сидели запертыми в карцерах. За Илией пришел посыльный и сообщил, что его ждут на военно-полевом суде над семнадцатью зачинщиками.

– Есть ли жертвы вчерашней стычки? – спросил Илия.

– Двое драгунов, которые пошли провожать девушек, получили сильные побои, но живы, – доложил Тристан. – В отеле пострадало несколько человек с обеих сторон, но раны терпимые. Почти всех даже из госпиталя отпустили. Кого-то прямоком за решетку.

– А местные?

– Успели попрятаться. Больше всех досталось нашей «Беллатриче», – хмыкнул Тристан.

Суд по законам военного времени был публичным и безапелляционным. Ни адвоката, ни гражданских прав. Илия опешил, когда узнал, что судить поручено ему: через толпу зевак прорвался штабной с криком: «Депеша от Его Величества!» – Норманн II пожелал возложить на плечи Илии его первое сложное решение. Илия с печалью в глазах еще раз взглянул на телеграмму и устало помахал ею перед бунтарями.

– Кто-то из вас желает высказаться в свое оправдание? – сурово спросил он.

Ему совсем не нравилась перспектива вершить чужие судьбы так жестко, как того предполагала обстановка. Про себя он молил стоящих напротив мужчин, каждый из которых был старше его лет на семь, не меньше, раскаяться и просить помилования. Танкист из экипажа «Волчицы» поднял побитое лицо с синяками и опухшим носом и проговорил: «Я хочу». Илия кивнул. Танкист сделал шаг вперед, руки его были связаны за спиной.

– Господин лейтенант, вы вот с вашими друзьями можете объяснить, что вы тут делаете? Я вот не могу сказать, что знаю, чем вы вообще тут занимаетесь. Потому что ничем! Забыли, когда работали. Мы как бы ходим с тремя патронами на пятерых в разведку боем, как бы, пока вы устраиваете салонные посиделки со стишками. Вольно вам? Ваши самолеты уже как бы примерзли к ангарам. А ваших кобыл надо на мясо пустить – больше пользы принесут, – он смачно сплюнул на снег. – Вы судить меня собрались, расстреливать? Стреляйте! Чего там – стреляйте!

Позади него соучастники выражали самые разные эмоции: кто-то кивал, кто-то трясся от страха, кто-то гордо вздымал подбородок, кто-то едва не плакал от безысходности.

– Ясно, – коротко бросил Илия. – Все? – он не дождался ответа и продолжил, громко обращаясь ко всем людям на площади. – Я уверен, есть согласные с его мнением. И я должен вынести приговор... Вчера большинство бунтовщиков были пьяны. И ночью я думал, что пьянство следует за прочими бедами. Нет ничего хуже горя, помноженного на безделье. Полагаю, стоит исправить изначальную

ошибку. Если вы не знаете, что делать здесь, если вам нужно больше патронов и причин воевать, то у меня есть для вас наказание, которое иные получили ни за что. Все зачинщики восстания и их пособники отправляются на Новый фронт. А если есть несогласные, то можете объявить себя сейчас дезертирами.

По толпе пробежался шепоток. Танкист оскалился и заявил: «Ну, предположим, я – дезертир». Лейтенант Гавел спросил, кто еще. Вперед шагнул один солдат, поравнявшись с танкистом. Илия скорбно взглянул на них и выдохнул уверенное, но тихое: «Расстрелять». Приговоренных увели.

После этого естественное, но нелогичное чувство вины висело за спиной Илии вещмешком с ненужным грузом. Никто больше его не винил: лучшее решение из возможных. Лейтенант не знал, как отплатить Эскалоту за две оборванные им жизни. Убивать врага было проще. Его осунувшееся лицо и виноватый вид замечали все, и все они – офицеры, солдаты, деревенские жители – торопились сообщить ему, что он прав. Молодец. Нужно держаться.

Илия пошел в госпиталь, чтобы откупиться от совести, и сдал кровь. Он ходил на эту процедуру с той частотой, с которой допустимо было донорство служащими армии. И регулярные пожертвования крови не добавляли ему румянца на щеках и сил в руках. Следом за ним подтянулся Тристан и некоторые рыцари. Ампулы отправляли на Новый фронт, у которого словно бы появился неофициальный девиз «Там нужнее».

Когда он пришел в пункт приема, медсестра, протиравшая кожу внутренней стороны его локтя спиртом, вдруг предложила: «Знаете, лейтенант Гавел, вы бы могли лично подписывать бутылки с кровью». А когда он вопросительно приподнял бровь, она уточнила: «Чтобы поднять боевой дух солдат. Получить потом пустую ампулу с подписью преемника... Знаете, они бы очень ценили это». Она вставила иглу в его ярко-голубую вену, Илия поморщился. Медсестра распустила жгут, и бордовая струя побежала по трубке. Илия проводил первые капли взглядом и спросил:

– Думаете, человеку, которому совсем недавно требовалось переливание крови, есть дело до моего имени на этикетке?

– Думаю, да, – произнесла она с теплой улыбкой, хотя стеснялась смотреть на лейтенанта. – Когда у вас все получится, а мы это

переживем, я буду рассказывать внукам, что брала кровь у самого Илии I.

Юноша усмехнулся. Слова звучали так многообещающе, что походили на агитку, но в то же время так сладко, что в них хотелось верить: все получится, и мы это переживем. Он согласился, и теперь всякий раз, сдавая кровь, подписывал ампулу пожеланием выздороветь, уцелеть, победить, вернуться домой, увидеть близких, а ниже свое имя. За полгода он отправил шесть посланий.

А потом пришел приказ идти в атаку. И через неделю боев эскалотцы вернули себе окопный городок. Врагов было мало, снарядами и поддержкой с воздуха их тоже не жаловали. И радость этой легкой победы омрачало осознание, где сосредотачивались силы противника и на кого они обрушивались. Илия провел ротацию в эскадроне, отправив на Новый фронт нескольких товарищей и приняв на передышку тех, для кого окопы близ Вальтеры казались истинным отгулом.

Вскоре и их с Тристаном отпустили на побывку в столицу: увидеть близких и отчитаться за успехи перед верховным командованием. Естественно, расписание беспардонно перемешало приоритеты Илии, и он первым делом направился во дворец, едва смыв с себя те следы войны, что могли отмыть вода и мыло. Затем по дороге к Гавелам он все пересказал Тристану.

– Сначала вокруг меня собралось министерство обороны. На них я возлагал большие надежды, но вместо ответов и стратегии получил нелепую похвалу и пустые обещания. Лоретт теперь маршал и постоянно вспоминает, что мы скоро породнимся. В общем-то, его излияния восторгов заняли большую часть совета. Единственное, что я понял, Новый фронт един в своем порыве сражаться до конца. Лоретт говорил о вдохновении, что я им даю, но не думаю, что это дело моих рук. Впрочем, особое расположение я заметил, когда к нам прибыли бойцы с Севера. Я задал тот вопрос агнологам, их глава Объединенной академии наук был сговорчивее и даже приятнее, чем Рокильд, – вот кого я был счастлив сегодня не увидеть: скользкий тип. А академик рассказал, как они работают с институтом агитпропаганды, – все время, что Илия делился новостями, он смотрел в окно, на перчатки, пылинки на брюках, спинку переднего сиденья. – Вопрос, который мучил меня, получил ответ. Они врут, будто мы все знаем, что делаем.

И будто повышенная секретность является едва ли не ритуальной необходимостью. Более того, месяц назад они сменили риторику – перешли от теории к практике. Мол, мы уже реализуем план. Не представляю, как они намерены отчитываться в успехах, потому что мы даже не можем начинать. Не с чего. Но об этом позже.

Он расторопно надел перчатки и достал из планшета бумаги, стал их разбирать на необходимые и на те, что стоило выбросить. В момент неугомонного шуршания Илия был похож на кота, который вылизывался перед приходом гостей старательно и самозабвенно.

– Волнуешься? – спросил Тристан. Вопрос мог быть риторическим, но стал вежливым предложением выговориться о наболевшем.

– Да. Не видел родителей два года. Никогда раньше надолго не расставались. Я очень устал, но хочу еще сегодня навестить Гислен. Она писала мне дважды в месяц, а я отвечал едва ли на каждое пятое письмо.

– Она поймет.

– Не сомневаюсь, она ни разу меня ни в чем не упрекнула. Хотя после мятежа я никому не отправлял письма три месяца.

– Для девушки у нее недюжинное терпение, – насмешливо подметил Тристан.

– Да, поэтому я должен съездить сегодня к Лореттам. Она писала, что всю побывку будет у тетки.

Шофер свернул на дубовую аллею. Илия понял, что они скоро прибудут, и прокашлялся прежде, чем продолжить:

– Встреча с королем была формальной. Норманн умирает. Он не может встать на ноги, не испытывая мук, и больше других ждет от меня действий. Знаешь, все приближенные в мыслях его уже похоронили. И со мной говорили, будто бы я король, а точнее, будто у меня все уже получилось. Он позвал меня для благословения, но думаю, чтобы я увидел воочию, сколько у меня времени. Теперь об этом, – он скомкал ненужные бумаги и отложил на сиденье рядом, а другие листы разложил на планшете. – Агнологи указали точные координаты расположения могилы Эльфреда. Это пещера в горах Раската, за Гормовым перевалом. В теории она откроется только избранному проводнику. На деле ее никто не смог найти. В погребении

хранится меч Лоридаль. Мне должно за ним отправиться сразу же, как я увижу знак.

– Какой знак? – Тристан свел брови и попытался разобраться в бумагах.

– Двенадцать золотых молний, – произнес он с каменным лицом.

Тристан отвернулся, на его скулах заходили желваки, а костяшки пальцев побелели от того, как он сжал кулаки. Илия слышал, как рыцарь сглотнул.

– Лжецы, – процедил он, тяжело дыша, словно бы с каждым выдохом исторгая из тела гнев. – Лицемеры, какие же они лицемеры!

– Я понимаю тебя. Успокойся, – мягко сказал Илия.

– Это нечестно: они потворствовали тому, что случилось с Пальерой. «Двенадцать золотых молний на шести бомбардировщиках», – он едко передразнил деловитую манеру Рокильда. – Сволочи! Они скормили нам байку, которую всем стоило воспринять как злой рок, как нечто неотвратимое, как... пророчество. А это было злодеяние одного человека! Это нечестно!

Он походил на маленького мальчика с этим его «нечестно». Стоило пожалеть его, и Илия пожалел.

– Может, они лгут, утверждая, что Рольф не знал ничего о молниях. Но Кнута он разбудил, выставил его молот в Золотом зале Дроттнинг. Он собрал все атрибуты ритуала и, конечно, не хочет ни с кем делиться подробностями. Может, для каждого из нас есть свой путь.

Они подъехали к воротам. Дворецкий суетился возле них, пропуская во двор машину. Мотор заглох. Тристан дождался, пока шофер Гавелов выйдет наружу, чтобы заняться чемоданами, и пообещал:

– Тогда твой путь будем проходить вместе.

Семья встретила их ожидаемо горячо, засыпая вопросами и хлопоча вокруг обоих ребят, словно Тристан был их вторым сыном. Лесли поддержала идею ехать к герцогине, но вознамерилась собрать всю делегацию Гавелов. Пришлось Илии смириться с ее приткостью. И вот, стоило моргнуть на заднем сиденье машины, как открыть глаза пришлось уже на террасе в усадьбе Лореттов, когда Тристан толкнул Илию в бок. «Твой чай принесли». Чай был лишним, если не считать, что им можно было занять руки и неловкие паузы. Гислен светилась,

хотя в присутствии покровительницы вела себя очень церемонно. Илии почудилось, будто она боится к нему прикоснуться, да и просто побаивается его, хотя он занимал все ее внимание. Они с Илией переглядывались весь вечер. «Неужели дело в том, как я изменился? – терзался он. – Может, я стал угрюм и не по годам измучен, как многие фронтовики?» Он извинился за свой сонный вид. Она сказала, что подождала бы его до завтра, только бы он отдохнул с дороги. «Хотя я бесконечно счастлива тебя видеть». Он знал об этом, и они продолжали смотреть друг на друга, иногда смущая своей пристальностью остальных присутствующих.

– Гислен не теряла времени и приготовила сюрприз! – внезапно воскликнула герцогиня, отставив свою чайную пару на столик рядом. – Верно, дорогая?

– Да, я хотела исполнить, – залепетала она себе под нос от смущения. – Песню. Я знаю, что эта джазовая серенада тебе нравится.

Илия растерялся. Гислен была восхитительна. Возможно, он произнес это вслух и добавил:

– Я тебя недостоин.

Зардевшаяся Гислен прошествовала через террасу к роялю, чинно подняла крышку. Гости окружили инструмент, а герцогиня подошла к окну, чтобы наслаждаться игрой и пением Гислен, поглядывая на свои угодья. Белые руки Гислен вспорхнули с колен на клавиши. Она вступила. По всему телу Илии пробежали ледяные мурашки, словно его окатили водой, словно ему за шиворот бросили снежок. Он не знал, что тело может так отреагировать на звуки музыки – озноб, холодный пот и тремор охватили его одновременно. А еще паника и бесконечное окопное желание спрятаться в утробу блиндажа. Он старался не выдавать своего состояния, но Тристан успел увидеть его бледное лицо и трясущиеся руки. Чашка, скачущая на блюде, аккомпанировала серенаде, а Гислен, ничего не замечая, упивалась мелодией. С каждым аккордом ужас внутри Илии рос. Фарфоровые предметы полетели на кафель и разлетелись вдребезги молочными кусочками у его ног. Гислен остановилась. Он не верил, что может быть так тихо. Пусть так будет всегда. Не дожидаясь вопросов, Илия вылетел прочь в уборную под поспешные объяснения Тристана.

Вода бежала из латунного крана в белую керамическую ракушку. Резная рама вокруг зеркала блестела позолотой. Пахло розовой водой.

Вокруг все было непривычно светлое и опрятное. Хотелось извиняться и мыться до тех пор, пока не получится ощутить на себе чистоту. Но Илия смотрел в зеркало и отражался в парадной форме, он был вымыт и надушен для аудиенции во дворце. Дело было не во внешней чистоте. В дверь кто-то настырно забарабанил. Илия подпрыгнул. Второй звук, который раздражал его не меньше фортепианного, – стук в дверь. Он огрызнулся, что скоро выйдет, и тут же пожалел о грубости.

Прощаться было сложно под жужжание роя насекомых в вечернем саду и причитания двух леди (Гислен шла позади, молчаливая, с виноватым видом, хотя Илия успел ей сказать, чтобы не думала принимать случившееся на свой счет). А дома лорд Гавел оставил жену с ее домыслами и попросил ребят присоединиться к нему в кабинете. В его уединенную берлогу, в которую другие члены семьи почти не заходили, Тристан попал впервые. Позже он поведал Илии свои впечатления – кабинет был похож на аудитории в Пальере. Скромность и порядок царили в нем, чем отличались от прочего дома, над интерьерными изысками которого потрудилась леди Гавел. В самом кабинете они провели меньше часа за серьезным разговором – скорее исповедью, чем наставлением. И Илия не мог вспомнить, когда бы еще он так задушевно общался с отцом, хотя их отношения он всегда считал доверительными и теплыми. Если бы задали написать эссе об услышанном в стенах министерского кабинета, они бы пересказали монолог лорда Гавела – воспоминания о Последней войне.

– Я был вашего возраста, когда меня призвали. Несколько месяцев подготовки, и вот я уже молодой лейтенант, ответственный за многие жизни. Нас было достаточно таких, мы едва из галифе не выпрыгивали от желания быть героями. Спустя несколько боев, первых потерь и трагедий бравада улетучилась, как сорванное знамя. Нам тогда осталась ярость – для боя, и непонимание, как без нее жить, – после боя. Вы спросите, зачем старик нам все рассказывает, мы и сами это пережили? Есть отличие между нашими поколениями, и я ему очень рад. Когда началась война, мы ликовали. Меня, как и всех моих друзей, объявление войны застало в опере. Мы подбрасывали к потолку цилиндры, кружили наших спутниц на руках от восторга, поздравляли друг друга. Война – это грандиозный праздник, думали мы: с лентами,

орденами и цветами, брошенными под копыта коней. А потом мы столкнулись с реальностью. Мы остервенели в первый же год. Подобных войн не было – сражался каждый мужчина на континенте. Половина населения погибла, остальные не знали, что делать в мирной жизни. Это не локальный конфликт, от которого можно было сбежать. Пепелище простерлось везде, черное носил каждый. Я рад, я был так рад, когда увидел, как известие о войне восприняли вы, все вы, молодые ребята. Как трагедию. Нужно быть мудрецом, чтобы знать наперед, и вы оказались мудрее нас. Война – это не праздник, конечно. Но и то и другое традиционное занятие. Если меня однажды попросят описать одним словом... Война – это традиция, единственная, которая объединяет все народы в разные времена. Возможно, это единственное наследие, которое мы никогда не утратим.

Когда он умолк, говорить было уже нечего. У всех троих мужчин был похоронный вид, особенно если брать в расчет парадную форму и опухшие от нехватки сна глаза. Двое из них донесли это траурное молчание до гостиной. И кто-то один уснул раньше, а второй накрыл его одеялом, подтянув его край до эполет.

Лесли взяла лицо Илии в теплые руки. Свет торшера лег на ее волосы, щеки, подбородок, высветлив всякую тень, сделав ее словно бы юной счастливой девушкой. На ее лице была написана надежда – прекрасное материнское чувство. Она сказала:

– Просыпайся, милый! Ты уснул в гостиной, тебе стоит перейти в кровать и переодеться ко сну, чтобы выспаться. Отоспись дома, – мать сжимала подбородок Илии мягко, и голос ее был певуч, словно она не побуждала, а баюкала сына колыбельной. Чтобы уснул ее ребенок, а проснулся герой. Он узнал этот взгляд – именно им его встречали люди в тылу.

Илия ласково убрал ее руки со своего лица и ответил:

– Почему все здесь всматриваются мне в лицо, – голос прошуршал хрипотцой, и он прокашлялся, – в *мое* лицо, но смотрят сквозь меня? Почему я неинтересен настолько, что каждый пытается пробраться внутрь меня и увидеть там короля древности?

Лесли вздохнула и опустила плечи, будто Илия сбросил с себя разочарование, а оно упало на нее неприглядной мотоциклетной курткой, а вовсе не горностаевой мантией, о какой она грезила. Лесли

пропела «милый», но Илия не позволил ей лить в уши опиум. Она весь вечер смотрела на него, как на флаг в руках знаменосца.

– Значит, я не нужен даже тебе, если только не как сосуд для другой личности, более великой и более нужной, чем я. Не хочу умирать в восемнадцать лет, без права на свое тело и похороны!

– Что ты такое говоришь? – встрепелась мама. А Илия едва ли не плакал. Ему одному было жаль себя, никто больше не смотрел на него с состраданием, даже Тристан.

– А если я не хочу уступить мое место тысячелетней тени? Что будет со мной? Никто ведь даже не знает, как это должно произойти. Вдруг я до конца жизни буду ходить с ним в одном теле, без воли, без судьбы? Ты же моя мама! Ты меня родила для такой участи? Мне страшно. Ты даже не знаешь, как мне страшно! – в конце концов Илия заплакал, как маленький. Казалось, он пятилетний мальчик и совсем не хочет идти спать, как того требуется. Потому что он не хочет идти в кровать, и потому что в темной комнате страшно оставаться одному наедине с мрачными фигурами.

Лесли села на диван, она тоже лила слезы. Так часто бывает: дети и матери вместе рыдают, стоит одному из них начать.

– Бедный мой сыночек, конечно, ты боишься, – она причитала, сморкаясь. И ее речь упиралась в белый сатиновый платок, в перчатку, в ладонь. Приглушенное причитание походило на древний обряд плакальщицы. Словно Илия умер, лежит здесь на диване, а она его оплакивает. Он подумал, что дух Эльфреда действительно может разделить с ним его тело. «Никто даже не знает, как это должно произойти». И тогда кошмар будет длиться столько: несколько декад человеческой жизни, проведенной как собственные поминки. Он представил далекие земли, высокие горы, могучие армии, которые ему придется наблюдать перед собой, – и все это величие Илии никак не касалось.

– Мальчик мой, родной, Илюша, – обращение из ее родного языка вернуло Илию в гостиную дома. Она называла его так редко, давно, в самом детстве и шепотом. Стеснялась этой формы имени так же, как и своего настоящего. Лесли продолжила: – Как я измучилась. Я постоянно думала, что можно сделать. Спрятать тебя от всех? Оттянуть день, когда это случится? Я думала, что могу держаться и поддерживать тебя. Ведь тебе нужны силы, чтобы все пройти... чтобы.

Она разревелась. Просто выла в сырую ткань платка. От надрывного женского плача Илия притих. Сел рядом на софу.

– Что мне делать, мама?

– Прожить жизнь так, как тебе хочется. Успеть все сделать... до того, – она повернулась к сыну.

– Ты говоришь со мной так, будто я смертельно болен. – Она помотала головой. – Мне не нужен опиум.

– И у меня нет лекарства. Мне жаль, дорогой, мне так жаль...

– Но я не умираю. И я не болен, – решительно заявил Илия. – Зря я приехал.

Не хотелось хлопать дверьми, собирать в ночи вещи, будить Тристана и сбегать. Дома не должно быть так плохо, чтобы сыновья подумывали отбывать первым поездом на войну. Восемнадцать лет – прекрасный возраст, чтобы сесть на «Рэнк Фрэнк» и уехать, не оставив записки. Роскошь бунта для тех, у кого много времени. Но вдруг у Илии его совсем не оставалось?

Антракт

На улице играл струнный квинтет. Пять музыканток были одеты в мужские концертные костюмы-тройки и фетровые котелки. Привычная картина в тылу: вокруг значительно больше женщин, нежели мужчин. Илию неприятно поражал этот неестественный перевес. Хотя в отпуске он сам чаще встречался с высокопоставленными лицами, подавляющая часть которых были мужчинами, учительницы, продавщицы, экскурсоводы, распорядительницы в кафе и кинотеатрах, машинистки, служащие банка, заводские рабочие – почти все они были женщины.

Илия рос в мире, где его ровесники не знали такой беды. Девушкам всегда находились партнеры для танцев, а шкафы перед раздевалками были поделены поровну между мальчиками и девочками. Правда, когда потребовалось найти гувернера для Илии, это представилось возможным только благодаря рекомендациям друзей министра, и тот учитель оказался молодым. В поколении старше сорока было гораздо больше женщин.

Сейчас, когда Илию почти обманом бывшая преподавательница затащила на вечер встречи выпускников буквально на час, он увидел реальность, настигшую вчерашних школьников. Парней не было. Не явился никто, кроме Илии, и не оттого, что им не нравились сентиментальные мероприятия, а потому, что все они находились на фронте или их уже не было в живых. Илия спросил Стефани, где Роб. Она назвала городок на Новом фронте, поведала, что они поженились в его единственный отпуск, и погладила свой округлившийся живот. Илия сердечно поздравил ее. Рука Стефани с мозолями на верхних фалангах и не отмывающимися чернилами под ногтями, лежащая поверх рассыпанных в мелком узоре маргариток на бежевом платье, показалась далеким маяком простой неприхотливой жизни, мимо которой проплывал Илия. Он мог только взглянуть на свет вдалеке и продолжить свой путь, отягощенный бурями и штормами. «Напиши ему, я поздравляю вас!»

Он сбежал со спонтанного девичника, протиснулся сквозь жернова шуршащих друг о друга юбок в медленных танцах, честно

сославшись на съемки у мадам Поузи. Экстравагантная режиссер была самой знаменитой из кинематографистов на всем Абсолюте. От нее пахло тяжелыми духами, крепкими сигаретами и театральным закулисем. Мадам была одновременно царственной и угловатой. Даже фасоны одежды стремились сохранить и приумножить выразительную геометрию ее фигуры. Грубоватые мещане не любили ее богемный шлейф струящихся тканей и элегантных скандалов настолько же, насколько боготворили ее шедевры. Илия не удивился тому, что биографический фильм о преемнике поручили ее команде.

– Илия Гавел, – пропела она по слогам. – Что же мне с тобой делать?

Она оценивающе рассматривала каждую часть его образа, иногда бесцеремонно одергивая хлястик его ремня или лацканы.

– Министр культуры и просвещения настоятельно подсовывал мне сценарий со взятием окопного городка и... ну, вроде подвигом.

– Фу. Бездарно, – оценила она и поджала губы. – Нет. Людей уже тошнит от войны. Покажем тебя живым человеком.

– Ясно. А как это?

Она делано засмеялась и рассеяла табачный дым перед багряным контуром губ.

– Какой материал! Лепи – не хочу! Да и фактура превосходная. Ладно! Мой драматург пришлет тебе текст вечером. Прочти. И приезжай по указанному на последнем листе адресу завтра к обеду вместе с невестой, моншер, – она затушила сигарету и пошла в сторону выхода.

Еле сдержавшись, чтобы не закашляться, Илия переспросил:

– С Гислен?

– Да, если ты, конечно, не поменял избранницу, ничего нам не сказав, – бросила она, даже не обернувшись.

Наутро шофер привез пару по адресу Лореттов. Сценарий возвращал их в день знакомства. Гислен до дрожи переживала и твердила, что не готова становиться киноактрисой. Илия успокаивал ее тем, что фильм будет документальным. Маленькие розовые бриллианты поблескивали в ее сережках, бросая солнечные точки на скулу по соседству. В перерыве между съемками она надевала шляпу с большими полями, хотя спустя несколько часов ее нос и щеки успели покрыться загаром в тон камешкам в ушах. Мадам Поузи велела

снимать их проходку от крыльца усадьбы и вдоль садовых тропинок. А в лабиринте из живой изгороди нашлась равномерная тень, где Илия и Гислен давали интервью.

– Каковы ваши планы? Естественно, те, что вы можете раскрыть, – озвучил вопрос журналист.

Илия задумался на мгновение и тут же ответил:

– Наверно, такие же, как у всех солдат – вернуться.

– О, это трогательно. Но как же ваша особая миссия? Вы можете что-то рассказать об этом?

– Это часть плана. – Илия задумчиво закусил щеку изнутри, и от этого его лицо напомнило древний памятник. – Я точно не смогу вернуться, если не сделаю все, что должен сделать.

– Чудо поднявшегося в атаку заброшенного танка «Ужас»...

– Без комментариев, – отрезал Илия вежливо, но беспрекословно.

Когда они закончили съемку очередного кадра, где Гислен перечитывает письма Илии с фронта, мадам Поузи громко хлопнула в ладоши, ознаменовав удачный дубль.

– Прекрасно! Снято. Теперь сцена поцелуя: снимаем у фонтана.

И съемочная команда засуетилась, перетаскивая аппаратуру к указанному месту.

– Простите, чьего поцелуя? – спросил Илия, покрутив пальцем в воздухе, словно ища претендентов на исполнение режиссерской задачи.

Мадам Поузи посмотрела на него, как на ребенка, задающего совершенно глупые вопросы с очевидными ответами.

– Полагаю, что вашего с Гислен. Хотя если у вас есть коррективы... – она моментально отвернулась, давая понять, что никаких возражений она не услышит.

Илия взглянул на Гислен. Она полыхала от смущения и умоляла всем видом: «Пожалуйста, только не это!»

– Да! О коррективах: я бы не хотел...

– Целовать свою невесту? – резко развернулась она, и Илия едва не врезался в ее выставленную руку с мундштуком.

– Да. Нет! В смысле не на камеру.

– Вы так мило стесняетесь, моншер, – она оглядела его с ног до головы, а потом бросила взгляд на Гислен. – Вам не стоит быть таким

замкнутым. Народ давно не видел молодость и надежду во дворце. Расскажите им о любви.

– А можно рассказать ртом? – настаивал Илия.

Режиссер усмехнулась, и он мгновенно осознал, что попросил.

– Я имею в виду словами. Обойдемся без пошлости?

В ответ она закатила глаза, а ее подчиненные, невзирая на спор, установили все необходимое на площадке у фонтана.

– Вперед! Встаньте оба здесь, – она указала опустевшим мундштуком на деревянный крестик, брошенный на нужную точку. – Поживее, сейчас будет отличное солнце! Нельзя упустить такой свет! Давайте, Илия, я не должна вас уговаривать. Да, обязательно. Если не хотите, чтобы вас заклеямили сведенными вопреки желанию аристократами.

Илия поглядывал на Гислен. Она нервно выдыхала, а жар ее кожи – не то от спонтанного загара, но скорее от вопиющего предложения, можно было почувствовать, стоя рядом. «Мотор!», и Илия скромно коснулся ее губ. Они отстранились через мгновение. Пролетело четыре одинаково неугодных дубля, солнце порыжело.

– Истина мне свидетель, здесь нет ничего от любви! – бушевала режиссер. – Мы упускаем закат. Вы что, не умеете целоваться?

Илия возразил. Мадам Поузи уверенными шагами подошла к статуе возле фонтана, провела рукой в перчатке по мраморным губам – то ли протирала от пыли, то ли флиртвала с камнем. Она потянулась к неподвижному мужскому лицу и горячо поцеловала. Гислен зарделась и опустила глаза, Илия свои, напротив, вскинул, вперившись в акацию. Когда мадам Поузи отпрянула, на мраморе остался отпечаток ее помады.

– Мне нужно это, – она указала на алый след.

– Мадам, но *это* очень фривольно! – возразил Илия.

– Вы же обручены, – пожала плечами режиссер. – Я сейчас сама ее поцелую, если ты не можешь.

– Нет! – Илия выступил вперед Гислен, словно бы загораживая от беспринципной мадам Поузи, но запоздало понял, что режиссер просто глумилась над их стеснительностью. – Поймите, так не положено. Мы не актеры. Подобный избыток чувств может вызвать осуждение... в наших кругах.

– А их недостаток – в кругах иных. Выбирайте: недовольство меньшинства или большинства.

Она была права. Возможно, Гислен не знала людей так, как Илия, переживший эти три года. Но он должен был принимать решение не один, поэтому спросил тихо и ненастойчиво:

– Гислен, ты не против?

Ее шея покраснела даже через слой пудры. Илия заметил, что девушка покрывалась пятнами, когда нервничала. Но Гислен судорожно помотала головой, выражая согласие. Илия попросил всех, кроме оператора и режиссера, отвернуться. Он прикрыл ее лицо ладонью, словно пряча от назойливого взгляда мадам Поузи, контролирующей столь интимный процесс, и сам постарался забыть о том, что есть две пары глаз и объектив в свидетелях. Он целовал ее с тем же напором, как в алькове, когда сделал ей неуклюжее предложение под покровом непроглядной бархатной шторы. Кожи Илии коснулась прохлада ветра и внезапной тени далеких деревьев – солнце скрылось за кронами. А когда он услышал «стоп! снято!», мимолетно задел губами ее алеющую щеку. Под нахлынувшими едва ли знакомыми ощущениями, он уверенно перехватил ладонь Гислен и потащил ее за собой. Они выбежали из кадра, из сада, из-под взора нескольких человек, которые пытались преследовать их какое-то время. Илия повел ее через задний двор, рассекая развешенное белье на веревках, и вбежал в усадьбу через вход для прислуги. Убедившись, что они остались наедине, он зажал Гислен между собой и деревянным стеллажом. Он оставлял поцелуи на ее веках, ключицах, запястьях и растрепавшихся волосах, а Гислен, поначалу протестовавшая в страхе быть замеченными, улыбалась, и, в конце концов, прильнула к нему сама.

– Я люблю тебя, Гислен! Я так сильно тебя люблю!

– И я. А ты вспоминал меня на фронте? Ты обо мне думал? – в каждом отзвуке ее голоса было слышно, как давно она хотела это спросить.

– Да! Ты и мама – единственные женщины, о ком я там думал, – он тыкался носом в ее руки, и оба они терлись друг о друга, как еще незрячие детеныши животных.

– Я рада! Я так рада, – ничто не мешало ей плакать и смеяться одновременно.

Никто до этого не спрашивал, как сильно она тревожилась о своей для него ценности, а Гислен так хотелось все выплеснуть и чтобы ее успокоили. Из нее рвались жалобы о придирках герцогини, о постоянных насмешках общества, об угрозах, что Илия найдет кого-то живее, кого-то интереснее и обязательно лучше. Девицы за глаза обзывали ее селедкой и холодной воблой, говорила она. А в газетах ее поносили, прозвав пустышкой и амебой. И не нашлось никого, кто бы защитил ее от сомнений.

– Никакая ты не вобла и не амеба! Ты станешь королевой, а им завидно!

– Все надеются, что не стану.

– Только через мой труп, – пошутил Илия и вдруг заметил, как его черный юмор огорчил и перепугал Гислен. – Не бойся, я все сделаю, чтобы ты ею стала.

Он нашел для нее безупречный комплимент. У Гислен были идеальные качества для королевы-консорты: красота, учтивость и верность. За три года войны, заверил Илия, он принял на себя достаточно, что ему на всю жизнь хватит и огня, и страстей, и терзаний. А все, чего ему теперь недостает, есть у Гислен. И, расцветая от его слов, она пообещала поделиться всем, что имеет.

Глава VI

Вдоль пунктира

*А мне костер не страшен,
Пушкой со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!*

Роберт Льюис, Вересковый мед

Знамение о двенадцати золотых молниях застало Илию на Новом фронте, близ Сантье. Малую родину Гаро удалось отбить, но удерживать получалось с трудом. Спустя несколько часов неумных споров и безумных предложений штаб сформулировал четкий план действий. Илие следовало попасть из Сантье к горе Раската, как можно скорее, но не подвергая себя опасности. Напрямую – самый короткий путь сквозь фронтальную зону – ехать следовало шесть дней. На машине к Гормовым холмам и дальше верхом, а потом пешком по горным тропам. Лететь было бы, конечно, быстрее, но опаснее. Противовоздушные орудия Кнуда не спали, как бодрствовал и весь Новый фронт. За короткое время, что длился срочный совет, вражеские позиции укрепились втрое. Идти фронтом было неразумно. Маршал обозначил пунктирной линией прифронтальную границу – на запад через Гормов лес – и маршрут вырос на два с половиной дня. Военная хитрость заключалась в том, что с Илией шел малый отряд, а похожие группы с его двойниками отправляли еще по трем маршрутам. Первые два шли напрямиком к горе и должны были расчистить подножие.

Поэтому сейчас Гаро, Оркелуз, Тристан и Илия оставили машину на том посту, где их уже ждали лошади. Позади остались два дня пути, впереди ждала изнуряющая неделя езды верхом. Следующий пост встречал их на развилке к Пальер-де-Клев и к Гормовым холмам. На удивление дорога все это время была спокойной: ни засад, ни диверсий. На одном из привалов парни окончательно расслабились, и Илия спросил:

– Хочу задать вопрос вам всем, – он говорил осторожно, предлагаемая тема казалась скользкой, такой же, как их невнятный обед из перемолотых высушенных злаковых зерен, разбавленных едва вскипевшей водой, отчего мука делалась склизкой и неаппетитной. – Тристан пару раз обмолвился, что у вас с Оркелузом были натянутые отношения. Он говорил это еще до встречи при Кампани. Но все же, что у вас произошло?

Гаро с Тристаном переглянулись. Оркелуз улыбнулся уголком длинного рта. Он был харизматичным охальником, это качество проявлялось в мимике, а черты лица необычайно выделяли его среди ребят. Длинный нос с горбинкой, будто однажды сломанный, добавлял Оркелузу колорита. Он состоял из оригинальных деталей и диковинных повадок. Тристан однажды признал, что взрослый Оркелуз куда очаровательнее самого себя в пятнадцать лет, а раз от раза приветствующие его деревенские хохотушки подтверждали утверждение Тристана. Сейчас они оба посмотрели друг на друга, заключали немой договор, кто первым начнет назревшую исповедь. Но Гаро пробасил:

– Что произошло? Он был отменным пакостником – вот что произошло, я вам скажу!

Все четверо загоготали. Оркелуз, посмеиваясь, объяснился:

– С вами по-другому не получалось. Хотя признаю, я обозлился окончательно к последнему курсу. За год до того моя семья навестила меня в Пальере, и родители были раздражены и словно точили зуб на меня, хотя постоянно невпопад твердили, что я ни в чем не виноват. А потом Нино, мой младший брат, проболтался, что в округе узнали один семейный секрет, и вся наша дружная фамилия поспешно отправилась в путешествие. Подальше от всяких слухов.

– Так, а что болтали? – будто между делом спросил Гаро.

– Ну, – Оркелуз вздохнул и выдал правду: – Стесняться тут нечего, хотя наше гниловатое общество полагало иначе. Мой отец мне неродной.

– Мы заметили в их приезд на выпускной вечер, – честно сказал Тристан. – Ты ни на кого из де Луази не похож. Решили, что тебя, старшего из братьев, потому и отправили в Орден, чтобы наследовал Нино.

– Да, верное решение, – Оркелуз посмотрел куда-то вдаль, сощурившись от дневного света. – Мать взял силой человек, который был вхож в дом моих деда с бабкой. А мужчина, которого я всю жизнь называл отцом, все узнал и поспешно обручился с ней, чтобы она избежала позора. Когда мне было тринадцать, этот человек, избежавший наказания, вернулся и нашел маму. Отец вступился и вызвал его на дуэль. Так правда и всплыла. Им пришлось продать дом и уехать. Такой вот мой секрет.

Собиравшийся приняться за набухшую кашу – разведенный кипятком сухой паек – Тристан отставил тарелку в сторону. Он примирительно сказал:

– У всех есть тайны.

– У тебя уж давно! – воскликнул Оркелуз, и этот факт его ужасно забавлял. – Я потому к тебе и цеплялся, что твоя подноготная вечно тебя выручала, а моя приносила только несчастья.

– Не скажи. Ты ведь всего не знал...

– Чего я не знал? Что ты с говорящей куклой по ночам беседовал? Или про танк, может?

Илия растерянно взглянул на Тристана. Тот сидел мрачный, насупленный, как ворона. В такие моменты он втягивал щеки, отчего его и без того острые скулы проступали сильнее. А Оркелуз продолжил:

– Может, это какая военная тайна или «корпоративный секрет» лиги, которая не велит вам трепаться, – он изобразил пальцами кавычки. – Но нас с Гаро за дураков не держите. Илия уехал с эскадрой, а ты остался. Не нужно быть гением, чтобы вычислить простое уравнение.

– Ты во всем прав. Это был я, и это тайна, – еле слышно произнес Тристан.

– Да понятно, – отозвался Оркелуз, а Гаро поправил козырек полевого кепи и безмолвно кивнул.

Приговорили обед они быстро, заглушая жужжание насекомых звоном металлической посуды. На развилке они встретили половину подставного отряда, который шел альтернативной прифронтовой дорогой, на сутки опережая конвой Илии. Один из солдат доложил:

– Господа, дальше по маршруту вам идти никак нельзя. Мы сначала решили, что это большая диверсионная группа. Решили

обойти их и подать сигнал на ближайший пост, но оказалось все гораздо серьезнее. Сэр, дальше фронт. Новый фронт сдвинулся – пошел клином вглубь. Вот здесь... Кнуд надеется отрезать вам путь. Наши войска окопались дальше и не пускают их к Пальер-де-Клев. Эта ночь будет страшной, сэр, вам следует переждать ее в замке.

– В руинах замка, – поправил Тристан, зло оглядев исправленную карту, которую протянул им боец. – И чей это приказ?

– Маршала Лоретта, – отчитался солдат. – Он ведет подкрепление на ближнем рубеже и планирует сдерживать врага, сколько потребуется, чтобы вы могли пройти. Но сегодня будет бой, он велел уточнить: в том числе воздушный бой. И вам следует его переждать в укрытии. Маршал обещал расчистить небо к завтрашнему утру.

Рыцари устало посмотрели друг на друга, а потом, не сговариваясь, повернулись в сторону родного замка.

– Пальер-де-Клев защитит нас даже в разрушенном виде, – объяснил Тристан Илии. – В нем множество подвалов и катакомб, в которых можно пережить любой налет. Проверено.

Последнее слово прозвучало с особой тоской. И они поскакали к замку, чтобы успеть до захода солнца.

Илия впервые увидел оплот пальеров воочию, до того он любовался им, еще целым, только на картинах и фотографиях. Даже по стесанным башням, надколотым зубцам и снесенным до трети стенам можно было представить, какой могучей крепостью он был до начала войны. Они проехали по широкому мосту, восполненному деревянными фрагментами. Пальеры, аккуратные и трудолюбивые, не бросили пострадавший дом разоренным. Вокруг царил порядок: ни крошева камней, ни мусора, ни битых стекол, ни дикорастущих растений. Развалины крепости содержались в таком же порядке, в каком должно содержать целый замок. Для обвалившейся трапезной отстроили крышу, а для пансионата – стену, правда, из дубовых бревен, а местами и частокола. Очевидно, все это постепенно и по мере возможностей делали заезжие рыцари и ветераны, которые были уже непригодны для военной службы и отказались доживать старость обузой у дальних родственников. Только дикий плющ разросся за эти годы, окрасив серые камни в цвет зеленых пальерских знамен. Из башни, которой удалось уцелеть лучше других, – той, где находились спальни послушников, как объяснили пальеры Илии, – тянулась

струйка дыма. Очевидно, кто-то топил печурку в комнате. Все четверо оставили лошадей у отстроенных заново тесных конюшен, в которых стояли две уставшие клячи и один старичок-тяжеловоз, жующий скудные запасы сена.

– Упадок, – разочарованно подытожил Тристан, оглядев остатки утраченного величия.

У входа в башню послышалось кряхтение и звяканье связки ключей, а следом показался пожилой рыцарь. Он крикнул в сторону лестницы:

– Я посмотрю, Юзеф, я сам посмотрю! Сиди со своей клюшкой, пока доковыляешь, – он завидел ребят, сощурился, а потом, отчаявшись разглядеть их без линз, достал из нагрудного кармана пенсне и приложил к правому глазу. – О, воистину, свои! Свои пришли! Юзеф, Гремаль, наши пришли!

Старик, ликуя, потопал навстречу, а еще один, опираясь на трость, спустился следом.

– Какие «свои», Леон? Свои все здесь. Чего бушуешь? – спросил он, ковыляя к конюшням на с трудом гнущихся ногах.

– Вот пень! Говорю же, мальчики наши – пальеры домой пришли, – Леон радушно расцеловал в щеки Гаро, Тристана и уже торопился к Оркелузу с раскрытыми объятиями.

Ветераны копошились вокруг них и коней, хотя парни неловко просили их не суетиться. А потом Леон заявил, что всех приглашает в трапезную к ужину. Только сперва велел Гаро с Оркелузом, как самым крепким, спустить из башни Гремалья. Тот сидел в спальне в кресле-каталке безвылазно, а еду ему приносили товарищи.

– Пусть хоть проветрится, а то взопрел в своей комнатушке. А вы, юноша, – он разглядел знаки отличия Илии. – Старший лейтенант, стало быть, откуда?

Тристан представил его старым рыцарям, и те, как могли, выровнялись по стойке смирно и выполнили воинское приветствие. Илия принялся унимать их торжественный пыл. А Леон запричитал:

– Ба! В Пальере преемник! Гремаль, ты слыхал? Катись сюда, рохла, к нам преемник пожаловал.

Под вздохи восхищения высоким гостем вся компания переместилась в трапезную. Юзеф извинился за скромную похлебку, но достал из погреба сыр и вяленое мясо.

– Все ешьте! Не стесняйтесь. Можно подумать, вас на фронте разбаловали, отощали... Вот ты, самый хилый, как тебя? – спросил Юзеф у Тристана.

– Тристан Трувер, сэр, – ответил он, целиком проглотив шмат жесткой говядины, словно бы устыдившись своего веса.

– Это ты – Трувер, который первый рыцарь из выпуска? – ткнул в его сторону скрюченный палец.

– Я, сэр.

– А что это у тебя тут... Младший лейтенант. Ясно, ясно, – бормотал Юзеф. – Ох, адъютант! Ваш, что ли?

– Мой, – подтвердил Илия.

Ветераны поведали о жизни в опустевшем Пальер-де-Клев. Утром они готовили на троих еду на весь день, и та томилась у теплой печи до ужина. Два раза в неделю приходила хозяйка обедневшей таверны из единственной поблизости деревни, приносила корзину с продуктами, взамен они обучали ее и соседских детей грамоте. Животных, кроме двух кобыл и тяжеловоза, в Пальере не осталось. Охотничий пес умер от тоски по старому хозяину, а свое хозяйство вести у стариков сил уже не было. Иногда к ним заезжали пальеры, и то была редкость: почти все рыцари отправились на службу. Ночью было прохладно, но все семеро – обитатели замка и гости – спустились в теплые подвалы, подогреваемые близкими подземными водами, вовсе не из желания комфорта. Илия предупредил о скором воздушном бое, заслышав рев эскалотских истребителей неподалеку. Ветераны безрадостно покачали головами и посокрушались о многострадальном Пальер-де-Клев. Они повели гостей в глубокий укрепленный подвал, почти бункер, – там были казармы и спальня с одной небольшой антикварной кроватью, до кашля пыльной. Ребята осторожно затащили Гремалю в подземелье и помогли перелечь на одну из коек. А Леон сказал Илию:

– Вот тут вам место, – он похлопал по матрасу, подняв вихри пыли. – Как раз для короля на случай осады делали эту комнату. Вот и изголовью без малого сотня лет. Табличка вон – «Опочивальня Его Величества короля Самюэля II, пришедшего на помощь в обороне Пальер-де-Клев». Вот так. А там мы будем, как раз на шестерых места хватит: вас трое и нас.

Запахавшийся Леон тягостно вздыхал после каждой фразы, он вышел из комнаты, где оставил Илию, и принялся расстилать для себя постель, отряхивая покрывало от слоя ветоши и мышинного помета. Илия сдержал рвущиеся наружу протесты. Ему не хотелось себя выделять, оставляя пожилых ветеранов и друзей в общих казармах, но он понимал, насколько для них важны субординация и этикет. Долгое время пальеры жили в отчаянии и ожидании краха их устоев, ведь им положено служить монарху. Норманн II, потерявший всех своих детей и королеву, внушал им трепет, который испытываешь перед угасающими углями холодной ночью, не имея дров про запас. Появление преемника успокоило их, и они с радостью и гордостью исполняли все положенные церемонии. Мужчины недолго пошуршали грубыми ступнями о старые хлопковые простыни и быстро засопели. Гремаль так и поучал, что задача ребят – уснуть как можно скорее, потому что, если они не опередят Юзефа с его храпом, спать им вовсе не придется.

Прошло пять часов, как сообщали две золотые стрелки, третья же беспечно бродила по циферблату, отмеряя секунды. Илия проснулся отдохнувшим и не сразу заметил, что стены едва ощутимо сотрясались – с потолка слетала пыль. Он сел на кровати и осмотрелся. В ответ на его шорохи послышался шепот Тристана: «Я тоже слышу», – что было странно, Юзеф храпел, как и было обещано, и его рык с присвистом затмевал любые звуки. Илия с Тристаном, стараясь не задеть остальных, выбрались в коридор. Они решили, что через час нужно разведать обстановку. Нельзя было рисковать, но и промедление грозило большими потерями для армии.

Когда все стихло, Тристан с Оркелузом выбрались наружу, осмотрели замок и заверили, что можно выходить. Пальер-де-Клев почти не досталось, хотя неподалеку за рекой дымился сбитый самолет, неизвестно чей. Пострадал мост. Гаро предположил, что его взорвали или разбомбили союзники – судя по следам и двум неподвижным телам на том краю обрыва, в замок пытались проникнуть. Кони были целы и привязаны, под уздой одного из них виднелась записка. Илия вскрыл пергамент:

– «Вокруг замечины II диверсионные группы. Ушли на зачистку. Небо без опасно. Ждите сигнальную ракету в III III (восем утра). Зеленая все чисто. Красная апаcность». Через полтора часа почти.

– Имеет смысл ждать? – усомнился Гаро.

– Да. Позавтракаем, соберемся и будем готовы к любому исходу.

В указанное время они всматривались в небо. Рассвело, и шанс упустить в ясном небе искру ракеты возрос. Илия смотрел на шестерых палеров – молодые рыцари вскинули головы в три разные стороны в ожидании сигнала, а старики сидели на неотесанной скамейке, Гремаль – в своем кресле-каталке. Илия давно не видел настолько старых людей и отвык от их возрастных повадок: причмокивания, тряски, шумных вздохов и внезапного желания чем-то поделиться, но мгновенного забывания, чем именно. В такие моменты они произносили многообещающее «а», тянулись к адресату указательным пальцем, а потом замирали на миг, за который силились вспомнить, но в итоге разочарованно махали рукой. Со стороны деревни взлетела красная ракета, а следом – еще одна точно такая.

– Что означают две ракеты? – не понял Оркелуз.

– Может, что все чересчур плохо, – Тристан сам убоился озвученной мысли и протер глаза.

– Тогда мы спустим вас в подвал и уйдем как можно скорее, – произнес Илия и взялся за ручку коляски, но морщинистая рука Гремали легла поверх его.

– Нет, не пойдем мы в подвал, – отказался он. – Написано же, два диверсионных отряда, и с обоими, как видно, не сладили. Они придут в замок, и мы их отвлечем. Помолчите, юноша, мне ваша забота не пригодится, если помрете или, того хуже, попадете в плен. Не дело это.

Опираясь на трость, Юзеф поднялся и похромал к другу.

– Верно говорит, мы остаемся. Мы без вас знаем, что делать. У нас на этот случай все есть. Они тут долго бродить будут и изрядно намучаются. Так-то, понятно? Но и нас мало. Вам надо разделиться. Одни пусть пойдут первыми и уведут по ложному следу.

Четверо ребят окинули друг друга взглядами. Разделение было очевидным и все же печальным. Никто его даже не озвучил. Гаро пошел отвязывать лошадей.

– Мы пойдем через главный тракт, что ведет к деревне. Свернем чуть раньше, чтобы нас заметили. Возьмем своих коней и ваших. Они знают, сколько нас, и поймут, что мы разделились, если недосчитаются следов, – предложил он, подавая поводья Оркелузу.

Согласие не потребовалось выражать. Каждый в этом замке был достаточно умен и готов к событиям, подобным этим, чтобы не устраивать сцен. Объятия, благодарности и выражения надежд заняли меньше времени, чем принято им уделять. Гаро с Оркелузом покинули замок по переброшенным через мост доскам: благо разрушенный участок был коротким, били точно – бесспорно свои. Тристан подождал, пока они скроются из вида, и бросил: «Я скоро». Он убежал куда-то внутрь замка. Ветераны наущали Илию и куда идти, и как. А Леон сказал: «Вы, главное, во всем полагайтесь на адъютанта. Если совсем будет плохо, смело ему доверьтесь. Пальер все-таки». И словно прознав, что говорили о нем, из бывшего парадного входа выбежал Тристан, чем-то до жути довольный.

– Ты светишься, как люстра в бальной зале. Чем ты нашкодил? – его радость перекинулась и на Илию.

– Да так... Еще одного ветерана разбудил. В помощь, – он сверкнул зубами и подмигнул – большая редкость для его скупых на улыбки губ.

Когда до Илии дошел смысл его слов, он сам засиял и заговорщицки прокомментировал:

– Какой «Восторг»!

– Не то слово!

Но улыбки опали с их лиц, едва они обернулись к седой троице. Ветераны выстроились на той стороне моста в ряд, приложив ладони к козырькам фуражек. Даже сидячий Гремаль, как мог, приосанился. И, отойдя на безопасное расстояние от распутия, где можно было повернуть к деревне, Илия выразил опасения: «Ты смотри, чтобы у стариков сердце не прихватило от твоих сюрпризов. Может, следовало их предупредить?» В ответ Тристан, фыркая, покачал головой. Мол, попробуй убедить прожившего жизнь пальера, что ему сегодня чудеса зреть придется.

– Но, знаешь, я рассказал ей о брате, – после долгого молчания проговорился он, будто робко сообщил секрет.

Илия не сразу угадывал его мысли, когда речь заходила о феях и оживших танках. Но у Тристана были припасены для потаенных тем особые интонации, ласковые и повествовательные. Люди на всем континенте, давно утратившие суеверия и с ними веру, четко разделяли Истину, правду, выдумку и ложь. От несправедного исходило все зло:

болезни, ошибки, предательства. А к абсолютной Истине стремились, как к спасению. Однажды, обещали ученые, Истина поможет победить смерть. И многие жертвовали собой, чтобы их потомки однажды перестали умирать. А правда и выдумка были в равной степени полезны и вредны. И где-то между ними ютились слова Тристана. Все, что он творил, на что он решался, что воспевал, было сказочным, ведь сказки были выдуманной правдой. Драгоценное время наступало теперь редко. Илия не мог вспомнить, когда оставался наедине с близкими надолго и не заботился о своем и их выживании. И он старался наверстать все разговоры, что замалчивались, обрывались и уступали место иным делам.

– Люди убеждены агнологами, что это я буду вершить чудо. Но я пока просто иду к нему и даже не знаю, чем оно является. Не знаю, как тебе дается подобное, но иногда я думаю, что у тебя больше мотивов, чем у меня самого. Если бы не ты, меня бы пугало то, что я встречу в горах Раската.

Адъютант не отвечал, только нежно поглядывал на свою наруканную повязку. Илия проследил, куда Тристан устремлял взгляд.

– Если это Ронсенваль, то я очень ей благодарен, – сказал Илия, приложив ладонь к груди. Заметив короткий кивок, он сменил тему. – Ты наверняка бывал здесь раньше. Куда мы идем?

Они постоянно прислушивались и оглядывались то в сторону деревни, то замка. Не завязался ли бой, не слышны ли выстрелы, не клубится ли дым? Они вошли в Гормов лес, и Тристан подобрал длинную ветку, обстругал ее мечом, превратив в посох, и передал Илию. А потом смастерил подобную трость себе.

– В холмы. У Гормова подножья есть долина... Там и заночуем.

Старый лес, который в последнее время мучили кошмары о пожарах, самолетах и битвах, притих и поглядывал сотнями маленьких глаз обитателей на двух мирных гостей. И они продолжили путь в тишине, и были благодарны за эту тишину. Только боялись, что она может скоро закончиться.

Глава VII

Долина фей

Недостаточно говорить, надо еще говорить правильно.

Уильям Шекспир, Сон в летнюю ночь

Умиротворение леса не было обманчивым. Чаща укрыла двух друзей хвойной прохладой и постелила под ноги ковер мха, в который по голенище проваливались их сапоги, когда они свернули с дороги. Тристан объяснил, что напрямик идти быстрее и спокойнее. И чем дальше в лес они проникали, тем причудливее казались деревья, ярче сверчки и угрюмее Тристан. И все же он шел устремленно, будто наделенный такими же едва мерцающими прозрачными крыльями, как разлетающиеся к вечеру стрекозы. Только на самом деле никаких крыльев не было, и Илия упирался взглядом в его шинель на покато́й спине. Закат уже отнял у них солнечный свет, и сил за день дороги не прибавилось, но Тристан только ускорял шаг. Илия спросил, опаздывают ли они куда-то или гонятся за кем-то, но рыцарь буркнул невнятный ответ, упорхнувший вперед, совсем недоступный еле поспевающему позади Илии.

Лес закончился внезапно. Перед ними расprostерлась Гормова долина. Небо брызнуло слева последним рыжим лучом, а в лицо подул свежий северный ветер, слетевший с гор. Тристан замер. Нагнавший его Илия заметил, как глаза друга шарят по высокой траве, будто в поисках чего-то потерянного на лугу. Магия природы заиграла в сумерках. Закрывались лепестки дневных полевых цветов, поникая разномастными головками, а ночные бутоны сменяли их, распускаясь на глазах. Лицо снова обдало ветром, и Тристан поднял голову к потемневшему небосводу. Он закрыл глаза. Илия не нарушал таинство его неизвестного ритуала. Но рыцарь скоро пришел в себя и шмыгнул носом. Илия заметил еще два дня назад, что адъютант неважно себя чувствует и имеет все симптомы простуды. Но кто на Новом фронте вообще воспринимает всерьез подобные мелочи?

– Видишь холм, – Тристан указал двумя пальцами перед собой. – Устроимся на ночевку под ним.

– Разумно ли это? Мы будем как на ладони.

– Это самое безопасное место из всех, что нас ждут впереди.

И без наставлений пальерских ветеранов Илия знал, что может доверить Тристану свою жизнь, а потому безропотно проследовал к подножью невысокого пригорка. Рыцарь занялся обустройством ночлега, а Илия принялся разогревать то, что должно было стать их ужином. Тристан весь вечер был немногословен, еще молчаливее и сосредоточеннее, чем обычно. Илию терзало любопытство и желание завязать долгую душевную беседу, но он сдерживался. Должно уважать чужой покой, а его адъютант заслужил право отдохнуть. Когда они оба улеглись под навес плащ-палатки, сон как рукой сняло.

Уставшее тело умоляло ни за что не подниматься: колени и ноги пекло, поясницу крутило, – и двое молодых людей ощущали себя дряхлыми стариками. Они лежали валетом, и это был редчайший случай, когда спать довелось не по очереди. Тристан заверил, что долина будет хранить их сон. Но сон все не приходил. Каждый из них разглядывал звездное небо в прорехах навеса, и каждый из них знал, что другой не спит. Наконец тяжесть дня навалилась на тело и веки, и Илия погрузился в хрупкую дрему.

Вскоре он почувствовал, как кто-то не то покусывает, не то лижет его ухо. Стоило ему очнуться, как некто с громким фырканием отбежал от их пристанища. Илия выбрался на луг. Неподалеку он заметил странное парнокопытное животное – это все, что он мог о нем сказать на первый взгляд. При свете месяца и звезд его белоснежная шерсть лоснилась и мерцала. Жеребец походил на козленка, хотя сам был размером с мула, впрочем, самыми выдающимися странностями были ослиные уши с розовой кожицей внутри, такой же, как на носу и вокруг бледных с поволокой глаз, и прямой рог молочного цвета, растущий прямо из-под белой длинной челки, такой же волнистой, как и прочая грива. Илия осторожно приблизился к зверю, но тот испугался настолько, что издал страшный вопль – не то ржание осла, не то детский плач. Холодок пробежал по телу Илии от услышанного, и он остановился, думая, на что приманить жеребца. Илия достал остатки сыра и протянул в его сторону, но зверек едва ли приблизился,

опасливо отставляя задние копытца для резвого разгона, если ему придется бежать прочь.

– Я тебя не обижу, иди сюда, иди, – нашептывал Илия.

Он принялся шарить свободной рукой в вещмешке в поисках другой еды, но нечаянно задел флягу с молоком, намешанным с медом, отчего содержимое немного расплескалось. Илия выругался и быстро заткнул пробку, однако запуганный жеребец, поначалу отскочивший в сторону, потянулся к одиноким каплям на траве. Он начал осторожно слизывать их, поглядывая на Илию, то и дело топорща уши на любое его шевеление.

– Тебе молоко понравилось! – радостно прошептал Илия. – Иди ко мне, я тебя угощу. Вот, пей из тарелки. Не бойся, мальчик, не бойся.

Илия не знал, с чего сам решил, что перед ним самец странного существа, но жеребец лакал молоко из железной походной посуды и даже позволял к себе прикасаться. Когда Илия погладил его по носу, зверь слегка переполошился, но лакомство манило его больше, чем настораживала человеческая рука у своего рога. Когда жеребец совсем свыкся с обществом Илии, он даже обнаглел – принялся кусать и жевать его отросшие кудри. Он так увлекался иной раз, что его сложно было отогнать. Илия улыбался и трепал гриву за длинным ухом: «Приручил на свою голову! Да сдались тебе мои волосы?» В ответ прозвучал девичий смех и голос протянул: «Ха, он думает, они из меда! Ой!» Илия повернулся на звук, но увидел только спину удаляющейся девушки в алом платье – почти в тон ее рыжим волосам. И сразу после почувствовал тяжесть своего тела, рухнувшего в мягкие травы.

Илия проснулся неожиданно для себя. На удивление он спал в палатке и совсем один. Тристана рядом не было. Илия выбрался из палатки и огляделся. Он нашел рыцаря сидящим на холме. Тот подтянул колени к груди и обхватил их, а голову опустил на руки. Если бы Илия не знал его хорошо, решил бы, что Тристан молится, как дикарь. Напротив расположился куст – пышный и убранный зеленой листвой. Илия положил руку на пальерскую нашивку и слегка потормошил.

– Шел бы ты спать. Неизвестно, когда еще отдохнем, – позвал он адъютанта.

– Не беспокойся обо мне. Я еще посижу.

Илия обернулся к соблазнительно удобной палатке, мягкой перине из трав и заставил себя отказаться от этих мирских радостей. Не мог он его бросить с тем грузом, который смиренный рыцарь тащил в одиночку.

– Ты хочешь поговорить?

Тристан промолчал. Это означало «да», но ему было неловко навязывать разговоры. Илия спросил, может ли он присесть рядом, и Тристан вновь промолчал.

– Она похоронена здесь, – Тристан кивнул на куст ежевики, когда Илия примостился по соседству.

– Безлюдное место. Что сказали ее родные?

– Не безлюдное. У нас за спиной Трините. Замок невидим для всех, кроме его обитателей, – пояснил Тристан, когда Илия обернулся посмотреть в чистый горизонт.

Илия все еще всматривался в дымку ночного тумана, надеясь найти там очертания стен и башен.

– Ты тоже его не видишь?

– Не вижу, – отозвался Тристан и грустно вздохнул. – Я никогда там не бывал, но знаю, что мои родители одно время жили здесь, как и Ронсенваль.

– Вот оно что! – Илия хлопнул себя по лбу. – Твои родители были из фей! Погоди, выходит, ты тоже... Ты рыцарь и?.. О.

Тристану показалось, что Илия издал нервный смешок, он и сам мимолетно улыбнулся этой абсурдной мысли.

– Не задумывался о самоопределении в таком ключе, – он с иронией обошел нелюбимую тему. – Я просто знаю, что в долине, у ее холма, нам ничего не грозит. Но сон не дается, поэтому я здесь. Она тоже гневается, что я не выплуюсь.

Ветер трепал их волосы, и Илия заметил, что Тристан подставил дуновению лицо. Оказалось, он силился не пролить выступившую на ресницах влагу – даже не слезы, для этого капли были слишком маленькими. Илия бы поддержал друга и сказал, что такие за слезы не считаются. Тристан смущенно стер их большим и указательным пальцами, а потом спросил тихо, едва ли перебивая шелест листвы:

– Как это вынести? Я не могу думать о грядущем, не могу смотреть ни на гору Раската, ни дальше. Ты опасешься поражения и

того, что может тебе принести победа. А я не могу помыслить о будущем, в котором меня не ждет Ронсенваль.

Его лицо исказилось от боли, как если бы его незаживающую рану разбередили. Но Тристан тут же скрыл гримасу рукавом шинели, приняв ту же позу, в которой его нашел Илия.

– Неужели ты совсем не видишь в жизни смысла? – в ужасе спросил он рыцаря.

Раньше он и подумать не мог, что Тристан носит в себе столько чувств. Послышался всхлип, и рыцарь извинился за простуженность.

– Я буду держать клятву, не беспокойся.

– Я спросил тебя не о клятве, – строго призвал к ответу Илия.

Он почти оскорбился его ответом.

– Знаю, что служба избранному королю в Великой войне – мое предназначение. Но оно не означает смысл. Я только эти слова себе и повторяю, когда уже сил встать нет. Я знаю, что мне делать, я не знаю, зачем мне это нужно. Ронсенваль научила меня задавать вопрос, чего я желаю, а не что должен.

– Хорошее умение, – оценил Илия, но мучения Тристана легли теперь к нему в ладони, и он смотрел на них, не в силах выбросить. – Когда мы вернулись домой и я подарил тебе пояс, заказанный к твоей присяге, я думал, что одарил тебя и смыслом. Оказалось, я дал тебе не более чем миссию длиною в рыцарскую жизнь. И мне ужасно и грустно – оттого, что не могу поделиться тем, что имею в избытке. Я очень хочу жить: сейчас, и после горы, и после войны, и как можно дольше.

Оба умолкли, не имея поводов продолжить разговор. Туман рассеялся, и ясное небо замерцало созвездиями над их головами. Не разбрасываясь словами, парни пошли на боковую. Илия переживал, что перебил сон ночным променадом, но почти почувствовал чужое легкое прикосновение пальцев на своих веках. И все же спать пришлось недолго. Снаружи палатки слышался шум, какой бывает, когда кто-то возится в лагере. Илия подскочил на месте и тихо достал кортик, второй рукой похлопав адъютанта по ноге. Тристан проснулся быстро и мгновенно оценил ситуацию. Его рука потянулась к мечу. Илия дал знак не шуметь – на его беду, вход находился за его спиной.

– Не хватайся за оружие, пальер. Оденься и выйди меня приветствовать, – слышался властный женский голос.

– Джорна! – признал Тристан и мгновенно пополз к выходу.

Илия тоже выбрался из палатки и увидел статную женщину преклонных лет, облаченную в черные одежды. Она сидела на резном, непонятно откуда взявшемся стуле, а ее правая рука покоилась на рукояти трости. Элегантная леди надменно наблюдала, как двое ребят у нее на глазах поспешно приводят себя в порядок и обуваются. Илия не сводил со старухи глаз, в то время как Тристан свои прятал, отводил к шуршащей траве, к звездной сокровищнице в небе, к заплетающимся пальцам на латунной литой пряжке ремня. Когда они оба почти синхронно одернули полы кителей, Джорна деловито скрестила пальцы – не то ждала, не то выжидала. Тристан, прокашлявшись, произнес:

– Мадам, позвольте представить вам Его Чистосердечность лорда-преемника Илию Гавела, старшего лейтенанта армии Его Величества Норманна II, – отчеканил он, а после откашлялся. – Господин, перед вами Мэб Джорна, старшая леди Трините, провидица, о которой я вам рассказывал.

Уголок губ Джорны надменно приподнялся. Она заговорила:

– Удильщик расщедрился на древний титул? Забавно. И как к тебе будут обращаться, когда ты взойдешь на трон: Ваша Истинность?

– Мне еще не довелось подумать о тонкостях придворного этикета, – сдержанно ответил Илия, не ведясь на ее провокации. – Рад встрече, мадам, хотя и столь неожиданной. Я не готовился к аудиенции.

– Не стоит говорить со мной так, словно это я у тебя в гостях, преемник, – Джорна не унималась, ее жажда распознать в Илие героя своих предсказаний была явной. – Ты в моей вотчине. Пусть на ваших картах она и не значится, но это исключительно твоя проблема.

– И позвольте выразить вам благодарность за право находиться здесь, меня заверили, что в этом месте мне ничего не угрожает.

Джорна засмеялась, прикрывая нос кистью руки. Ее жесты были изящны, словно перед ними сидела балерина в отставке. В унисон ей зазвучал и смех звонкий, девчачий – его пронес по полю ветер. Илия едва сдержался, чтобы не обернуться ему вслед.

– Интересно, кто? – она насмешливо взглянула на Тристана. – Впрочем, вопреки нашему с Тристаном прошлому он оказался прав. Трините и Гормова долина охотно примут будущего короля Эскалота,

но вовсе не преемника Удильщика, а наследника мысли и намерения Эльфреда Великого.

Ребята резко переглянулись: слух обоих резануло слово, которое обыкновенно использовал Тристан, описывая память Ронсенваль.

– Вы сказали «мысли и намерения», мадам, – начал Илия.

А Джорна в ответ слегка склонила голову:

– Верно.

– Не могли бы вы мне объяснить? Я буду благодарен за любое знание: я иду к горе Раската.

Провидица предложила спросить ее о том, что Илия считает важным:

– Пусть будет три. Три вопроса, преемник.

Он задумался. Даже ночная мошкара притихла в присутствии Мэб Джорны. Он спросил о ближайшем будущем, о далеком будущем и о будущем Тристана, который смиренно молчал, не вмешиваясь в разговор.

– Из тебя выйдет толковый государь, я могу полагать, – серьезно заметила Джорна. – Но не трать свои вопросы на пальера. Ему я отдам, что причитается. Каждому свое право – и твое королевское, не обесценивай его. Подумай пока, а я начну. Присядьте, вашим ногам придется намучиться, вот вам самое очевидное из грядущего. Стало быть, ты хочешь знать о ритуале, но я тебя успокою – все нужное для его свершения ты имеешь. Что же до Эльфреда – не бойся его присутствия. Он не отберет твою жизнь и судьбу, хотя навсегда останется с тобой великой мыслью и истинным намерением. Тебе придется познать и то и другое, и все это принести в мир, научив своих приближенных, чтобы они научили своих, а те – своих. Сознание – это феодал. От сюзерена к вассалу распространяется и крепнет идея. Мудрый правитель насаждает ее любовно, а не насильно. Услышь меня верно, мои слова не означают слабость или неуместную жалость. Если потребуется, защити все это – *это* самое естественное, потому как защищают любимое, а не ненавистное. Станется так, что придется выбирать, и тогда думай о себе. Король обязан быть эгоистичным в той же степени, в которой должен проявлять заботу о народе. Думай о себе, преемник, о пути, по которому идешь. Что же до будущего далекого, его я тоже зрю. Сейчас в мире сражаются двое – Лжец и тот,

кто отправился в поход за Истиной. Но вижу, что победит правда. Значит, будет и третий.

– Кто этот третий? – жадно спросил Илия.

– Третий вопрос о третьем? – Джорна повела лицом на запад и втянула ноздрями запахи полевых трав.

– Это радожский богатырь Яков? Он тоже проснется? – не мог успокоиться он.

– Нет, это не Яков, – ответила провидица.

– У меня закончились вопросы, но вы сказали, что я сражаюсь со лжецом. Объясните, я не понимаю.

– Ни к чему чистому юноше, ищущему Истину, узнавать о лжи. Иначе в этом не будет чести – ведь Лжец совсем ничего не знает об Истине.

Илия обернулся к Тристану, а тот бессильно развел руками. Мол, фея и предсказательница – как хочет, так и говорит. Начнешь вникать, запутаешься еще больше. «Такое болото», – подытожил Тристан однажды, рассказывая о своем пророчестве. Сейчас рыцарь разглядывал цветы, что гладили его ноги и руки, утопшие в зелени. Ветер колыхал стебли, и те унимали его своим шелестом. Он почувствовал взор Джорны на себе и отважился взглянуть в ответ.

– Боишься меня, пальер, или чувствуешь вину? – спросила она.

Тристан нервно грыз губы все это время, из-за чего они заалели, а его лицо оживилось. На этом лугу он был сам не свой, и все больше причин этого открывалось Илии.

– Нет, просто я и забыл, как вы схожи с Ронсенваль, – ответил рыцарь.

– Не знала бы тебя, решила бы, что хочешь меня задобрить. Подошла твоя очередь. Неужели не желаешь узнать о своем будущем? Твой господин так за тебя переживал, чуть было своим правом на один вопрос не поделился, – она говорила так, словно действительно знала наперед и желания, и слова Тристана.

Но тот пожал плечами, да и только, и жест был коротким и несколько нервным, словно рыцарь передернулся от ночной прохлады. Однако Джорну его безразличие не остановило, и она предрекла:

– Тебе предстоит тяжелый путь, оттого и слышать о нем не желаешь. Оно и понятно. Мне было бы тебя жаль, если бы ты не сам его выбрал четыре года назад, стоя на этом самом месте. Тебя аж

перекосило от воспоминаний, понимаю, мне и самой легче есть чернозем из-под ног, чем вспоминать тот день. Что ж, воля твоя, но не пропадать же интересной беседе, верно? Я думаю, вам нужно узнать многое о прошлом, о котором вам не расскажут ни ваши историки, ни эти прониры-агнологи. Кто из вас соизволит ответить, почему двор Эльфреда зовется Малахитовым?

Понурый рыцарь не желал лишний раз болтать с феей, потому Илия поспешил с решением, чтобы Джорна не потребовала его от Тристана.

– Неподалеку были крупные месторождения малахита, из которого делали и ювелирные украшения, и посуду, и даже мебель при дворе. Трон Эльфреда высечен целиком из малахита. А! Еще король вел очень скромную жизнь, несмотря на титул. Все драгоценные камни он использовал для торговли, чтобы новорожденный Эскалот процветал. И он сказал, что даже корону и перстни стоит украсить малахитом, потому что этот камень роднит его с землями, которыми он правит, и напоминает о лесах, в которых он вырос.

Джорна довольно кивнула, словно учительница, выслушавшая ответ у доски.

– Все верно говоришь, преемник. А еще тот малахит, добываемый в землях Эльфреда, омывали в горных водах, которые ныне заключены в Ворклом озере. Камень впитал в себя волшебство тех вод и помогает творить чудо.

Илия взглянул на Тристана и спросил:

– Могу ли я добыть такой камень для адъютанта?

– А зачем твоему адъютанту камень? – спросила Джорна с насмешкой. – Да чего переполошился? Я лучше тебя знаю о его природе. И можешь мне поверить, ему камень ни к чему по двум причинам. Во-первых, однажды этот рыцарь уже испил ворклых вод. А во-вторых, дело в его родителях, а точнее в матери.

Она выжидающе посмотрела на Тристана, и по его лицу пробежала тень. Если бы у выражения лица были звуки, его нынешнее зазвучало бы, как небрежный перебор задетых струн арфы, – так печален и потерян был его вид. Тристан не выдержал и произнес:

– Расскажите о них. Прошу.

– Занятно... В прошлый наш разговор ты меня о них не допытывал. И я лучше тебя знаю, в чем резон. Ты мечтал и лелеял

мечту. Ты легко отказался от прошлого, разменяв одну тряпицу на другую, – она указала взглядом на нарукавную повязку. – Юбку матери на рукав возлюбленной... Больно признать, но ты лучший рыцарь из всех, что мне знакомы. Хорошо, Тристан, я расскажу тебе все, что знаю о твоих родителях. Твоего отца звали Оливье Трувер, он был сыном известного кукольника. Твой дед Бартеломью был благородным человеком, как многие феи, но оставил сытую дворянскую жизнь и создал передвижной цирк. Твоя бабка по отцу, очевидно, была смертной женщиной, мне отнюдь не знакомой, поэтому дар Оливье унаследовал от Барте. Оливье тоже умел оживлять театральных кукол. К бродячим артистам прибилась девушка, сбежавшая из дома, по имени Розина. И эта маленькая любопытная девчонка улизнула из Трините – все ей в покое не сиделось, егозе. Последняя война, а вернее ее начало, произошедшее из гражданских волнений, застала твою семью в дороге. Бартеломью не мог себе позволить оставаться в стороне и отправился на фронт. Он привез в Трините Оливье и Розину. Они росли в безопасности, как все прочие феи долины. В Трините зародилась и проросла их любовь, они поженились. Оливье ждал отца несколько лет, ведь тот обещал вернуться за ним. Но война закончилась, а Бартеломью не пришел. Оливье постоянно сбегал к людям – то в Пальер-де-Клев, то дальше в города. Клялся, что взял с рыцарей слово никому не рассказывать о себе, хотя своей природы им не раскрывал. Осторожничал поначалу. Он не мог выносить замкнутого общества фей, рвался в большой мир. Розина хотела свободы не меньше. Поэтому даже не знаю, кто кого уговорил покинуть Трините, но они сообщили о своем уходе, когда Розина уже носила тебя под сердцем. Мы не получили известие об их смерти, только одна из фей, что чувствует чудеса во всем мире, сказала, что их больше нет. А когда Ронсенваль прибежала ко мне, счастливая, и начала судорожно рассказывать, что встретила юношу, пальерского послушника, который умеет оживлять кукол, тут-то я все и поняла. Я предложила тебе остаться с нами в Трините, вместе с Ронсенваль, но и без дара предвидения ясно, что ты весь в родителей. Ты не усидел бы в замке, сорвался бы так же, как и они.

Едва она умолкла, из Тристана фонтаном полились вопросы:

– Вы знаете, отчего они погибли? Почему они связались с агнологами? На кого из них я похож?

Илия подумал, что он носит эти вопросы в себе всю жизнь, и сам умоляюще посмотрел на Джорну. Пусть она сжалится и расскажет все, что ведаёт.

– Ты – почти что копия отца, только бледный и тощий, как мать. И кровь Розины сгладила острые черты Труверов. Они и сами, что резные куклы со своими длинными носами, широкими ртами, выразительными лбами и подбородками, кудрявые и долговязые. Мать тебя украсила, – оценила Джорна, приглядываясь ко всем тонкостям, что описывала. – Что же до агнологов – я сразу скажу, что не знаю. Думаю, в одну из отлучек Оливье в нем узнали сына лучшего кукольника, директора цирка чудес, и вцепились в него зубами. По крайней мере, он знал, куда им идти и чем заниматься в Эскалоте. И я говорю не о поместье Труверов и том заброшенном хозяйстве, что оставил Бартеломью. Об их смерти, я уже сказала, ничего не знаю. Не имею даже подозрений. Это прошлое, а я в него не смотрю.

В разговоре повисла пауза, вовсе не тяготящая его участников. Напротив, каждый обдумывал сказанное. В этот вечер было больше слов, чем за весь последний фронтовой месяц. В Гормовой долине продолжалась своя жизнь, даже если не брать в расчет незаметный Трините. Роились насекомые, полевые грызуны нет-нет да сновали между норами, стаи птиц возвращались в гнезда. Илия иногда вскидывал голову, провожая очередной клин журавлей или грачей, летящих на север. Как хорошо, что не одному ему нужно в этот нелюдимый пугающий край. Там стыло, но должно быть, сухо из-за ветров. Военно-полевая форма не высыхала за день. Исподнее тоже всегда было неуютно-влажным, даже если выдавался привал в солнечный день, и вещи случалось просушить. От прелой ткани болело все тело – и натертая швами кожа и уставшие от влаги и холода кости. Последний раз Илия смотрелся в маленькое зеркало общего лагерного умывальника в день перед выходом в поход. Его фотографировали, и он пытался привести себя в подобающий королевскому преемнику вид. С тех пор он изрядно испачкался, зарос пушком, который самонадеянно называл щетиной, и единственное отражение своего состояния мог разглядеть только в Тристане, который претерпевал все то же, что и он. Значит, был с ним в одной поре. Впрочем, чопорную Джорну с ее идеальным пучком седых волос

и черным сдержанным убранством их облик ничуть не смущал. Или же ей доставало вежливости скрывать свое недовольство.

– Какой дар был у моей матери? – неожиданно подал голос Тристан, отчего Илия, совсем погрязший в своих наблюдениях, встрепенулся.

– Наконец ты задаешь верные вопросы, – довольно сказала Джорна. – Твоя мать, безусловно, имела особый талант, как всякая фея. В одну из наших прошлых встреч я обмолвилась о том, кто такие феи по своей сути. Но повторю для преемника. Рассвет фей пришелся на эпоху Малахитового двора, после этого мы остались жить в обществе людей. Все феи с рождения одарены способностями, недоступными простому человеку. Эти дары помогли большинству фей сделать карьеру и добиться высот. Почти все из нас имеют прославленные дворянские фамилии. Были века, когда феи процветали, были времена, когда нас притесняли. Но страшное случилось полтора столетия назад. Дело даже не в техническом прогрессе, а в совершенно новом обществе, где ни нам, ни нашим чудесам не нашлось места. Ваши ученые мужи решили, что упадок старой аристократии начался из-за экономических проблем, но это лишь полуправда. Все феи отправились в Исход – в уединения и в Трините, который мы отстроили и укрепили всеми своими силами. Впрочем, некоторые феи изволили остаться среди людей. Кто-то скрывался, кто-то сорил своими чудесами, кто-то пытался изучать их вместе с агнологами и их методами. Но все оказалось непросто: мы разделились на две разные культуры и взрастили наши дары в разных мирах. Тепличные условия благоприятны, но растения в них капризны. Уже больше семидесяти лет в Трините не рождаются дети с прикладными талантами. Все наши умения носят ментальный характер, направлены на сознание, на чувства, на человека, но не на мир вокруг. Мы не можем творить, только познавать. У нас множество прорицателей, сновидцев, чтецов мыслей, создателей иллюзий и многих подобных, но ни одного творца. Поэтому, когда твоя мать привела Оливье в долину, мы были полны надежд, что у нас снова начнут появляться ремесленники. Но правда в том, что такие мастера не рождаются в закрытой общине. Их дару нужен материал извне и цель – отдать природе больше, чем взяли. Я бы хотела, чтобы ты тогда ушел с нами, Тристан, по многим причинам. Но все пустое. Тебе нужен этот мир, а ты – ему, – Джорна озвучила

последнюю мысль, как откровение, пришедшее ей только что, потому она задумалась. – Твоя мать: я помню. У нее был слабый, неразвитый талант вдохновительницы. Ее побег мне тоже понятен: как ей исполнить свое предназначение, если среди нас не нашлось ни одного творца? Ничуть не странно, что они с твоим отцом подошли друг другу. Их таланты расцветали рядом. Но тебе нужно узнать кое-что еще о генетике. Вы не устали? Я вас не уморила? Нет? Что ж. В последние годы мы много изучали вопрос наследственности. Фее всегда передается дар по одной линии. Чаще всего доминантным выступает ген ремесленника, поэтому тебе досталось умение оживлять кукол. И в каждом новом наследнике талант развивается по-своему: твой дед был кукольным мастером, твой отец – кукловодом. Казалось бы, все predetermined и понятно. Но если оба родителя феи, то дитя получает и побочный талант второго родителя. Он не может его развить в должной мере и использовать самостоятельно, неприменимо к первому дару. Вот хороший пример: жил пять веков назад Освальдо Соле – известный дрессировщик чудесных зверей. Он привел к королевскому двору единорога, говорящего кота и даже сопровождал короля со свитой смотреть на грифонов. Его отец был великолепным матадором, а мать – видящей тайную жизнь. Он мог разглядеть мифических животных и приручить их. К сожалению, его ветвь оборвалась, поэтому мы больше не можем искать и приводить в Трините таких существ. Мы даже не знаем, остались ли они еще на свете, кроме тех, что опекаются долиной. Что же до тебя...

Она глядела на рыцаря во все глаза, а он безо всякого смущения пялился в ответ. Возможно, он осознавал многие процессы, творившиеся с ним и пугающие его ранее. Илия не встречал в немую дуэль фей – их дела были совсем ему неясны. Он хотел осыпать Тристана вопросами, но сейчас это было бы не вовремя.

– Я понимаю, о чем вы. Иногда во мне просыпается чувство, будто я знаю наперед, что у меня получится сотворить то, чего я никогда не делал. И то, чего никто еще не делал, – он многозначительно посмотрел на Илию. Тот понимал, что Тристан говорил о танке. – Выходит, что я... вдохновенный кукловод. И это то, что нужно избранному королю в Великой войне?

– Вдохновенный кукловод – это тот, кто нужен любому государю в любой войне, – заключила Джорна, но тут же вспомнила еще нечто

важное. – Речь не только о тебе, но и о преемнике. Илия, – она впервые обратилась к нему по имени, – ты готов потерять все?

– Нет, – честно признался он, нисколько не размышляя над вопросом.

– Ожидаемо. Но правители должны быть готовы ко всему. Хотя, глядя на тебя, столь потерянного, я думаю, ты и к победе не подготовился.

Характерное дуновение ветра, которое уже не впервые доносило до него голос незнакомки, погладило Илию по голове. «Страшилки Мэб! Опять Мэб напророчит пакостей, у-у-у!» – донеслось до Илии. Он не смог удержаться и повернулся к голосившей девице. Но наткнулся на бескрайнюю пустоту долины – а шепоток все носился по округе. «Только и знает, что сыпать свои страшилки, что зерно в голову. Чего бы хорошего нагадала! Не тяни меня, мое право быть здесь!» Илия вскочил, отчего Джорна нахмурилась и велела ветру:

– Пойди прочь, бесстыдница!

Голос упорхнул, захлебнувшись в потоках воздуха. Илия вопросительно уставился на пророчицу.

– Не всем феям сидится на месте, я уже говорила. Но лучше жизнь до старости в родном доме, чем выйти к людям и умереть от их жестокости, – отрезала Джорна.

– Помогите нам, – внезапно для себя попросил Илия, и все трое оторопели от просьбы. – Знаю, мне нечего предложить Трините, но, может, настала пора сделать что-то для мира и получить желанные дары в ответ? Если все получится, я защищу вас. Я никому не позволю угнетать фей, можете быть уверены, вам найдется место в Эскалоте.

– Хорошее обещание, преемник, действительно хорошее. Я передам его феям, но не советую на нас рассчитывать. Мы замерли в ожидании и не готовы полечь в чужой войне.

– Чего вы ждете? – спросил Тристан.

– Я так долго говорила тебе о дарах и хочу поделиться радостью. Несколько лет назад я предрекла скорое рождение часовщика, и ныне в Трините растет мальчик, который еще не открыл свой талант. Его мать из рода Мэб и тоже зрит будущее, его отец – знает Истину о свершившемся. Этот мальчик сможет совладать со временем.

– В каком смысле? Чем это поможет?

Джорна, опираясь на трость, поднялась с резного стула. Кружевные полы ее платья трепетали в траве. Она взглянула в сторону родного замка.

– Часовщик сможет остановить, а точнее замедлить время в Трините. Мы долго его ждали. Возможно, мир уже благосклонно ответил нам, – с этим словами Джорна грациозно приподняла подол юбки и двинулась в сторону Трините.

Она отошла от них на приличное расстояние, но Тристан окликнул Джорну и подбежал к ней. Илия не различил, что он спросил, но услышал ответ.

– Как провидица, я ненавижу сослагательные наклонения. Просто терпеть не могу! Она мертва, моя внучка. Приди в себя, пальер.

Когда она растворилась в воздухе, сам собой незаметно исчез резной стул. Светало. Спать оставалось самые предрассветные крохи – до того, как солнце заляпает лучами тент и разбудит ребят окончательно. И они охотно уснули, словно сон о Мэб Джорне и их странном разговоре про фей перетек в сон без сновидений, крепкий и такой необходимый для обоих путников, заночевавших в Гормовой долине.

Глава VIII

Манифест в камне

И жизнь хороша, и, по-моему, смерть не напрасна, Здесь, <...> все, даже то, что ужасно, мой друг, Пропитано древней любовью, а значит – прекрасно.

Борис Рыжий, Свидание Гектора с Андромахой

С приходом утра Гормова долина утратила всякое волшебство, если не считать ее чарующих пейзажей, душистых полевых трав и чувства бодрости вопреки ночным бдениям. Илия только один раз ненавязчиво спросил у Тристана, что он думает, – правда ли все, что они видели и слышали ночью.

– Да кабы не Истина, – усмехнулся Тристан.

Вода смыла с его лица меланхолию вместе со следами сна. Впереди ждало множество горных рек, и они вольготно расточали остатки непитьевой воды. По мере того как холмы становились все выше, идти было труднее. Но удивительное воодушевление гнало их вперед, словно феи подменили их сапоги на волшебную крылатую обувь. И все же Илия не сдержался и завел беседу о грезах, что подбросило им Трините.

– Ты бодр и весел, а я не видел тебя таким... Никогда я тебя таким не видел спросонья. Что тебе приснилось? Причина во сне? – допытывал Илия рыцаря.

Тот резко обернулся к другу, и пряди его темных кудрей упали на лоб. Тристан улыбался светло, почти по-мальчишески, от его вида тепло стало и Илию. Он поторопил его неумным «так что?» и перепрыгнул через чью-то свежую нору.

– Рыцари не выдают секреты своих дам даже самым близким друзьям и сюзеренам, – он мечтательно опустил глаза, не прекращая улыбаться.

Илия предположить не мог, что такого снилось Тристану: говорил ли он с тенью Ронсенваль или вспоминал моменты из их прошлой жизни до войны. Но было ясно, что увиденное его несколько не измотало горем, не измучило тоской, а, наоборот, вдохновило.

– Что ты сказал? – Тристан вновь обернулся к Илии, и тот понял, что произнес последние слова вслух.

– Я подумал о твоём сне после разговора с Джорной. Ты выглядишь вдохновленным... А вчера вы пару раз упомянули, ну, вдохновение.

Улыбка соскользнула с лица Тристана, но слова его не расстроили.

– Ты прав. Я видел Ронсенваль и свою маму. И Ронсенваль ей очень понравилась. А еще я пережил в эту ночь столько любви и счастья, сколько не знал за всю жизнь, вот, – он, балансируя, прошел по бревну, пролегшему от одного берега мелководного ручья до другого.

– Я очень рад за тебя, – поздравил его Илия, но тут же аккуратно поинтересовался: – Это отменяет наш ночной разговор на холме?

Тристан покарабкался по валуну наверх, и они оба выбрались на поросшую тропу.

– Это ничего не отменяет. Я знал чувство глубокой скорби и одиночества, а сегодня ощутил иное... Но если и мои родители, и Ронсенваль где-то есть, пусть даже и в моей памяти, мне всегда будет куда возвращаться, – он делился своим откровением так просто, что это смущало Илию, хотя за годы дружбы он и сам перенял его необычайную привычку лаконично выражать эмоции, которые тактичнее было бы расписывать витиевато, начиная издалека.

Тогда Илия ничего ему не ответил, но в это мгновение сказанное кольнуло его и после кололо еще не раз, будто назойливая булавка, выбившаяся из ушка, которую невозможно поправить. Тристан нашел успокоение – и это было замечательно, но этот покой ему несли воспоминания, у него все еще не имелось надежд на будущее и нужных ему близких людей в настоящем. Илия же очень старался стать хорошим правителем и полагал, что начинать нужно с малого. Адъютант выдернул его из раздумий, полюбопытствовав, что снилось Илии.

– Мне тоже снилась фея, – признался он.

– Не Джорна? Разве ты знаком с другими феями? – Они шли вдоль склона. Пустоши и холмы остались позади, они вступили на подножье гор.

– Не знаком. Девушка, которую я видел и слышал в долине до и во время разговора с Джорной. Может, ты ее знаешь – волосы рыжие, маленькая такая, едва мне до плеча достает? – Илия поводил ладонью на уровне груди, отмеряя примерный рост девчонки.

Тристана отчего-то это очень позабавило.

– Нет, не знаю я такую фею. Хотя неловко выходит...

– Чего это неловко?

– Я, значит, вижу свою леди, которой присягал, и матушку, а ты какую-то прекрасную незнакомку... Что сказала бы Гислен?

Вопреки своей воле, Илия взъелся на его замечание:

– Что ты там такое себе придумал? Вовсе ничего такого мне и не снилось. Не вздумай тревожить своими домыслами Гислен.

– Я и не собирался, – холодно отозвался Тристан, ему совсем не понравилась реакция на безобидную, как он думал, шутку. – Как ты мог заметить, я не из болтливых. А раз там ничего такого, то не вижу повода меня лишний раз затыкать.

На памяти Илии Тристан огрызнулся второй раз – первый был в блиндаже перед присягой. И ему стало совестно и перед другом, и перед невестой, хотя причин переживать и вправду не находилось.

– Не злись на меня, я беспокоюсь о Гислен. В мое отсутствие ее совсем затравили: газетчики бушуют, сплетницы треплют ее имя на каждом рауте, герцогиня постоянно ею помыкает – «выпрямись», «поправь прическу», «иди медленно», «не клади ложку», «улыбнись». Это же просто ужасно! Едва мы поженимся, я увезу ее подальше от всех мамушек-тетушек, пока они ее поедом не сожрали. Если бы ты ей хоть словом обмолвился о феях или других девушках, она бы закрылась в себе еще больше.

– Я понял, прости. Я не буду ее расстраивать такими глупостями. Но... Хотя это не мое дело, – Тристан сам себя оборвал, осознав, что рискует разбередить другие мелкие ранки Илии – незаметные, как корочка на ссадине, но саднящие.

– Спрашивай. Мне важно знать, что тебя волнует, – Илия взобрался по корням дерева на склон повыше и подал руку Тристану.

Рыцарь подтянулся и оглянулся назад и вниз: они действительно шли быстро и легко.

– Ты выбрал странный путь... А, дошло. О Гислен, я хотел спросить о ваших отношениях. Тебе известно, чем она увлекается, что любит?

– Я понял, к чему вопрос, – Илия сам много раз спотыкался об эту мысль. – Кажется, Гислен сама не может определиться с тем, что ей нравится. Раньше она занималась всем, что ей навязывала герцогиня. Теперь же она постоянно подстраивается под мои вкусы, хотя я говорил ей, что мне это совсем не важно. Ну важно, конечно... Если она вдруг решит стать авиатором или археологом в землях Идеи, я сильно озадачусь. Но менее радикальные перемены пошли бы ей на пользу. Я думаю, когда она поживет отдельно от деспотичных воспитательниц, у нее появятся свои предпочтения.

Мелкие камушки под их ногами катились вниз. Иногда они намеренно их футболили и устраивали спонтанное соревнование, чей улетит дальше.

– Не получится у вас насладиться уединением. Норманну II осталось немного времени, хоть и нехорошо так о короле. А потом начнется придворная жизнь. И ее будут клевать и герцогиня, и общество, и протоколисты, и народ – и все на свете, – Тристан волновался о них, и его забота грела сердце Илии.

– Она будет королевой, никто не посмеет.

– Еще как посмеют, – горько возразил Тристан. – К королевам всегда относятся требовательно. Это королей боятся, а королевам все шишки. Сам посуди, Гислен ждет несносная жизнь, для которой она не приспособлена, и тебе придется постоянно ее защищать.

– И тебе придется – ты первый рыцарь, – Илия хлопнул его по плечу, будто намеревался прикрепить еще россыпь положенных звезд на погон. На самом деле он чуть не поскользнулся и попытался сохранить равновесие, ухватившись за Тристана.

– И мне придется, – повторил он, и его лицо на миг просветлело, чтобы померкнуть в следующие секунды. – Так что за фея тебе снилась? Что говорила?

Вдалеке послышался шум водопадов. Илия выбрал дорогу тернистую и крутую, но с привалами в безопасных местах. И оба были рады, что успевают добраться до места под лагерь к заходу солнца.

– Да так и не описать. О чем болтала, даже не вспомню, скорее – как. Чудная такая, какие-то песни напевала, какие-то цветы засохшие мне показывала, – Илия наморщил лоб, вспоминая, но больше не произнес ни слова. Дальше они шли безмолвно.

Они оставили свои воспоминания

Грохот водопада не помешал им выспаться, наутро они встали готовыми к восхождению, и на свежем горном воздухе даже простуда Тристана покинула его тело. Он спросил Илию, почему тот выбрал такую странную волчью тропу. Илия попросил его не подтрунивать.

– Знаешь, я готовился к походу, читал все о Малахитовом дворе. Мне показалось интересным одно изыскание... Мол, была плита с заветами Эльфреда, и ее несли к его погребению, но там какая-то история с предательством приключилась, и рыцари, что несли ее, разбили камень. Остатки плиты территориально здесь должны быть. Мне бы это очень пригодилось... Хотя шансов мало. Ну, и что смешного? Я же просил!

– Дай угадаю, этот текст тебе подсунули в библиотеке агнологов, и эта крупица «истины» не подтверждена ни в одном другом официальном источнике? Угу, ясно, – хмыкнул Тристан, и поднял руки, словно сдавался. – Да, Илия, это смешно. Еще немного, и ты встанешь на кривую дорожку кесаря Рольфа, который снаряжает нелепые экспедиции за волшебными чашами, зеркалами и прочими мифическими штуками. Не надо меня толкать!

– Это мне говоришь ты?

– Да, это тебе говорю я.

Позже он пробурчал, что пойдет, куда Илия прикажет, и что его дело малое. А когда они нашли первый осколок, Тристан безо всяких эмоций заверил, что ему понятно. И пошел дальше под громкий гогот Илии. Всего осколков было пять, все они были достаточно крупными и легко складывались в цельную плиту. Не хватало только пары незначительных фрагментов. Под вечер они разбили лагерь и собрали камни воедино. Илия прочел:

– Завещание или завет. Это же одно и то же на староскальском, да? Эльфреда, короля Эскалотского. Найди себе семь рыцарей, чтобы все семеро творили то, что творят мудрейшие из людей. Первого рыцаря – кузнеца, чтобы не только знал оружейное дело, но и сам мог взяться за молот и выковать то, что приказывает выковать. Второго

рыцаря – корабельного мастера, чтобы сам он мог построить флот тебе, на котором отправитесь вы в набег... Эльфред ходил в набеги? Что? Третьего рыцаря... Я не понимаю слово. Чтобы мог ты безо всякого опасения доверить ему замок в свое отсутствие. А! Кастеляна, там было рыцаря-кастеляна. Четвертого рыцаря – пахаря, человека простого, возделывавшего землю по роду или по нужде, чтобы знал тот, как народ прокормить в голодные годы. Пятого рыцаря – хитреца, чтобы мог он умаслить слух мужеский... чего? А, человеческий... лучше любого посла и найти союзников там, где были одни лишь враги. Шестого рыцаря – певца, чтобы воспел он всех вас, как лучший из поэтов. И, наконец, найди седьмого рыцаря – предателя, и сразу же прости его за все зло, еще им не свершенное, что придется нести ему одному, чтобы никому из вас нести не пришлось. Угу, – подытожил Илия.

– Какие-то сомнительные у него советы, – безо всякого смущения произнес Тристан.

Илия заметил, что Тристан не видит в древней реликвии ничего сакрального, хотя их находка – ценное археологическое сокровище, и спросил, что его смущает.

– Во-первых, наставления Эльфреда устарели, что, конечно, логично. В Пальере нет военно-морского факультета, да и знания о современном оружии у нас, знаешь, неактуальные. А про предателя звучит, как старческая притча, – Тристану не нравилось происходящее, он пыхтел и вертел кусочки плиты в руках.

– А во-вторых? Ты сказал «во-первых», – уточнил Илия, когда Тристан вопросительно вскинул брови.

– Точно. Меня немного смущает то, как легко мы нашли камни тысячелетней давности. Притом что мы не очень тщательно искали. Я до первого так вообще любовался пейзажами, пока ты под ноги паялился.

Когда Тристан волновался, он всегда немного тараторил и спотыкался о некоторые слова. Сейчас его речь неслась вперед быстрее мыслей Илии.

– Да что случилось? Чего ты завелся? – он был недоволен тем, как настроение Тристана омрачало их открытие.

– Ты прости мой скепсис, дружище, но мне это все, – он обвел пальцем лежащие фрагменты завета, – видится одной сплошной

подставой. Удивительное дело, агнологи десятки лет изучали вопрос о возрождении Эльфреда и ни разу не удосужились подняться в горы, чтобы найти такой ценный артефакт. Да они за серебряной вилкой пятисотлетней давности готовы нестись на край света, если она доказывает какую-то их теорию. А тут – ничего себе, манускрипт Эльфреда Великого. Валяется на тропе у нас под ногами? Сам поверишь, что они сколько раз сюда взбирались и не нашли?

Он был во всем прав, признался себе Илия. Правдивость его слов просачивалась в надтреснувший кувшин ликования. Он разочарованно взглянул на осколки.

– Склоняюсь к твоей версии, – сквозь зубы признал он.

– Хвала Истине, просветил! – выдохнул Тристан.

Часть плиты, брошенная Илией, покатила в сторону кустов и, растолкав шуршащую листву, спряталась в зарослях,

– Ты наблюдателен и указал на очевидное, а я, дурак, с радостью повелся на уловку. Наверно, я бесповоротно отчаялся, – Илия взглянул вслед улетевшему осколку. – Только теперь у меня еще больше вопросов.

– Зачем они так заморочились с подделкой?

– Да.

– И не водят ли они так же Рольфа за нос уже несколько лет?

– Да.

– И не солгали ли они, назвав тебя проводником Эльфреда?

– Что?

Они с Илией взглянули друг на друга: Тристан – пронзительно, Илия – потерянно. За возней с камнями они и не заметили, как ночь сменила сумерки, и теперь отблески костра плясали на их лицах, а их сгорбившиеся над камнями тела отбрасывали длинные танцующие тени на склон, – и все это было много древнее, чем фальшивка, лежавшая у их ног.

– Сам посуди, с кого все началось? На основании каких-то проверок... на чем – на крови и астрологии – и кто назначил тебя проводником?

– То есть ты считаешь, что я здесь по ошибке? – возмущенно выдохнул Илия.

– Нет, но я *допускаю* ошибку или намеренную ложь, чтобы создать себе короля-марионетку.

– О, кукольные метафоры из твоих уст считаются за каламбур? – процедил Илия.

Тристан закатил глаза и замер в таком состоянии, словно искал внутри себя нужные слова.

– Твоя доверчивость уже привела нас к тому, что мы где-то в лесах горы Раската на полном серьезе читали подставной завет, которого и в оригинале, возможно, никогда не водилось. Прошу, давай сейчас об этом поговорим.

– Давай поговорим, – Илия бушевал, он уселся поудобнее и с утрированным вниманием уставился на Тристана.

Адъютант же сделал вид, что не заметил его вызова, и раздвинул руками осколки плиты.

– Смотри, у нас есть множество материалов и утверждений, каждое из которых предоставили агнологи, – он разбивал каждую фразу ударом ребра ладони о землю. – Что кроме этого? Я точно знаю свое пророчество. Джорна предрекла, что это война того, кто борется со Лжецом. Что, если речь шла не о Великом кесаре? Что, если этот Лжец начал войну и внушил всему миру байку о королях?

– Потрясающее умозаключение, конспиролог. А еще Джорна говорила, что я отправился в поход за Истиной и что я – наследник «мысли и намерения» Эльфреда, – Илия ткнул указательным пальцем в опустевшую площадку в кругу каменных осколков.

– И что это значит? В поход за Истиной может пойти любой, кто ее ищет. И наследником идей Эльфреда может быть любой его последователь. Для того чтобы наследовать философскую мысль, не нужно быть монархом.

– И к чему мы придем? – в нетерпении Илия подводил его к итогу.

– Забудь про рассказы агнологов, забудь про Великого кесаря – мы не знаем, что творится в Кнуде, забудь даже про Джорну с ее размытыми предсказаниями: и у нас не останется ничего. Вдруг все это – Ложь? – шепотом спросил Тристан, страшась своих слов, он даже обернулся на шелест листьев.

Они оба слышали дыхания друг друга и треск поленьев. Какие-то птицы, какие-то мошки, какой-то ветер – сейчас пугало все. Словно Тристан остановился на пороге кульминации какой-то неизбежной страшилки, которую мальчишки рассказывают по ночам в летнем лагере.

– А ты? – внезапно спросил Илия. – Все, что делал ты, – правда.

– У меня есть дурное предположение, – произнес еле слышно Тристан.

– Какое?

– Вдруг проводник Эльфреда – это я?

Если бы Илия не полыхнул от его слов, он бы увидел, как Тристан весь сжался от своей же догадки и в какую мученическую маску обратилось его лицо. Илия потребовал объяснений. И рыцарь, набрав в грудь воздуха, выдал все:

– Я послужу великому королю древности в Великой войне: чем не служба Эльфреду – пожертвовать свое тело и судьбу для продолжения его борьбы? Агнологи, кроме одной той попытки Рокильда, ни разу не выходили со мной на связь, но охотно протолкнули меня, пальера, в адъютанты к тебе, человеку, который следует всем их инструкциям? Если на мгновение предположить, что моя теория верна и такова была их задумка, не все ли идет по их плану?

Молчание в разговоре обнажило хрупкость их убеждений. Угасающий огонь требовал еще дров, но никто из парней не шевелился.

– Ты хочешь занять мое место?

– Нет, – Тристан ответил до того, как Илия закончил говорить.

– Тогда зачем?

– Зачем говорить правду? – голос Тристана окреп. – Я вижу перед собой очередное доказательство политических игр агнологов и имею подозрения по этому поводу. Как бы там ни было, прав я или неправ, а ты – мой сюзерен, и я обязан быть с тобой честным.

– Тогда мне несказанно повезло, что агнологи не учили пальерской верности, – договорив, Илия рвано выдохнул.

Ему действительно полегчало, когда Тристан подтвердил в очередной раз, что будет следовать своей присяге. Они, не сговариваясь, потянулись к одной ветке хвороста, чтобы подбросить ее в костер. Тристан с улыбкой уступил, подхватил полено поблизости и тоже бросил его к углям. Когда они разделили последние излишки из съестных запасов – сыр и вяленое мясо, – Илия пообещал, что они больше не вернуться к этой теме и что войдут в пещеру вдвоем. «И пусть Эльфред Великий, наш мудрый король прошлого, сам решает, кто ему нужен».

Утром они проснулись от звуков котелка, катающегося по лагерю. Снаружи хозяйничал лис, разворотивший их очаг и сумку, лежащую под головой Тристана. Благо все вкусности они вчера съели, а на сухой паек разбойник не позарился. Зато лису очень приглянулся сапог Илии.

– Отдай! Отдай сейчас же! Ух, поймаю, пойдешь на воротник! – угрожал Илия.

Лис метался по всей округе с сапогом в зубах, а босой Илия бегал за ним с шинелью в надежде набросить ее на наглеца и сграбастать его. Тристан бы и рад был помочь, но согнулся от смеха, глядя на это цирковое противостояние.

– Что стоишь? Помоги поймать!

Черные уши прижались к холке, и проказник дал деру. Илия выругался ему вслед под залиvistый хохот Тристана.

– Умоляю, пусть это будет в твоей биографии, – Тристан держался за живот и показывал пальцем в сторону лиса, умыкнувшего сапог.

Они соорудили для Илии подошву из валежника и примотали к стопе бинтами. Выговорившись вчера вечером, они словно выбросили в костер все напряжение, которое носили в себе – все страхи Илии о пещере и всю горечь потерь Тристана. Оттого их шаг был легким, смех – звонким, шутки – игривыми и добрыми. Им обоим казалось, что они только двое мальчишек, которые сбежали с уроков и придумали себе приключение: искать волшебный меч и будить старого короля. Через день пути они встретили преграду в виде бурной реки. Илия усомнился, не сбились ли они с пути. Он помнил карту наизусть и был уверен, что на этом месте должна быть мелкая речушка, которую легко перейти вброд.

– Значит, нелегко, – смиренно вздохнул Тристан, снял сапоги и закинул их в вещмешок.

Глубина была в целом приемлемой, даже на середине реки, но течение уносило их с каждым шагом все дальше на запад. Они цеплялись друг за друга. Тристан сказал, что им нужно увеличить площадь соприкосновения с дном и идти боком. Илия, которого окатило водой целиком, велел ему не умничать. Он даже пожаловался, что наступил на что-то особенно склизкое и неприятно шершавое одновременно. И все же Тристан, более легкий, нежели Илия, поддался течению и не устоял на очередном пороге. Его пронесло буквально пару шагов в сторону, Илия успел схватить его за китель и

встрянуть. Однако часть вещей бултыхнулась в реку и понеслась с невероятной скоростью. Они успели выловить только плащ-палатку, привязанный к ней котелок и один сапог. На берегу Илию пробрало на неумную ругань, он перебирал вещи и горячо возмущался. Тристан просто скромно тянул уголок губ. Илия спросил, что его забавляет.

– Я совсем не верю в пустышки агнологов, но вот в это – верю! – он вскинул свой одинокий сапог, из которого обильно хлынула речная вода.

Он сдавленно засмеялся так, будто чихал. Возможно, ему действительно попала жидкость в нос.

– Левый или правый? – раздраженно спросил Илия, уперев руки в боки.

– Остался левый.

– Отлично, теперь у нас есть одна полноценная пара, – он отпихнул ногой ошметки своих портянок.

– Только учти, у меня XIV размер, – деловито сообщил Тристан и еще посмотрел на подошву, чтобы убедиться, что не ошибся.

– XIV?! XIV, Тристан?! У меня X! Ты растешь, что ли, только в высоту? – сокрушался Илия, будто искал причину для жалоб.

– Да. У нас в Пальере были очень узкие проходы в уборную. Всю жизнь боялся нехстати застрять.

Они разобрали пожитки и отдышались. Рыцарь настаивал на том, чтобы Илия обулся, но он, как мог, отнекивался. В конце концов договорились носить сапоги по очереди. Спустя еще два дня восхождения их ноги превратились в рассадник мозолей и водянок. Илия вслух пожалел Норманна II, страдающего от подагры. После того, как лопнул очередной пузырь на многострадальном мизинце, Илия понял, что ему невыносимо идти в обуви, и решил пойти босиком, подсушить все ранки.

До пещеры оставалось всего ничего, и они чуть было не прошли мимо – вход в нее был незаметной расщелиной.

– С другой стороны, непонятно, почему мы рассчитывали на парадную арку с драконьей пастью вместо фронтона, – подметил Илия, разглядывая скалу.

– Не рассчитывали, но были бы рады увидеть, – Тристан тоже шарил по ветвям возле расщелины, будто бы искал знак или тайный рычаг.

– «Радость» – немного неуместное слово в случае встречи с драконом.

– С мертвым драконом.

– Вообще без разницы. Не хотел бы я идти в пещеру, перешагивая через челюсть чудовища.

– Хочешь, я войду первый? – предложил Тристан.

Но его идея была воспринята не очень радушно. Илия недовольно посмотрел сначала на него, а потом на вход, куда действительно можно было протиснуться только по очереди.

– Надеюсь, твое предложение продиктовано заботой, а не желанием унижить меня. Я не боюсь, – одернул Илия.

– А я боюсь, – мгновенно ответил Тристан. – Нормально бояться идти в темную пещеру с тысячелетним мертвецом, знаешь.

Изнутри пахло сыро и затхло. Парни переглянулись, Илия поморщился.

– Ладно, чего тянуть? – сказал он, шагнул вперед и зажмурился.

Он вновь возложил слишком большие ожидания на мифические возможности легендарных мест. Ничего не произошло. Он обернулся к Тристану.

– Мне кажется, мы слишком бдительны.

– И мнительны.

– Именно. Зажги мне факел, а я схожу на разведку.

– Может, я с тобой? – он уже копошился в сумках, доставая медицинский спирт, бинты и спички.

– Я недалеко. Как только увижу что-то интересное, кликну тебя.

– Хорошо, – согласился Тристан и протянул ему веревку. – Обвяжи вокруг корпуса. Мало ли, лучше перестраховаться.

Илия спорить не стал. Они обменялись: факел – Илии, конец веревки – Тристану. Без причины Илия считал шаги. На девятом послышался далекий глухой звук, а на двенадцатом сверху посыпалась земля и мелкие камушки. Послышался крик Тристана, и Илия почувствовал, как тот с силой дернул веревку на себя. Грохот катящихся камней – огромных валунов – стремительно нарастал. Илия бросился обратно, но не успел, вход начало засыпать, он только видел, как рыцарь, поначалу ринувшийся навстречу, вынужденно отступил и бросился под крепкие корни дерева перед ущельем. Камни долетали еще пару минут, хотя первой порцией выход засыпало доверху. Илия

еще какое-то время закрывал голову руками, а когда звуки стихли, выпрямился. Пришлось повязать платок на лицо – вокруг столбом стояла пыль. Пульс стучал бешено, впервые за долгое время Илию охватила паника. Он перебирал руками камни, но понимал, что слой настолько толстый, что его не разгрести за неделю в одиночку. Факел на земле продолжал тускло гореть, Илия схватил его и растормошил пламя. Он звал Тристана и надеялся, что тот просто его не слышит, как и он его. А если его завалило? А если его оглушило ударом камня? А если ему нужна помощь, которую Илия не может оказать? Илия не считал, сколько проторчал у входа, но, когда пламя факела почти померкло, он почувствовал, как что-то потянуло за веревку, все еще опоясывающую его талию. Илия попробовал дернуть ее на себя, но груда камней только дразнила его, зажав канат в неподвижные тиски. Но извне веревка все же тянулась и тащила его вперед. Значит, Тристан жив. Илия подумал, что, должно быть, рыцарь привязал край троса к тяжелому камню или бревну и столкнул его с горы, чтобы подать знак. И тяга была такой настойчивой, что Илию остался только один способ ответить Тристану. Развязывать мудреный узел одной рукой было сложно, но Илия справился. Напоследок сжав грубый войлок, словно прощаясь с последней нитью, связывающей его и с внешним миром, и с адъютантом, который, очевидно, не находил себе места, Илия разжал ладонь. Край троса выскользнул и спрятался в щели между валунами, вильнув, словно мышинный хвост. Илия проводил его глазами, развернулся в сторону зияющего чернотой туннеля и сделал первый шаг.

Глава IX

Босой король

*Сохрани меня, память грядущих людей!
Век, в котором я жил, был концом королей.
Умирали в молчаньи печальном они, И
величье венчало их скорбные дни.*

*Гийом Аполлинер, Сохрани меня, память
грядущих людей...*

Неприветливая пещера была узкой, иногда Илия протискивался боком, однако был искренне благодарен, что еще не повстречал ни одной развилки. Не хватало только блуждать в лабиринте с угасающим факелом, одной флягой воды и, смешно ли, одиноким завалявшимся сухариком в кармане. Спустя двести пять шагов (он все еще их считал) он уперся в тупик. Ощупав преграду, Илия понял, что перед ним плотная завеса древесных корней, за которой не наблюдалось никакого другого препятствия. Он достал кортик и принялся рубить проход. Корни поддавались с трудом, скорее, не поддавались вовсе. Илия пошарил по стенам вокруг – глухо. Путь дальше лежал через проем, обвитый корнями. Илия принялся усердно резать, ковырять и распутывать древесные косы. По ту сторону зарослей он чувствовал дуновение свежего воздуха. Когда Илия окончательно измотал себя, решил вместо отдыха осмотреть результат. Теперь в корневом кружеве появилась дыра, в которую Илия мог протиснуть руку, он засунул ее по локоть и не почувствовал ничего, кроме холодного ветра. Это его обнадежило. Факел потух, но с той стороны пробивался тусклый холодный луч, его хватало только для того, чтобы привыкшие к темноте глаза могли различать корни и пальцы. Когда отверстие стало немного шире, Илия присел отдохнуть. Он прикинул, сколько еще ему времени потребуется на расчистку прохода.

– Больше, чем я имею ресурсов, – Илия позволил себе два глотка воды – один, чтобы размягчить кусочек сухаря, который считался за

ужин, второй, чтобы запить скудную трапезу. После еды, если ее можно было таковой назвать, Илия прикрыл глаза и откинулся на корни.

Он не спал, скорее дремал. После обрывочного сна продолжал работу. В прорехах между корнями менялся свет – с едва заметного на яркий, с холодного на теплый. Портал разрастался, сухарь закончился, воды оставалось на дне фляги, а Илии нужен был еще день, чтобы он смог пролезть наружу. От голода и жажды силы иссякали, лезвие затупилось, а руки были стерты и исколоты в кровь. Когда луна в очередной раз вышла в небо, Илия отложил кортик, замотался в шинель и лег на корни спать. На мгновение он подумал, что мог бы отчаяться – сейчас или намного раньше – но в голове тут же промелькнули образы. Тристан у входа в пещеру, рыцари в окрестностях Пальеры, его однополчане на Новом фронте. Мысли неслись дальше и прилетели к порогу дома герцогини, на котором сидела Гислен, перебирающая старые письма, – новых он так ей и не написал. И, наконец, пробежав вдоль знакомых улиц, по которым ходили люди из прошлого, среди прочих Стефани с первенцем и телеграммой от Роба, память примостилась в гостиной дома, где сидели родители. Отец, нахмуривший брови от громких газетных заголовков, и мама – в белом, по какому-то пустяковому случаю. Они все побросали свои важные дела, будничные хлопоты, ответственные посты и собрались невидимым сонмом над душой Илии: стоять над ним спящим и напоминать, что он должен встать, как проснется, взять тупой кортик и продолжить прорываться дальше. И когда луч солнца пробился в глухой тоннель, Илия встал и продолжил. Он остановился, когда понял, что сможет пролезть, если снимет португую с подсумками.

Внутри пещеры был огромный зал – его своды мерцали полудрагоценными камнями, величественные сталагмиты устремлялись к ним, подобные колоннам, а сталактиты застыли неподвижным водопадом над голубым озером в центре пещеры. Солнечный свет лился сверху через купол из переплетенных корней и отбрасывал почти витражный узор на скалу в противоположном конце зала. Восхищение мастерством природы, сотворившей это место, окрылило Илию. Он вскарабкался по стенке к освещенной скале. Зыбкое крошево летело вниз, иные выступы, казавшиеся

устойчивыми, рассыпались прямо под ногами. Илия пожалел, что не оставил себе веревку для страховки. И только вблизи он понял – перед ним не скала, а огромная ладья, поросшая мхом и диким плющом. Древесина оказалась трухлявой. Илия смирился с мыслью, что на борт так просто не ступить, иначе он развалит всю конструкцию. Он решил обогнуть и осмотреть ее. И нашел, что искал.

На палубе виднелось нечто похожее на алтарь. Илия разглядел скелет. Вокруг валялось множество предметов – от останков одоспешенных коней до разбитых сосудов, набитых медью и малахитом. Шаг за шагом, стараясь не дышать, Илия добрался до тела Эльфреда. Червь разочарования точил Илию: это было логично, но бренность королевских костей и ветхость вокруг не внушали веру в волшебное присутствие. Илия не знал, почему ожидал увидеть Лоридаль сияющим и острым, как тысячу лет назад. Если Эльфреду не вложили в руки другой, менее значимый, клинок, то и чудесный меч предстал перед взором Илии не в лучшем виде. Он прогнил настолько, что развалился на три части. От блестящей стали и серебра не осталось и намека, все осколки клинка покрылись коррозией и патиной. Только малахиты в рукояти не утратили своего цвета, а совсем немного опутались паутиной мелких трещин и кружевом окислившегося металла. Илия поднес руку, но не посмел прикоснуться к Лоридально. Он гневно сжал пальцы и завыл, обессиленно рухнув на колени перед захоронением. Последний рубеж его надежд таился в почтительной неприкосновенности к реликвии. Что будет, когда он притронется к мечу, а тот рассыплется на щепки перед ним? Что будет, если Эльфред не очнется? Если Илия не почувствует ничего, кроме огромного горя и бессилия перед будущим? Страх поражения приковал его к подножию алтаря, Илия просидел так до вечера, не двигаясь с места.

Багряное солнце выкрасило в красный живого Илию и мертвого Эльфреда. Но был и третий – справа от Илии сидел скелет, почти зеркально повторяющий его позу. Последние крохи света были потрачены на то, чтобы разглядеть неожиданную компанию. Останки более молодые, нежели королевские. Одежда и горжет пятисотлетней давности. «Что он здесь забыл? Почему пришел сюда один? Что такого вершилось в его эпоху, что он пришел тормозить древнего короля?» Обнаженный тлением оскал говорил: «Ты не узнаешь». Илия издал

нервный смешок, утирая лицо, от бессилия залитое слезами. Он посмотрел на пустоту глазниц. «Ты не узнаешь».

– Что бы там у тебя ни случилось, я все понимаю, друг, – Илия взглянул на него еще раз.

Ночь и двое мертвецов по соседству его не пугали. Страшнее было думать не о смерти, а о жизни, в которую он вернется с пустыми руками, не принеся священного обещания «все будет хорошо».

– Я с тобой не останусь, – твердо заявил Илия и, вцепившись в край алтаря, подтянулся и встал.

Израненные руки Илии расчистили корпус Эльфреда от паутины. Он почему-то захотел взглянуть и туда, где должны были быть его зеленые глаза «цвета эскалотского малахита». «Такие же, как у многих из нас, такие же, как у тебя, Илия», – прозвучал в памяти голос отца.

– Чтобы ты знал, если это ничем не закончится, мы справимся без тебя. Я вернусь без тебя. И я... не знаю я никаких ритуалов, – решительно произнес Илия, хотя и шмыгнув носом, и вновь потянулся к Лоридалю. Он взялся за колючую рукоять и поднял одну из частей, другой рукой собрал остатки клинка.

– И это все? – спросил Илия у пустой пещеры. – Это вся твоя помощь? Ты погрузился в забвение, а потом оброс Ложью. И если желаешь ее рассеять, то я – твой последний шанс.

Голос Илии носился эхом под куполом, но Эльфред был неподвижен и нем. Илия разочарованно помотал головой.

– Я ухожу.

Он сделал несколько шагов по палубе, но пол под ногами обрушился, и Илия с криком рухнул в трюм. Последнее, что он почувствовал, – острую боль в темени и как на бровь, щекоча, сползла струйка крови.

Очнулся Илия в странном месте: в тронной зале с длинным столом. Люди, сидящие за ним, замерли каменными статуями: на лицах одних застыли гримасы удивления, ужаса, гнева, другие, повернутые в противоположную сторону, еще поднимали кубки, не заметив реакции прочих пирующих. В дверях расположился скульптурный ансамбль из нескольких фигур в динамичных позах, будто те только ворвались в залу с обнаженными мечами и призывными криками. Во главе стола пустовал малахитовый трон. Илия присмотрелся. Все сидящие на длинных резных лавках были

мужчинами, более того, рыцарями. В ногах одного из них сидел шут – в одной руке он держал погрызенную кроличью ножку, а другая тыкала указательным пальцем в сторону нападающих. Над столом навис в полете окаменевший платок. Илия долго разглядывал сцену, будто знакомился со всеми присутствующими. Шут привлек особое внимание. Его лицо, вероятно, привыкшее строить рожицы, смешно вытянулось, а рот застыл в немом вопле.

– Это Борбон Борбонда, – послышался спокойный мужской голос, от которого Илия дернулся и отпрыгнул от придворного дурака.

Откуда ни возьмись, показался король – живой, крепкий, высокий мужчина с зелеными глазами. Одна рука указывала на шута, вторая покоилась на рукояти меча с малахитовыми украшениями. Илия ошарашенно разглядывал Эльфреда, который делал вид, что все происходящее вокруг – самое посредственное событие.

– Хороший малый, – отрекомендовал он своего слугу и прошествовал к трону. – Его было больше всех жаль, в конце концов, он единственный здесь мирный человек.

– Что тут произошло? – тихо спросил Илия, чувствуя, как неуютно звучит его голос в акустике каменного зала.

– Бойня, – скорбно ответил Эльфред. – Это только первые ворвавшиеся. Их были тысячи. Они убили всех мужчин и даже младенцев-мальчиков, чтобы мстить было некому и некому сохранить и записать. Иногда не давать женщинам заниматься многими полезными делами – очень глупая затея.

Илия приподнял одну бровь, выражая недоверие иллюзии.

– Весьма прогрессивные мысли для короля древности.

– О, у меня была тысяча лет, чтобы разобрать и события последних минут моей жизни и все, что им предшествовало, – с улыбкой сообщил Эльфред. – Присаживайся, юноша, вот здесь пустует место.

– На трон? – удивился Илия.

Эльфред расхохотался.

– Ты уж не обижайся, хоть ты и гость, которому я отдам все лучшее, но этот трон займу я. Вот по правую руку – место сэра Ламеля – весьма почетное.

Илия осторожно подошел к скамье и присел.

– А где же сам рыцарь?

– Хороший вопрос, – задумчиво произнес Эльфред. – Последний раз я видел его, когда он просил моей помощи в спасении Рошана, а я задержал ее. Корю себя за это. Мы все за этим столом перед ними виноваты, кроме тебя, конечно, оттого и нет здесь их обоих среди нас.

– Вы знаете, зачем я пришел? – внезапно для себя спросил Илия.

– Да. В мое время предупреждали, что кто-нибудь да придет. Что же, так плохи дела? – буднично спросил Эльфред.

– Очень, – кивнул Илия. – Все очень плохо.

– Война? Голод? Болезни? – участливо поинтересовался Эльфред.

Илия замер, как одна из местных фигур, уставившись на каменного молочного поросенка на блюде перед собой. У Илии было много слов и много слез, он бы рассказал все наизусть, как самую страшную главу учебника истории. Но вместо этого он произнес:

– Недавно ученые посчитали количество жертв Последней и этой войны. Если сложить, их кровь покроет нынешнюю территорию Эскалота на полметра в высоту.

– Это... – вопросительно протянул Эльфред.

– По колено, – хрипло уточнил Илия. – Примерно по колено.

Он, наконец, взглянул на Эльфреда и ужаснулся своему наблюдению. Мужчина, хотя и выглядел статным, широкоплечим, мудрым и все понимающим, все же был немногим старше самого Илии. «Даже если лет на десять старше... Было ли ему хотя бы тридцать?»

– Мне очень печально это слышать, – он прервал раздумья гостя.

Илия дежурно кивнул. Воины вокруг были безучастны к их проблемам – они доживали свои.

– Вас все ждут.

– Не меньше, чем тебя.

– Меня ждут, потому что я ваш проводник, – устало сказал Илия. – Я не принц и даже не герцог. Я в лучшем случае преемник короля нынешнего и проводник короля прошлого.

– И если все так, то король в будущем, – Эльфред вовсе не понимал его тревог.

Зачем-то в голову забрела идея сравнить Эльфреда Великого и Норманна II. Молодой мужчина и старик, величайший полководец и миролюбивый реформатор, легендарный путешественник и мудрец, Эльфред, убитый предателями, впустившими вражескую армию, и

угасающий Норманн, неизлечимо больной. Все, что их объединяло, – это отсутствие наследника и Илия, закрывающий собой пустое место. Хуже самокопания была только необходимость сидеть здесь и сейчас за столом без возможности занять себя едой, питьем и разговором, чтобы хоть как-то скрыться от пронизательных глаз монарха.

– Мне думается, ты боишься отдать мне себя, потому что желаешь сам распорядиться своей судьбой. Это государева черта – не желать делиться своей ответственностью, – заметил Эльфред. – Могу ли я расспрашивать тебя, юноша?

– Как вам будет угодно, – скромно ответил Илия.

– Для начала почему ты пришел ко мне босым?

Вопрос огорошил Илию, он совсем забыл про то, что сейчас выглядит замаранным скитальцем. Он надул щеки и выдохнул, ощущая себя крайне неловко.

– По дороге со мной многое приключилось. Я отдал свои сапоги моему адью... первому рыцарю.

– Характеризующий поступок, хотя с высоты прожитой королевской жизни дам непрошенный совет: заботься прежде всего о себе, а уж после – о подданных. Ты видишь сейчас то, что видишь, именно потому, что я своему наставлению не следовал.

– Благодарю, – Илия в очередной раз отвесил кивок, смахивающий на сдержанный поклон. – Должен отметить, вы говорите и мыслите очень современно.

– Ох, юноша, знал бы ты, что и я волнуюсь! – признался Эльфред. – Потому позволяю себе заимствовать твои знания, чтобы соответствовать. Экая небылица – мы все же и у тебя в гостях – в моем замке, но в твоей голове!

Каменный платок над их головами отбрасывал странную тень. «Как он там оказался?»

– Вы уйдете со мной? – спросил Илия.

– Вряд ли ты бы действительно этого хотел. Да и мне негодно быть приживалкой в чужом теле и времени. Может быть, я могу отдать тебе свое наследие и наследство?

Нервные пальцы Илии зачем-то сами собой поскребли пустое блюдо. Раздался скрежет, Илия попытался отодвинуть тарелку от себя, но она плотно вросла в прочую композицию. Он ответил:

– Я всегда думал, что для королей важнее всего наследственность. Не знаю ни одного, кто бы не мечтал о рождении сына, – Илия без причины винился перед Эльфредом.

– Жаль прерванные династии не менее, чем павшие королевства, но все же... Если так поглядеть, все короли после меня всего лишь наместники. Просто скоро придет и твоя очередь. В наследство тебе достанется благословенный Эскалот, а наследием будут дела свершенные и задуманные. Ты вернешься из пещеры один, но не с пустыми руками. Но только я должен убедиться, что ты заслуживаешь хранить и расточать все наше богатство. И я чаю, что еще приумножать.

Внутренне Илия напрягся, хотя он знал, что испытания в таких делах – дело традиции.

– Что я должен сделать?

Эльфред долго всматривался в его лицо и, наконец, позвал:

– Пойдем со мной.

Они покинули тронную залу и очутились в просторной опочивальне с резной кроватью под парчовым балдахином. Илия почувствовал характерный кислый запах застарелых вещей, духоту и одновременно – ужасную жажду. На кровати лежал старик. Следуя немому указанию Эльфреда, Илия приблизился к изголовью. Старец был настолько дряхлым, что в нем сложно было разглядеть человека, скорее покойника, что вот-вот покинет мир, но все еще дышит по ошибке смерти. Каждая попытка вдохнуть сопровождалась безобразными клокочущими звуками и стонами. Тонкая морщинистая кожа была покрыта пятнами, за которыми сложно было разглядеть настоящий цвет. Старик разевал рот, как рыба на суше, и силился поднять руку к Илии. Среди череды путаных звуков и междометий Илия отчетливо различал только одно слово – «пить». Тонкие паутинки седых волос старика сливались с подушкой. Он стал олицетворением слабости. Илия открутил крышку фляги и заглянул внутрь. Почти ничего. Он взболтал остатки воды – два глотка от силы. Сам он хотел пить настолько, что готов был лечь рядом и кряхтеть с ним в унисон. Впереди ждало еще два задания и обратная дорога. Но здесь... Старик тянется своей немощной рукой в сторону фляги. Илия впивается пальцами в ткань чехла.

– Простите меня, там почти ничего не осталось, – безжалостно сообщает он. – А я должен вернуться. Мне очень жаль.

Старик, как может, кивает, убирает свою алчущую руку подальше от желанной фляги и заходится отвратительным приступом кашля, дрожи и неизвестной устаревшей молитвы. И успокаивается, замерев. Илия закрывает ему глаза и допивает последние два глотка. Удивительное чувство насыщения приходит вместе с ними. Илия смотрит на Эльфреда:

– Я не могу запретить тебе сожалеть о содеянном, только скажу, что ты поступил верно, – подбадривает его король. – А теперь помоги ей.

Эльфред кивает на кровать с почившим стариком. Илия хмурится и не понимает. «Кому?» Он смотрит на подушку. Где до того лежал покойник, сейчас металась Гислен – вся мокрая от пота и бледная. Она кричала изо всех сил. Илия в ужасе бросился к возлюбленной. Вокруг них носились женщины – с тряпками, тазами с водой и советами, как дышать и тужиться. Над постелью склонился доктор, недовольно поджавший губы. Он посмотрел на Илию из-под густых лохматых бровей и развел руками: «Ваше Величество, только кесарево». Гислен вцепилась в предплечье Илии так сильно, что наверняка оставила следы синяков. Она упрашивала его остаться, помочь и запретить ее резать. Снаружи дворца раздался взрыв. Илия только сейчас заметил, что за суетой комнаты не расслышал звуков извне – криков, грохота, стрельбы и рева самолетов. Он погладил Гислен по мокрым волосам и пообещал, что все будет хорошо.

– Послушай доктора, пожалуйста, – уговаривал он, целуя ее пальцы. – Ребенка надо достать, у тебя самой не получается. Надо, я очень тебя люблю, но надо.

В двери настырно стучались. Послышался голос: «Ваше Величество, крайне срочно». Илия разрешил войти. Мужчина остановился перед ширмой и громогласно объявил:

– Ваше Величество, меня в очередной раз отправили к вам. Сэр Трувер передает, что вы нужны срочно в Зале Совета. Северовосточный округ столицы взят. Враг подступает к дворцу.

– Я сейчас буду, – бросил Илия, отчего Гислен яростнее скомкала его рукав и притянула к себе. – Тихо, тихо, – баюкал он. – А что с Трувером?

– Seriously ранен в грудь, Ваше Величество, но отказывается идти в госпиталь, – доложил посыльный.

Илия решительно посмотрел на Гислен, но она только сильнее расплакалась под его взглядом.

– Пожалуйста, Гислен, моя прекрасная Гислен, все будет хорошо, – он сам едва ли сдерживал свою панику, но вместо выражения шока поправлял складки ее рубашки, постельного белья и разметавшиеся светлые локоны. – Я ничем не могу помочь тебе здесь, но я очень нужен там. Пожалуйста, дай доктору спасти тебя. Я вернусь, как только все закончится. Мне доложат, когда ты очнешься. Не бойся, так нужно, не бойся.

Он кивнул доктору и насилу вырвал руку из хватки Гислен. Она забилась в неумной истерике, причитая, что умрет. Акушерка ощупала ее лоб и констатировала: «Все в порядке. Просто нервный срыв. Она бредит». Вслед ему послышался вой, полный отчаяния: «Я больше тебя не увижу!» – и он остался за захлопнувшимися за спиной дверями. В коридоре было пусто. Посыльный куда-то исчез. Остался только Эльфред.

– Человеческое тело вмещает один разум. Второй будет лишним. В конце концов они начнут сражаться, как два феодала за одну землю, и никому от этой распри пользы не будет. Поэтому одному из нас надо окончательно погибнуть, – он проговорил учительским тоном, с должным дидактизмом объясняя естественные процессы.

Насторожившись, Илия следил за каждым движением короля.

– Нам придется сразиться? – предположил он.

– Что? Нет, ни в коем случае, мой друг! – удивился Эльфред. – Просто тебе нужно убить меня. Не беспокойся, я готов уйти.

– Но как же? Вам же нужно было... Я же проводник, – Илия задыхался от неожиданного предложения.

– Сейчас я не более чем твой союзник.

– Разве благородно убивать союзников?

– Нет, – уверенно ответил Эльфред. – Но монарх должен быть один.

Произнеся это, он достал Лоридаль из ножен и протянул наверху к Илию. Преемник нехотя взял меч. Он спросил, как это сделать.

– Когда один король казнит другого, он рубит ему голову. Прости, что доставлю тебе неудобство, но мне не пристало склоняться и тем более становиться на колени. Не мог бы ты взобраться на табурет, чтобы тебе было сподручнее?

Никогда еще Илия не чувствовал себя так странно, как тогда. Он стоял на резной табуретке, а Эльфред повернулся к нему боком. Его эскалотский профиль так же уместно смотрелся на монетах, как анфас Илию – на агитационных плакатах. Он завел меч за левое плечо и рассек воздух и могучую шею Эльфреда. Возвышение под его ногами пошатнулось, и Илия рухнул с табурета. Он очнулся в трюме заброшенной ладьи. По плечу полз паук, которого он, передернувшись, смахнул. В руках Илия обнаружил Лоридаль, но не тот острый клинок, что снес голову своего прежнего хозяина, а ржавый, развалившийся меч эпохи Малахитового двора, пролежавший в сырой пещере тысячу лет. Илия встал и прислушался к ощущениям. Он был свеж, полон сил, раны на руках и ногах зажили, а рассечение на голове затянулось само собой. Сколько же он здесь провалялся?

Илия поспешил выбраться из ладьи и из пещеры прочь. Протискиваясь сквозь корни деревьев обратно, он отметил, что либо они заросли за время его отключки, либо он сам стал выше и шире в плечах. Любой из вариантов казался странным – он около недели провел в диком ущелье с ничтожными запасами питьевой воды. Обратно он шел по туннелю и видел далекую точку света в конце. «Неужели камни исчезли сами собой?»

И вот выход все ближе, и слышатся голоса. Илия побежал к ним. В расчищенном проходе он увидел Тристана, Гаро и Оркелуза. Все трое о чем-то горячо спорили, но прервались и уставились на Илию. Троица выглядела уставшей: судя по их виду, они усердно разбирали завал. Все четверо молчали, только рыцари рассматривали Илию так, будто видели впервые. А потом Гаро с Оркелузом, не сговариваясь, достали мечи и опустили каждый на одно колено. Тристан недоверчиво помотал головой, словно надеялся сбросить морок.

– Это правда ты? – выдохнул он с надеждой.

Вопрос насторожил Илию. Он отложил Лоридаль на груду камней и ощупал свое лицо.

– А что, не похож? – опасливо спросил он.

– Похож, но... ты будто возмужал, – взгляд Тристана все еще блуждал в поисках причин его перемен.

Двое других пальеров не поднимали голов.

– Я нашел Лоридаль. Я встретил Эльфреда. Я прошел испытание и получил в наследство его мысль и намерение, – Илия слышал свой басовитый голос, такой похожий на прежний, но все же непривычный. – И это я.

Тристан опустил лицо в ладони, словно умывался, стирая с себя все переживания последних дней. Каждый услышал, как он облегченно вздохнул и прошептал «слава Истине!» А потом рефлексивно протянул руки навстречу, но тут же испугался своего панибратского жеста. Словно сомневался, в каком теперь он статусе и позволено ли ему касаться друга, как прежде.

– Все в порядке, – заверил Илия и потянулся к нему в ответ.

Они крепко обнялись, похлопав друг друга по плечам и спинам. Гаро обратился к Илии:

– Ты примешь нашу присягу?

Илия отпустил Тристана и посмотрел на склонившихся рыцарей.

– Да, конечно, приму, – тепло улыбнулся он.

День клонился к закату. Пальеры хором давали клятву. Илия повелел им подняться, но запоздало понял, что не имеет для них должных даров. Дабы соблюсти традицию, он отдал Гаро свой пояс с подсумками, а Оркелузу портупею. Он смущенно пошутил, что если и впредь он будет так одаривать вассалов, то прослышет скупцом. К ночи у Илии не осталось ничего, кроме изношенной грязной формы, верных друзей и величайших идей, когда-либо озарявших Абсолют.

Глава X

Эпоха драгоценных камней

После победы потуже затяни ремни на шлеме.

Японская пословица

Столица – прекрасный город Эскалот, практически лишенная провинциального колорита своим шумным очарованием, но украшенная всеми передовыми и модными веяниями. Ее жители были набиты скепсисом до полей своих головных уборов, он бурлил в них множеством вопросов. Если фронт – и солдаты, и мирные граждане – провожал Илию ликованием, порожденным его чудесными подвигами, очевидцы которых могли им лично поведать о личности преемника, то тыл еще не обрел свою веру. На первом же посту путников, вернувшихся из пещеры в горах Раската, встретили, как воскресших из мертвых. Один боец отчитался им, что весь Эскалот похоронил Илию после того, как из Пальеры никто не вернулся и не пересек следующий пост.

По дороге в штаб рыцари нашли для Илии новую форму и себя тоже привели в порядок. Штаб располагался в Сантье, и только из машины показалась голова, увенчанная рыжими, позолоченными локонами, как весь собравшийся люд в едином порыве опустил на колени. Мужчины, кроме тех, что были в касках, сняли головные уборы. Вперед выступил герцог Лоретт и сообщил, что Его Величество король Норманн II Удильщик отмучился. После срочного военного совета Илия спросил, когда же это случилось.

– Седьмой день как держим траур, – скорбно поведал герцог Лоретт, на его плечах Илия увидел погоны генералиссимуса. – Вот уж и вас, простите, похоронили. Радость какая, что вы живы! Пусть везде трубят: по радио, телевидению, во всех газетах. Чудо, чудо!

– Кто же правил всю эту неделю? – спросил Илия.

Герцог любезно провел раскрытыми ладонями, очерчивая контур своего мундира.

– Ваш покорный слуга, а также Первый Советник.

– И каковы были ваши дальнейшие планы?

– Согласно Протоколу мы ждали сорок дней результатов закрытых совещаний палаты министров, – ответил герцог Лоретт.

– Какова была воля короля Норманна II перед смертью? Он знал о моей ложной кончине? – интересовался Илия, попутно разглядывая обновленные карты.

– Ему сообщили, безусловно, но он уже утратил возможность мыслить трезво. Иного завещания нет. Вы все еще преемник, – заверил генералиссимус. – А позвольте полюбопытствовать, чем завершилось наше правое дело?

– *Наше* дело, – с улыбкой начал Илия. – Завершилось абсолютным успехом. Можете заметить это по мне.

– Я вижу, вы выглядите превосходно!

Сменившийся тон герцога Лоретта щекотал самолюбие Илии. Он довольно посмотрел на него снизу вверх, как тогда в окопе. Только теперь Илия сидел в походном кресле, а генералиссимус стоял перед ним на ковре. Впрочем, он не хотел в действительности унижать будущего тестя и все перевел в шутку.

– Надеюсь, Гислен узнает меня. Я позавчера впервые посмотрелся в зеркало и несколько минут искал сходства с собой прежним.

Герцог не выдавил ни одной улыбки, напротив, его глаза забегали по условному порядку офицерского штаба.

– Что-то с Гислен? Ну же, герцог, отвечайте, что с моей невестой! – потребовал Илия.

Часы тикали громче, пока они оба молчали. Генералиссимус некстати одернул полы кителя. Какой-то неуместный и торжественный жест для этого сдержанного мужчины.

– Что вы тянете?

– С другой стороны, кто вам еще осмелится сообщить... Ваше Величество, с прискорбием сообщаю, что ваша невеста, моя племянница... Наша Гислен мертва.

Илия вскочил в ярости. Он едва удержался, чтобы не схватить герцога за грудки. «Как он смеет так говорить? Какая жестокая шутка!» – кричала иррациональная надежда внутри Илии.

– ...седьмого дня, Ваше Величество! В один день с нашим покойным королем, – повысил голос герцог Лоретт и выдержал паузу, плотно сжав губы так, чтобы порочащие ее память слова не вырвались

случайно в их невыносимом разговоре. – Герцогиня, как могла, уберегала ее от новостей о вашей смерти. Гислен все же узнала, пришла домой и спросила. Лгать больше смысла не было. Моя супруга тактично ей подтвердила. Гислен сказала, что хочет побыть одна. Поднялась в комнату...

Герцог замолк вовсе не из театральных побуждений. Илия слышал, как ему самому больно давалась речь. В семье Лоретт не было детей, а Гислен приходилась им единственной родственницей.

– Она же не сделала ничего с собой? – через силу предположил Илия. – Она же не наложила на себя руки?

– Как можно! – возмутился его предположению герцог Лоретт. – Нет! Моя девочка – у нее не выдержало сердце! Так замертво и упала перед дверью. Даже в больницу не повезли. Сразу в морг.

Ощущения, окатившие Илию, напоминали последствия контузии. У него потемнело в глазах, в ушах зазвенело, в висках запульсировали вены. Он запоздало почувствовал руки герцога, усаживающие его обратно в кресло.

– Воды? – предложил герцог сипло.

Илия выставил руку в отрицательном жесте.

Вечером, когда он остался один в постели, почти ощутил, как некоторые части его окрепшего тела стремительно стареют – где-то в углу глаз залегает морщинка и один из золотых локонов покрывается серебром седины. Завтра он вернется в столицу, но прежде он досмотрит сон о Гислен. В первые дни знакомства они часто гуляли. Рядом постоянно маячила компаньонка, поэтому они флиртовали совершенно безобидно. Но Илию впервые так хотелось понравиться девушке. Светлые платья Гислен приманивали бабочек, а духи – пчел. Она иногда входила в раж повествования и воздушно размахивала руками.

– ...и я тогда выучила эту странную авангардистскую песню, но это не то, чего хотела герцогиня.

– А чего хотела герцогиня? – томно спрашивал Илия, подходя слишком близко, иногда бросая быстрые взгляды на бдящую компаньонку.

– Чтобы я тебя очаровала, – Гислен покраснела от своей откровенности и того, как почти коснулась носом его подбородка.

– Можешь передать, что успешно справилась, – ответил Илия. – У нее более скромные аппетиты, моя матушка желает, чтобы мы влюбились друг в друга как можно скорее.

Они оба заговорщицки улыгнулись, но, услышав покашливание надзирательницы, неумело спрятали эмоции.

– Думаю, с этим будет сложнее, – прошептала она, будто передавала секретную информацию агенту.

– Действительно, разве можно приказать сердцу? – Илия тут же скривился от такого избитого клише, вырвавшегося из его уст.

– Ну, я же приказала, – без тени бывшего счастья, буднично произнесла Гислен перед тем, как Илия проснулся с бешено бьющимся пульсом и в холодном поту, пропитавшем подушку.

Эскалот, город старинных башен, перемешанных с заводскими трубами, в этот раз встретил его весенними цветами в руках приветствующих людей. Верили они или нет в свершенное пророчество, но он вернулся домой легитимным королем, и этого было достаточно для народа, державшегося за свою монархию. В эпоху Удильщика страна цвела, как роза на государственном флаге. Но процветание не означало величия. Сытая жизнь предназначалась для мира, сияние орденов и венцов – для войны. И только изящная находка природы украшала любое из этих времен. Цветы – замечательные творения, они прорастали везде: и на обласканных садовниками клумбах, и на изрытых танковыми гусеницами полях; они украшали все: и черное облачение скорби, и праздничные одежды радости.

Илия поручил все хлопоты и корреспонденцию Тристану, строго наказав ему уйти отдыхать после ужина. Сам же преемник украл для себя день уединения дома с родителями. Однако настырный доктор Рокильд заявился на порог Гавелов с тысячами извинений.

– Ваше Величество, я – о, наконец-то! – теперь так могу к вам обращаться, – его обычно несвоевременная слащавая улыбка сейчас была даже оскорбительной. – Выражаю вам соболезнования и, конечно, поздравляю с успехом! Да, да. К делу: лига крайне интересуется, так сказать, достоверностью происшедшего в горе Раската. Это не так срочно, но, может быть, завтра...

– Нет, – резко ответил Илия с каменным лицом. – Вы совершенно беспардонным образом заявили ко мне домой. Это более

непозволительно. Отныне все встречи со мной возможны только на аудиенции, организованной согласно Протоколу.

– Ваше Величество, безусловно, но...

– И вне зависимости от условий нашей встречи, вы больше не можете говорить первым. Но раз вы все равно здесь, пройдемте. Я хочу закрыть этот вопрос и больше к нему не возвращаться.

Доктор Рокильд поспешил вслед за Илией, который привел его к журнальному столику со свертком из плащ-палатки. Илия отбросил один край, и их взору предстал Лоридаль. Рокильд благоговейно затрепетал, его трясущиеся руки потянулись к ржавому клинку.

– Прекрасен! Как мы и представляли!

Илия закончил демонстрацию, резко задернув ткань обратно. Рокильд недовольно зацокал.

– Я же могу его...

– Конечно, не можете, – отказал Илия, не дослушав наивный вопрос. – Эта реликвия будет перекована в церемониальный меч, который станет национальным культурным достоянием и собственностью короны. Никто, кроме моей семьи и адъютанта, не смеет к нему прикасаться.

– Но как же?.. Ваше Величество, лига агнологов желала бы, – он тянул свою неприятную продажную улыбку и подбирал слова.

– Лига может выразить свои пожелания в официальном письме, и я рассмотрю их просьбы в порядке очереди, – Илия был беспощаден в раздаче долгов. – Можете передать, я выражу свою благодарность за содействие публично, и этого достаточно. А если агнология нуждается в более детальном изучении эпохи Малахитового двора и личности короля...

– Безусловно!

Илия придвинулся ближе и по слогам проговорил:

– Я могу подсказать координаты, где предположительно находятся очень ценные фрагменты легендарного завета Эльфреда Великого.

Он сверкнул глазами, отчего оскал Рокильда померк, а вид стал жалобным и побитым.

– Я вас понял, Ваше Величество, – закивал он и принялся отступать к дверям. – Я все передам.

По дороге он нелепо раскланивался то на мужской, то на женский манер и едва не уронил подставку для зонтов. Илия хищно следил за

ним, пока доктор не скрылся за дверью.

Оставшиеся дни без короны на голове Илия тратил на пешие прогулки. Под шляпой с широкими полями он прятал свою приметную шевелюру и свободно расхаживал по рынку, гулял в сквере у родительского дома и даже однажды забрел в кинотеатр. До ушей Илии то и дело долетали обрывки фраз, покромсанных острыми ножницами цензуры и набитых соломой пересудов. Так он узнал, что обещал понизить цены на мясо втрое и малоимущим раздать по ослу с телегой. Правда, эту причудливую графу транспортной реформы тут же высмеяла булочница: «Дурень, какие ослы в столице? Обещали бесплатный проезд на трамваях!» Илия, сдерживая смех, поджал губы, оценив запросы горожан. Но лучшим из услышанного было заверение одного пожилого джентльмена: «Говорят, в траур вешать не будут, а на праздники – еще и не расстреливать!» Суеверия заполонили Эскалот, Илия полагал, что причина перемен напрямую связана с ним. Уверовать в своеобразное возрождение Эльфреда Великого было нетрудно. Слишком много сошлось совпадений: история о поднятом в бой танке по имени «Ужас», двенадцать золотых молний, практически одновременная смерть короля Норманна II и вождя Кургана в Радожнах. И если болезни и старость Удильщика виделись вполне естественными причинами, то радожскому вождю было всего пятьдесят четыре года, и он славился отменным здоровьем – «богатырским», как говорили на его родине. Илия отдал приказ отправить письмо его вдове Рогневе Бориславовне с соболезнованиями.

– Фигурально она не вдова, – поправил лорд Гавел сына наедине после долгого заседания с советниками и министрами. – В Радожнах нет культуры брака. Мужчина и женщина могут прожить вместе многие годы, хоть до старости, но их отношения никогда не будут официальными. А все дети принадлежат и опекаются единой общиной Радожен. Большинство из них также воспитываются в родных семьях, но официально они общие. У вождя Кургана нет детей, да и после революции власть еще ни разу не сменялась. Поэтому неизвестно, чего ожидать. Обозленные эмигранты и враги Радожен называют Рогневу наложницей, но сам вождь звал ее по полному имени на публике, а в личной переписке, как говорят, «верной подругой». Народ иногда обращается к ней «матушка Рогнева Бориславовна». Это очень

почетное обращение. Теперь они не называют никого господами, но родительские прозвища – это дань большого уважения. Несмотря на неустойчивость ее статуса, это самая влиятельная женщина в Радожнах. Тебе стоит заручиться ее поддержкой.

Илия внимательно его слушал и мотал на ус каждое слово.

– Кто сейчас правит Радожнами?

– Полагаю, Совет воевод, – задумчиво произнес лорд Гавел. – Мы так сконцентрировались на войне с Кнудом и твоей миссии, что я уже и не знаю актуальных новостей из тех земель. Радожны притихли. Самое время склонить их на нашу сторону. Хотя Великий кесарь может попытаться перехватить эту инициативу. После твоей коронации я уеду в Кнуд.

– Прости, ты собрался в Империю и только сейчас мне об этом сказал? – возмутился Илия. – Это не семейный вопрос. Я послезавтра взойду на престол, а ты, один из моих министров, сообщаем, что самовольно решил отправиться в стан врага?

Его недовольство позабавило лорда Гавела, однако он извинился.

– Следовало посоветоваться с тобой, ты прав. Но это были сложные дни, а времени у нас не так много. Рольф – мой кузен, мы списались лично. Он ждет меня на переговоры. Это парламентарский визит, он безопасен, насколько это будет возможно.

– Но почему именно ты? – Илия будто со стороны услышал собственную детскую обидчивую интонацию.

– Я – министр иностранных дел. И потом, я единственный знаю Рольфа достаточно, чтобы понять, прошел ли он тот же путь, что и ты. Ты говорил, что сражаешься со Лжецом...

Илия согласно кивнул и бросил взгляд на экран телевизора в кабинете. Репортаж прощальной церемонии в Радожнах показывал все величие ушедшего правителя и любовь народа к нему. Все белокаменные Хоромы и площадь перед ними были усыпаны цветами, бесконечная человеческая масса не имела конца и края. И только монохромная пленка добавляла скромности пышным похоронам вождя. Мимолетная зависть скользнула в душе Илии юркой змейкой. Он отогнал ее и посмотрел на эскиз короны, лежащий перед ним благостным обещанием, что его правление не померкнет на фоне броской фигуры радожского лидера.

Под бой пушек Илия покинул карету, в которой прибыл ко дворцу. Коронация, как и все значимые государственные события, проходила не в королевской резиденции, а в самом большом музейном комплексе в центре столицы. Белое Сердце – бесспорный шедевр архитектуры с кружевом арок и рельефов из светло-серого камня. Он был воплощением высокой культуры Абсолюта: заимствованные мотивы полуразрушенных храмовых фасадов, найденных в землях Идеи, переплетались с сюжетами местной, старой, еще религиозной поры. В двух высоких башнях располагались колокольни, которые до установки современной системы тревоги использовали для сигнального звона. А под центральным ажурным куполом был установлен огромный рог. Наука объясняла его происхождение доисторическим периодом, когда материк населяли гиганты. А легенды гласили, что Ламель отрезал его у побежденного демонического быка. Как бы там ни было, трубил он, благодаря своей мощи и акустике купола, на полгорода. Вот и сейчас его протяжный басовый вой украсили разные тембры колоколов. Белое Сердце распахнуло массивные резные двери.

За спиной Илии протянулся длинный шлейф желтой бархатной мантии, подбитой горностаем. Следом маршировали все пальеры – от однокурсников Тристана до самых пожилых, еще способных держать свои мечи, – всего двадцать семь человек. За четыре года войны Орден почти истребили. И неизвестна основная причина гибели: не то приверженность старому оружию, не то долг чести, вечно зовущий рыцаря в самое пекло. Пальеры дали самые печальные цифры потерь среди прочих офицеров, но никто не мог сказать, что погибали они бесславно, или глупо, или быстро. Большинство значимых подвигов совершали именно они.

Тремя днями ранее здесь же, в Белом Сердце, Эскалот отдал дань памяти павшим членам Ордена. Илия повелел собрать все останки рыцарей, иной раз даже закопанные у фронтовой дороги, упокоить в новом склепе и выдержать траур, недолгий и скромный, как пальерская жизнь. Девиз на зеленых знаменах – «На смену друг другу» – теперь читался особенно трагично. Последний курс пальеров – курс Тристана, Гаро и Оркелуза – ловил на себе печальные взгляды старших товарищей. В них тлела надежда на возрождение Ордена, на восстановление родного замка, на новых послушников, вошедших в

стены Пальер-де-Клев, но озвучить ее никто не решился. Уцелевших рыцарей было двадцать семь, а гробов – двести тридцать два. Каждый покрыт разделенными надвое флагами. На одной половине – эскалотский герб: белая геральдическая роза с мордой льва вместо сердцевины, на второй – пальерский дуб, прорастающий зеркальными ветвями-корнями в обе стороны. То в одном, то в другом конце холла слышался сдавленный плач, семьи рыцарей прощались с родными, но по их заветам старались не показывать свои чувства. Немилосердное эхо обличало каждый всхлип, обнажая чужое горе, такое беззащитное и едва ли скрытое под тонкими вуалями.

В первых рядах клином расположили гробы целого эскадрона рыцарей, удерживающих переправу на пути к Гормовой долине неделю, даже когда пришло сообщение о ложной смерти преемника. Гаро и Оркелуз подходили к каждому выгравированному имени и благодарили: подвиг кавалерии позволил им уцелеть, обогнуть вражеский полк и отыскать Тристана на горе Раската. Оркелуз нахмурился, всматриваясь в даль батальона гробов, а затем похлопал Гаро по руке. Илия проследил за взглядом де Луази и увидел невысокую фигуру мальчика в такой же парадной форме, как и его спутники. На вид ему было лет шестнадцать.

– Тибо, – узнал Тристан и двинулся к юноше. Их сокурсник был самым младшим в Ордене, и он еще ни разу не принимал участия в бою. Четверо подошли к Тибо. Какое-то время они говорили, делились новостями, но бывший одноклассник отвечал понуро и вяло. Тристан бросил взор на именную табличку на ближайшем гробе и замер, обомлев.

– Что такое? Вы знакомы? – спросил Илия.

И тогда Гаро с Оркелузом тоже застыли, потрясенные. Луч, пробившийся сквозь цветной витраж, яркий, веселый и незванный, падал на их лица и латунную табличку, в глубину которой черным проваливались буквы «Сэр Петер Мерсигер». Илия побоялся прервать синхронный ритуал прощания, и даже не решился оставить друзей одних, чтобы не отвлечь цоканьем каблуков. Тристан опустился на одно колено, поцеловал край флага и тихо произнес: «Спасибо». Трое других повторили за ним. Они поочередно шмыгали носами, и было неясно, кто из них не сдержался в этот раз. И наконец Гаро заговорил:

– Это был наш наставник. Он вел нас с поступления до выпуска. А Тристана он вообще вырастил с пеленок.

Адъютант Илии ничего не ответил. Он продержался всю церемонию с тем же ничего не выражающим видом в усыпальнице пальеров, с каким сейчас, три дня спустя, стоял первым рыцарем к престолу, слегка опустив голову в постоянном поклоне. Он был олицетворением своего Ордена. Такова была его соболиная участь – украшать чужое величие.

По окончании коронации последние рыцари выстроились по краям прохода, образовав живой коридор, по которому преемник возвращался уже истинным монархом Илией I с короной на челе и перекованным Лоридалем на поясе. Утопающее в мехах золотое массивное ожерелье, как и рукоять меча, было убрано крупными малахитами. Но массивная корона богато инкрустирована алмазами, бриллиантами и изумрудами. На улицах лепестки душистых цветов летели на головы рыцарей, сопровождавших церемониальный кортеж.

– Будьте счастливы! – провожала его пожилая женщина, бросившая горсть зерен под копыта коней.

– Да здравствует король! – хлопал в ладоши мальчишка в национальном эскалотском костюме.

– Слава королю Илии! – махали флажками девушки на мосту.

Эскалот был благосклонен и лоялен новому правителю. Напрасно глава службы безопасности страшал всех возможными терактами и покушениями. Иногда Илия проверял судьбу на верность и останавливался посреди людной улицы и вскидывал голову к чистому небу. Но ничего кроме лент, букетов и девичьих платков его не касалось. И тогда он шел дальше. Народ был ему ближе, чем привилегированные подданные. Иногда из толпы на улице вырывались дети, чтобы дотронуться до короля или передать ему поделку, иные одиночки могли упасть ему в ноги, чтобы попросить закончить войну или пожелать долгого правления. Только на приеме по случаю коронации агнологи некстати совалялись со своими анкетами и краткими докладами, аристократы пытались предложить своих родственников на придворные посты, а иные лорды будто бы невзначай представляли Илии своих незамужних дочерей. После явной попытки сватовства Тристан подал уговоренный знак, дважды кашлянув в носовой платок,

и распорядитель громко объявил, что его величество отправляется отдыхать.

Когда гул празднества утих, гомон поздравлений остался за пределами королевской спальни, а тяжелая мантия упала с плеч, Илия попросил Тристана принести ему букет белых роз, перевязанных синей лентой. Он безмолвно постоял над могилой Гислен в их семейном склепе и вышел с чувством еще большей вины и сожалений, чем принес на кладбище. Он вернулся во дворец, когда слуги уже прибрали последние напоминания завершеного раута. Тристан спал на софе в личной приемной перед спальней. Илия осторожно потрепал его за ногу.

– Иди к себе, спи нормально, – шепотом сказал он, чтобы не разбудить окончательно Тристана громкими звуками.

– Подожди, мне же надо тебя уложить, – отозвался заспанный растерянный адъютант, отчего Илия впервые за долгое время засмеялся.

– Оттого, что я стал королем, я не разучился самостоятельно чистить зубы и переодеваться в пижаму. Ложись спать.

Тристан покивал и сонно побрел в сторону потайной двери в стене – в адъютантские покои. Но по дороге развернулся, будто вспомнив нечто важное.

– Может, хочешь поговорить? – участливо спросил он.

– Завтра, – отмахнулся Илия, хотя весь его вид кричал об обратном.

Ему не удалось скрыть свое состояние от пронизательного Тристана.

– Нет уж, давай я лучше притащу нам крепкий черный чай с кухни.

– Ложись спать, – повторил Илия.

– Перестань мной помывать, – передразнил Тристан. – Восемь часов всего король, а уже раскомандовался.

Они болтали о всяких пустяках – о том, что страшнее Протокола только Лесли, рвущаяся его блюсти, о расселении пальеров во дворце, о неуклюжих попытках Рокильда выйти на связь в обход этикета, о том, как смешно чихает Первый Советник, вдохнув гортензиевой пыльцы. А потом Илия сказал:

– Я долго думал над испытаниями Эльфреда. И понял, что за выборы я сделал. В первый раз он захотел, чтобы я решал между собой и другим человеком. И я выбрал себя. Поэтому умер Удильщик. Нет, дослушай. Потом он поставил меня перед выбором между любовью и дружбой. Или одним долгом и другим, я так и не понял. Но я выбирал между тобой и Гислен.

Илия умолк. Тристан, опасаясь ответа, задал бестактный, но волнующий его вопрос:

– Жалеешь?

В ответ король пожал плечами:

– Как там говорят: все равно что выбирать между правой рукой и левой. И так, и так бы жалел, – он, сощурившись, посмотрел в сторону. – Но это было нечестно. Он не имел права лишать жизни одного из вас. Вы слишком молоды для этого.

– А Курган? – сменил тему Тристан.

– Я не знаю. Так и не понял. Я вроде даже не выбирал. Эльфред просто дал мне казнить себя. Почему это случилось на Кургане, я не представляю, – Илия понизил голос. – Наш разговор – большая тайна. Если Рогнева узнает, что я, пусть и нечаянно, причастен к внезапной гибели их вождя, мы получим не союзников, а врагов.

Легкая беседа больше не клеилась, они допили остывший чай и пожелали друг другу спокойной ночи. Королевское ложе было таким просторным, много больше привычной кровати Илии и уж тем более койки в блиндаже. Оттого явно ощущалась пустота. Илия поводит рукой по незанятому месту рядом, закрыл глаза и попытался представить, что мог бы лежать здесь с Гислен, но фантазия о ней в постели под балдахином отозвалась вовсе не прежними манящим теплом и трепетом в груди, а пронзительным криком: «Я больше никогда тебя не увижу».

Илия перевернулся лицом в подушку и тихо заплакал. Безучастные стены монаршей спальни видели много слез, откровений, смертей, радости, измен и болезней. Очередная трагедия просто захлебнулась, приглушенная геральдическими шторами и старинными гобеленами, скрывающими полки и тайные проходы. Илия всегда любил уроки истории, но уже всем сердцем ненавидел свой параграф. Он знал, что будет сотни раз возвращаться к той неизвестной кровати с замученной Гислен, все никак не способной разродиться, и умолять

Эльфреда забрать его, только бы оставить в живых и невесту, и лучшего друга. Но Эльфред уже мертв во всех мирах и Гислен упокоилась в холодном склепе Лореттов. И иногда, не выдержав, кулак Илии будет бить по незанятой никем перьевой подушке, потому что молодой король так и не научится спать посередине постели, всякий раз скатываясь на край, обнажая последствия его выбора. И редко, несправедливо редко, ему будут сниться сны, которые не имеют ничего общего с правдой, но именно они будут ближе всего к Истине.

Эпилог

Роса ненастных грез еще поблескивала на светлых пушистых ресницах. Илия ворочался и мычал всю ночь, даже чуткий Тристан перестал реагировать на его кошмары. Они все повторяли самый первый – непрощенный гость в королевской спальне.

Когда усталость взяла над Илией верх, он провалился в зыбкие пышные перины и беспмятство крепкого сна. А потом он очнулся в долине фей. Гормовы холмы шумели знакомыми травами. Он точно знал, что ему нужно домой. И он шел, почти что летел: сквозь опустевший лес, руины Пальеры, настороженных постовых, брошенные окопы, гремящие битвы, осиротевшие деревни, сборища на вокзалах прифронтных городов, все ближе и ближе к столице, пока не ворвался неугомонным ветром в королевский дворец. Его стремительные ноги не касались лестниц, ковровых дорожек в коридорах и мраморных плит. Он в нетерпении ворвался в свою спальню, поднялся над кроватью и рухнул в свое спящее тело. Илия резко открыл глаза. Между ним и голубой парчой балдахина парила фигура рыжеволосой девушки, невесомой и тонкой, с любопытством разглядывающей его. Когда их глаза встретились, незнакомка по-детски улыбнулась и протянула к нему указательный палец.

– Проснулся, братец-король! Кабы не так: во сне не считается! Сестры меня к тебе не пускают, говорят, дурочка и опозорю их. А я всех перехитрила.

Девчонка игриво хихикнула. Ее смех был меньше всего похож на человеческий голос. Скорее на перезвон серебряных бубенцов в лошадиной упряжке или стук тонкой десертной вилки о чистый хрусталь фужера. Прозрачность помыслов плескалась в ее бурлящей речи, а разноцветные образы расплывались в рассыпную шустрými мальками, стоило попытаться ухватить их пятерней. Болтала, что думала. Ее внимание не могло задержаться на месте ни секунды, словно оно было таким же невесомым, как ее эфемерное тело, словно ее мысль никогда не знала земного притяжения. Фея то щебетала про коварных сестриц, то неожиданно удивлялась цветочному узору на шторах, то подлетала вплотную к Илие, чтобы разглядеть его профиль

и совершенно искренне выразить недовольство о его несоответствии ее представлениям о королевских носках.

Послышались шаги Тристана, копошащегося у входа. Судя по высказанным возмущениям и характерным звукам, он пытался в темноте попасть ступней в тапочки. Он почти у дверей. Стук.

Летающая девушка обернулась на шум и обхватила свой рот двумя ладонями, будто это была единственная возможность замолчать. Ее вскинутые брови выдавали испуг. Она совсем не хотела попасться, если это, в принципе, было возможно.

– Свидимся, братец-король! – бросила она, прежде чем упорхнуть в окно.

Тристан вошел без дозволения, замерев у порога. Илия со сдавленным криком очнулся.

– Ты в порядке? Ты как-то странно хрипел...

– Слишком часто феи врываются в мою спальню. От вас есть оберег? – раздраженно ответил король и бросил в адъютанта подушкой.

Первые лучи новой эпохи озарили Эскалот. На шпилях башен, вихрясь, хлопали флаги в унисон с птичьими крыльями. Обрывки бумажных гирлянд носились по бульварам, то и дело норовя прилететь эскалотцам в лицо. На подошвы прилипали лепестки и конфетти, залитые сладкими напитками. Мальчуганы, разносящие газеты, встали ни свет ни заря – новостей было так много, что иные газетчики добавили специальные выпуски к своим ежедневным изданиям. Недовольные дворники ворчали, что во всеобщий выходной им больше обычного придется работать, а неумные голуби на площади только добавляли бардака и потом, неудовлетворенные проделанной работой, летели под черепицу курлыкать, чтобы их могли возненавидеть все горожане, что тешили себя надеждой выспаться. Илия задернул щель в пологе и постарался сберечь остатки утра от наступающей суеты.

На дворцовой парковке заревели моторы нескольких служебных машин: на рассвете министр Гавел отбыл с дипломатической миссией в империю Кнуд, не пожелав тревожить сына.

Примечания

1

Гербовый элемент. Набитый обруч из ткани двух цветов, который надевался на шлем или иной головной убор.

2

Круглый элемент доспеха.

3

Часть доспеха, защищающая шейно-грудной отдел.